

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 4 (250)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 4 (250). – 176 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Дмитрий Тренин.</i> Внешняя политика Российской Федерации.....	5
<i>В. Миронов.</i> Диалог культур: Глобализационные угрозы	15

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Яна Амелина.</i> Политические реалии Татарстана	30
<i>Магомед Дадуев, Саид-Хамзат Нунуев.</i> Этнический и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности в постсоветском обществе (на материалах Северного Кавказа)	41
<i>Айдер Булатов.</i> Ислам в Крыму: От трагического прошлого к проблемам современности	51
<i>С. Колдыбаев, С. Турежанова.</i> Современный Казахстан: К вопросу о религии и религиозных объединениях	75
<i>Е. Бородин.</i> Киргизстан в контексте мировой экономики и политики	79
<i>Александр Шустов.</i> Исламизация Центральной Азии (Таджикистан, Киргизия, Казахстан)	90

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Дина Малышева.</i> Афганский эндшпиль и региональная безопасность	94
<i>П. Шлыков.</i> Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х годов: Смена парадигмы?	107

<i>Руслан Курбанов.</i> Что ждет дом Саудов?.....	121
<i>М. Саттиев.</i> Проблемы конфессионализма в Ливане	133
<i>Л. Пахомова.</i> Исламские банки в экономике стран Юго-Восточной Азии.....	137

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>В. Петрищев.</i> Исламское право против экстремизма	148
<i>К. Азимов.</i> Технологии управления хаосом и события в арабском мире	163

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Дмитрий Тренин,
директор Московского Центра Карнеги
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская внешняя политика за прошедшие 20 лет не допустила «обвала» позиций страны в мире и отказалась от опасного искушения попытаться взять реванш за распад СССР. Она обеспечила минимально приемлемый уровень отношений с большинством главных внешних контрагентов России и ее непосредственных соседей. Идеология «ушла» из российской внешней политики, а центральное место в ней заняли вопросы экономических отношений. Внешняя политика страны, оставаясь «государственной», стала в гораздо большей степени «национальной», чем во времена СССР: в ее поле зрения оказались интересы крупных российских компаний, отдельных категорий граждан и общества в целом.

В то же время прагматизм, которым гордится нынешняя российская внешняя политика, остается «голым». Он не укоренен в провозглашаемых, но реально не разделяемых элитой страны общественных ценностях. В результате вместо того, чтобы быть воплощением просвещенного национального эгоизма, внешняя политика РФ нередко выглядит примером узкогруппового оппортунизма. Национальный интерес слишком часто подменяется в ней конкретными интересами отдельных монополистов, которые считают, что то, что хорошо для них, хорошо и для России. Процесс принятия решений является непрозрачным. Это существенно ограничивает эффективность внешней политики РФ.

Подлинно национальный интерес требует максимально широкого привлечения внешних ресурсов для модернизации страны. Практически это означает установление и поддержание стабильно мирных и партнерских отношений со странами, где сосредоточены основные внешние ресурсы, технологии и опыт, которые могут

быть задействованы в интересах российской модернизации. Это, главным образом, страны – члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также ряд других ведущих стран, входящих в группу БРИКС.

Чтобы получить полный доступ к этому потенциалу, необходимо найти приемлемый баланс между экономическими интересами, политическими реалиями и потребностями обеспечения национальной безопасности. Основными слагаемыми успеха могут стать экономическая интеграция со странами СНГ; постепенный, но решительный выход из «остаточной» конфронтации с США и демилитаризация отношений с ними; тесное экономическое и гуманитарное сближение с Европейским союзом (ЕС); всестороннее сбалансированное партнерство с Китаем; нормализация отношений с Японией.

Важнейшим принципом внешней политики РФ является стратегическая самостоятельность страны на международной арене. Разумеется, ни одна страна в современном мире, включая США и Китай, не является полностью независимой от других. Речь идет именно о самостоятельности в принятии решений. Россия не входит в союзы, возглавляемые другими странами, и пока что не участвует в политико-экономических объединениях, управляемых на наднациональном уровне. Полномочия Комиссии Таможенного союза (ТС) ограничены, и таковыми должны быть полномочия других экономических объединений с участием РФ, включая перспективу создания Евразийского союза (ЕАС). Именно стратегическая самостоятельность России является главным содержанием понятия «великая держава» в его современном прочтении применительно к РФ.

В геополитическом отношении РФ является не столько евразийской, сколько евро-тихоокеанской страной. Это определение подчеркивает европейские корни России, но одновременно и важнейший геополитический и геоэкономический факт наличия у нее широкого выхода в Тихий океан, соединяющий ее с Восточной Азией, Америкой и Австралией. В отличие от евро-азиатской / евразийской терминологии евро-тихоокеанское определение делает упор на культурное самоопределение страны и указывает на прямой выход РФ к наиболее динамичному региону мира. С точки зрения стимулов развития России, Тихий океан в XXI в. – то же, что Балтика в начале XVIII в.

Современная внешняя политика РФ в первую очередь направлена на свою страну и лишь затем – на человечество в целом. Ее

главная задача – помочь преобразить Россию, и уже затем – и на этой основе – помочь сделать лучше окружающий мир. Вопросы миропорядка и мироуправления имеют значение для РФ в первую очередь применительно к конкретным интересам России, главный из которых на обозримую перспективу – преодоление отсталости страны.

Региональные направления внешней политики РФ

Интеграционное ядро СНГ. Интеграция с отдельными странами СНГ не является, строго говоря, средством преодоления отсталости России. Тем не менее благодаря интеграции создаются более благоприятные условия для решения этой задачи. Среди этих условий – формирование более емкого рынка товаров, услуг и рабочей силы. В рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Казахстана и Белоруссии применяются формы регулирования, в ряде случаев более соответствующие современным экономическим условиям, чем законодательство самой РФ.

Необходимо учитывать, однако, что интеграционные процессы между РФ и странами СНГ ни в коем случае не тождественны реставрации «Большой России». Партнеры России в СНГ твердо привержены сохранению и укреплению своей государственной независимости; их национальные интересы далеко не во всем совпадают с интересами РФ. Необходимо исключить любой нажим на Украину в вопросах присоединения к интеграционному процессу. В противном случае Украина, оказавшись не вполне добровольно «внутри», будет работать на дезинтеграцию. Нужно также избегать соблазна приема в интеграционное ядро стран – прежде всего среднеазиатских, – не соответствующих критериям членства. Разумеется, наличие интегрированных структур с участием России будет означать, что в перспективе взаимодействие Москвы и Брюсселя во все большей степени будет проходить по линии ТС / ЕЭП / ЕАС–ЕС, а не РФ–ЕС, как до сих пор.

России, если она хочет стать региональным лидером (что в принципе возможно и желательно), предстоит включить «мягкую силу», захотеть и научиться производить – хотя бы в региональном масштабе – «международные общественные блага». «Просвещенный эгоизм» не тождествен сугубому эгоизму, а умение только «брать» и неспособность или нежелание «давать» несовместимы с

претензиями на лидерство. Региональное лидерство необходимо России для выстраивания эффективной интеграционной модели с непосредственными соседями и обеспечения безопасности. И то и другое являются сопутствующими условиями для решения главной задачи – модернизации.

Евро-Атлантика. Основным внешним ресурсом РФ для преодоления отсталости являются страны ОЭСР, и прежде всего государства, входящие в Европейский союз. Большинство из них входят в НАТО или состоят в двусторонних союзах с США. Стратегическое сближение с Европой при сохранении неустойчивых отношений с США нереально. Для того чтобы в полной мере использовать европейский модернизационный ресурс, требуется фундаментально изменить характер отношений с США. Соответствующую задачу можно сформулировать так: постепенная демилитаризация российско-американских (российско-натовских) отношений, формирование сообщества безопасности в Евро-Атлантике. Такое сообщество является неременным условием формирования общего экономического пространства ЕС и РФ / ЕАС.

Приоритетами политики РФ в отношении ЕС на следующий шестилетний президентский срок являются:

- Заключение нового Соглашения о партнерстве РФ–ЕС с дальнейшим постепенным переходом к формату отношений ТС / ЕЭП–ЕС.
- Создание зоны свободной торговли с ЕС, а в перспективе – общеевропейского экономического пространства.
- Создание совместных научно-производственных комплексов с европейскими компаниями; обмен активами.
- Дальнейшая либерализация визового режима со странами ЕС вплоть до его полной отмены.
- Активное приграничное сотрудничество (Архангельск, Калининград, Карелия, Мурманск, Новгород, Псков).
- Повышение роли Петербурга как европейской метрополии РФ, одного из центров Балтийского региона.
- Развитие инфраструктуры Архангельска как «столицы Русской Арктики», одного из центров международного сотрудничества в Арктике.

Главная задача политики РФ в отношении НАТО – формирование в Евро-Атлантике сообщества безопасности с участием РФ. На 2012–2018 гг. на этом направлении можно выделить следующие приоритеты:

- Трансформация российско-американских (и российско-западных в широком смысле слова) отношений в направлении стратегического сотрудничества. Достижение договоренности с США / НАТО по ПРО в Европе, учитывающей интересы безопасности РФ и создающей площадку для стратегического сотрудничества на основе укрепляющегося взаимного доверия (trust).

- Укрепление взаимной уверенности (confidence) посредством дальнейшего контроля над вооружениями. Достижение соглашений с США по нестратегическим системам вооружений.

- Использование отношений РФ–НАТО для модернизации системы внешней безопасности РФ и достижения совместимости при осуществлении коллективных операций.

- Дальнейшее продвижение процесса российско-польского исторического примирения.

- Развитие аналогичных процессов с прибалтийскими соседями РФ – Латвией, Литвой, Эстонией.

- Урегулирование приднестровского конфликта в рамках партнерства в области безопасности РФ–ЕС.

«Северный фасад» РФ – Арктика – геополитически является продолжением Евро-Атлантики. На этом направлении в 2012–2018 гг. необходимо решить следующие задачи:

- закрепить ведущую роль арктических стран в решении вопросов, относящихся к Арктике в целом. Утвердить принцип и практику исключительно мирного решения спорных вопросов в регионе;

- достичь благоприятного для РФ международного решения по вопросу о континентальном шельфе в Арктике;

- развивать международное судоходство по Северному морскому пути, строить необходимую инфраструктуру на Крайнем Севере РФ.

Азия и Тихий океан. В начале XXI в. наиболее динамичным регионом мира стала Восточная Азия; центр мировой торговли переместился в Тихий океан. Туда же перемещается центр мировых стратегических взаимоотношений. Россия должна не только учитывать это изменение в мировой экономической географии, но и использовать его для собственного экономического развития и укрепления безопасности. Важнейшей проблемой целостности РФ, а также ее самоидентификации, положения и роли в мире является судьба Восточной России – Сибири и Тихоокеанского побережья. Эта проблема может быть решена путем двойной экономической интеграции – Восточной России в единое пространство РФ и

самой РФ – в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Огромное самостоятельное значение имеет при этом укрепление добрососедства и всестороннего взаимодействия с Китаем.

Главным приоритетом политики РФ в АТР является развитие восточных регионов РФ – Тихоокеанского побережья и Сибири. Речь идет о следующих направлениях:

- привлечение на Дальний Восток и в Сибирь инвестиций, технологий, специалистов и рабочей силы для создания современной транспортной инфраструктуры и современных производств. Развитие энергетики, добывающей промышленности и логистики как материальной базы российской политики в регионе;

- постепенное расширение «ниши» РФ в АТР: от энергоресурсов (нефть, газ, уголь, электроэнергия) и транзитных возможностей (Транссиб, Севморпуть, воздушные трассы над Сибирью) – к предоставлению космических (космодром в Приамурье), а в перспективе – и образовательных услуг;

- широкое экономическое сотрудничество на уровне регионов: не только с Северо-Востоком Китая, но также с Тайванем, Южной Кореей, с западными штатами США – от Аляски до Калифорнии, с западными провинциями Канады, территориями Австралии и Новой Зеландией;

- осуществление «двойной интеграции»: Востока России – в общее экономическое пространство страны и РФ – в АТР.

Чем больше будет у России партнеров в АТР, тем выше будет развеваться российский триколор на берегах Амура и Уссури, Берингова пролива и пролива Лаперуза. Важнейшим условием развития Востока России является надежное обеспечение безопасности страны на этом направлении. Для этой цели России необходимо укреплять политические отношения со всеми значимыми игроками, активно участвовать в многосторонней дипломатии в регионе, а также совершенствовать военный потенциал, в том числе на востоке страны. Нарастание противоречий между США и Китаем объективно заставляет Пекин – впервые за 60 лет – искать более тесных связей с Москвой, в том числе в военно-политической области. Китай хотел бы заручиться политической поддержкой Москвы в возможном противостоянии с Вашингтоном. С целью укрепления своего военно-технического потенциала Китай будет заинтересован в широком доступе к новейшим российским технологиям и разработкам в военной сфере, включая морские, воздушные, ядерные, космические вооружения, системы ПРО. Китай будет нуждаться в доступе к российским природным ресурсам,

особенно энергетическим. В обмен КНР будет готова предоставлять России кредиты, инвестиции, приобретенные на Западе технологии, а также рабочую силу для освоения Сибири и Дальнего Востока; в Центральной Азии будет установлен китайско-российский кондоминиум. В рамках такого возможного китайско-российского альянса ведущая роль окажется, естественно, за Китаем, а Россия станет «ведомым игроком». Несмотря на то что подобный сценарий утраты Россией суверенитета и превращения в придаток Китая крайне опасен для России, его вероятность будет возрастать в случае обострения отношений России с Западом.

Центральная и Южная Азия. Не вся территория Центральной Азии составит интеграционное ядро СНГ. Тем не менее новые государства региона, расположенные относительно недалеко от границ РФ, обладающие разнообразными природными и трудовыми ресурсами и входившие долгое время в зону русского культурного влияния, представляют интерес как «интеграционный резерв» и одновременно буфер от нежелательных течений с Юга. Некоторые из них входят в ЕврАзЭС, и все, за исключением Туркмении, состоят в ОДКБ. Главная задача обеспечения безопасности на центральноазиатском направлении – решительно уменьшить поток наркотиков, идущий в Россию из Афганистана через территорию Центральной Азии. Важнейшей задачей РФ является содействие стабильности внутри самой Центральной Азии. Уже в скором времени дестабилизирующим фактором может стать уход сил США и НАТО из Афганистана и обострение в этой связи внутриафганского противостояния. В Афганистане Россия в сотрудничестве с соседними странами должна стремиться к надежному исключению отрицательного влияния афганских событий на ситуацию в регионе и тем более за его пределами. При этом внутреннее устройство Афганистана признается делом самих афганцев. Для противодействия этим вызовам и угрозам России необходимо трансформировать ОДКБ из военного союза в региональный союз безопасности для Центральной Азии. В то же время в интересах РФ – продолжать выстраивать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве механизма регионального взаимодействия с КНР в многостороннем формате, общеазиатской переговорной площадки и инструмента поддержания геополитической стабильности на азиатском континенте. В будущем международные аспекты афганского урегулирования могут стать предметом обсуждений и решений в рамках ШОС или созданных под его эгидой специальных форумов.

За пределами бывшего СССР основным стратегическим партнером РФ в Азии выступает Индия. Главная задача на индийском направлении – довести традиционно дружественные отношения до статуса реального стратегического партнерства. Для этого требуется прежде всего кардинальное расширение экономического сотрудничества путем повышения взаимной привлекательности двух стран для бизнеса друг друга.

Ближний и Средний Восток и Северная Африка. Высокий уровень внутривосточной и международной конфликтности, характерный для региона Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, несет очевидные риски для России. Есть опасность «перелива» нестабильности в мусульманские страны, непосредственно граничащие с Россией, а также в некоторые регионы самой РФ – прежде всего на Северный Кавказ. Есть не меньшая опасность политического втягивания России в конфликты вокруг отдельных стран – в частности Ирана, и, как следствие, – резкого обострения отношений с США и рядом других стран Запада и арабского мира. По вопросу отношения к «арабскому пробуждению» России следует уточнить свою позицию. Однозначно антиреволюционная риторика Москвы и ее отказ от контактов с новыми движениями в регионе и их лидерами не способствуют укреплению позиций РФ. Политика Москвы в ливийском и сирийском конфликтах показывает отсутствие у РФ стратегической линии. Это уже нанесло ущерб репутации Москвы в арабском мире и привело к нарастанию напряженности с США, странами ЕС и большинством международного сообщества. Такие последствия российских шагов затрудняют решение главной стратегической задачи российской внешней политики.

В то же время на этом направлении существуют и некоторые возможности. Ряд стран – прежде всего Турция, а также Иран – являются важными торговыми партнерами. Отношения с Турцией за последнее время существенно укрепились, отношения с Ираном остаются рабочими. Некоторые государства Персидского залива располагают известными материальными ресурсами, которые могут быть задействованы для модернизации отдельных регионов РФ. От действий «третьих стран» – например, Саудовской Аравии, – зависит ситуация на мировом рынке нефти. Наконец, Израиль является, учитывая состав его населения, уникальным партнером в области «многопрофильной» модернизации. Для обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов России необходимо тесно сотрудничать с Турцией, особенно на кав-

казском направлении, а также в отношении Ирана и стран арабского мира. По иранской проблеме требуется конструктивное взаимодействие с другими постоянными членами СБ ООН, а также с Германией; на израильско-палестинском треке нужна активная работа с США, ЕС и ООН в рамках «Ближневосточного квартета». В то же время России необходимо поддерживать доверительные контакты со всеми значимыми игроками в регионе, включая государства, политические и религиозные движения и организации.

Глобальное амплуа России

России стоит определиться со своей международной «специализацией», т.е. определить области, где у нее имеются сравнительные преимущества перед другими государствами, и использовать эти преимущества для создания глобальных или региональных общественных благ. К таким областям могут быть отнесены: стратегическая стабильность и ядерная безопасность; энергетическая безопасность; международное право; международное посредничество. В области стратегической стабильности и ядерной безопасности роль РФ состоит в сохранении лидерства, наряду с США, в усилиях по уменьшению ядерной угрозы путем сокращения ядерных вооружений, подключения к этому процессу других ядерных держав; трансформации ядерного сдерживания в направлении кооперативных стратегических отношений между ведущими государствами; препятствования дальнейшему распространению ядерного оружия и предотвращения его применения; повышения уровня безопасности ядерного оружия и материалов; укрепления мер доверия между ядерными государствами; обеспечения гарантий безопасности «пороговых» государств при условии отказа их от производства ядерного оружия и обладания им и т.д. В области энергетической безопасности ведущая роль РФ состоит не только в разведке и разработке новых запасов энергосырья и обеспечении надежности поставок энергоносителей на мировой рынок, но в кардинальном повышении энергоэффективности российской экономики, повышении надежности АЭС и достижении устойчивого рыночного и политического равновесия между интересами основных участников энергорынков – производителей, потребителей и транзитеров энергетических ресурсов. Практическим выражением этих усилий может стать система энергетических партнерств между РФ и рядом ведущих игроков, в первую очередь ЕС и странами Северо-Восточной Азии. В области меж-

дународного права РФ, не являясь заинтересованной стороной в огромном большинстве конфликтных ситуаций в мире, должна защищать принципы и нормы международного права. Защита этих норм и принципов, однако, не должна быть догматичной: международное право изменчиво. Кроме того, правозащитная деятельность не должна создавать самой РФ конфликтов и препятствий для решения ее собственных важнейших задач. Одной из серьезных проблем международной безопасности является конфликт между базовыми принципами международного права – прежде всего принципом национального суверенитета – и современными правовыми новациями, еще не получившими всеобщего признания. Практика так называемых гуманитарных интервенций нарушает сложившийся порядок, приводит не только к правовым, но и к политическим коллизиям.

Приверженность РФ традиционным принципам и готовность США и европейских стран прибегать к международному вмешательству для защиты прав человека приводит к постоянным столкновениям между РФ и странами Запада в рамках Совета Безопасности ООН. Эти столкновения могут стать более острыми и выйти за рамки дискуссий в СБ ООН в случае, если объектами предполагаемого или реального вмешательства станут страны ОДКБ. Достаточно поэтому, чтобы РФ четко высказывалась в пользу международного права и неукоснительно следовала его нормам и принципам в собственной международной практике, одновременно стремясь к конструктивному сотрудничеству с остальными членами международного сообщества. Невовлеченность – за редкими исключениями – в международные конфликты позволяет России выступать в роли честного посредника между конфликтующими сторонами. Речь идет в первую очередь о конфликтах на территории бывшего СССР, а также о ситуациях, сложившихся вокруг ядерных программ Ирана и КНДР. Кроме этого, российское участие востребовано на Ближнем Востоке, в Афганистане и ряде других мест. Успешное посредничество требует серьезных дипломатических усилий, но оно способствует повышению международного престижа и влияния страны. Глобальная амплуа России, к которому Москва должна стремиться, – это всемирный медиатор, своего рода мировой судья.

Наконец, у России есть возможность стать ведущей страной в международном освоении Арктики на современном этапе. Речь идет не только о конкретных логистических и энергетических проектах, но о формировании всеобъемлющей системы междуна-

родного сотрудничества в Арктике – от взаимного гарантирования общей безопасности до обеспечения прав и интересов коренных жителей Арктики. Инициативная и конструктивная роль РФ может стать основой ее международного лидерства в высоких широтах.

*«Повестка дня нового президентства.
Московский Центр Карнеги», М., 2012 г., с. 9–16.*

В. Миронов,
член-корреспондент РАН
(МГУ им. М.В. Ломоносова)
**ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ**

Начиная с последней трети XX в. взрывной характер технологических открытий в области коммуникации, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, которые требуют серьезного анализа. Мир переходит от системы локальных культур, доминировавшей вплоть до начала XX в., к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура». Необходимо уточнить само понимание культуры, способы ее функционирования, то влияние, которое оказывают эти изменения на все формы общественного сознания, систему ценностей и даже на поведение человека в этих новых культурных условиях.

Кроме того, следует дать некое рабочее определение понятию культуры, что само по себе является непростой задачей. Существуют два основных подхода в этом вопросе: *атрибутивный* и *структурный*. Для нас важно, что и в том, и в другом подходе культура реализуется как двоякий тип деятельности по созданию материальных и духовных ценностей, которых не было в природе и которые составляют специфику именно разумной человеческой деятельности. Добро, Истина, Красота, Справедливость – это культурные эталоны, из которых мы исходим в своих поступках и по которым мы даем оценку нашей деятельности. Несмотря на их кажущуюся эфемерность, они реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения. Их отличие от материальных ценностей заключается в том, что они подвержены изменениям, которые, однако, происходят достаточно медленно, выступая для человека некой экзистенциальной константой. Описанная часть культуры является фактором ее устойчивости, изме-

нения здесь происходят медленно и реализуются как процесс накопления или как процесс сохранения (памяти).

В то же время культура приспосабливается к условиям существования и функционирования, вырабатывая некий набор «средств практической адаптации» к социокультурным обстоятельствам. В этом плане она выступает как совокупность «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей – объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе». *Это свойство адаптации культуры к изменяющимся условиям существования является ее цивилизационной характеристикой.*

Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры. С этой позиции мы можем интерпретировать культуру как семиотическую систему. Поэтому для внешнего наблюдателя она выступает как система закодированных знаков, значений и смыслов, которые часто могут быть понятны только представителю данной культуры, присутствуя в его сознании как культурная память. Такой системой закодированных знаков выступает текст – не только как «генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорируются в нем, может быть названа памятью текстов». Таким образом, познание другой культуры осуществляется как познание единой семиотической системы в результате расшифровки ее кодов. Эти явные или неявные смыслы культуры несут на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. С позиции носителя иной культуры они могут показаться странными, а для представителя собственной культуры они являются естественными жизненными установками. Внутренняя заданность смыслов культуры выполняет функцию блокирования того, что Н. Луман (немецкий социолог. – *Ред.*) называет «рискованной информацией», которая по каким-то причинам нежелательна для данной культуры.

Инструментом кодирования памяти культуры выступает реальный язык, с которым связано раскрытие смыслов. Живой язык обязательно включает историю своего создания и функционирования, чем он отличается от языка искусственного. Искусственная языковая система не представляет проблемы для расшифровки, так как является лишь абстрактной моделью коммуникации. Иначе говоря, искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры и всегда будет относительно беден. Искусственный язык, даже если он претендует выступать в качестве средства общения (например, эсперанто), всегда останется лишь еще одной терминологией, т.е. «псевдоязыком» по отношению к живому. У искусственного языка есть внешнее преимущество, его легко переводить и понимать в силу большей однозначности смыслов терминов. Понимание культуры как системы живого языка, напротив, связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Иногда необходимость языкового понимания требует реального погружения в другую культуру.

Современная стадия развития нашей цивилизации приводит к трансформации взаимоотношений между средствами коммуникации и текстом. В эпоху рукописной и печатной культуры доминировал текст как таковой, не только формируя соответствующие культурные, психологические особенности его восприятия, но и задавая понимание культуры, связанное, прежде всего, с понятийной структурой мышления. Абстрактное мышление было одним из оснований модели классической культуры. Сам процесс коммуникации выступал лишь как средство передачи информации без существенного влияния на ее содержание.

Сегодня происходит изменение этого статуса коммуникации, когда она из средства превращается в собственное содержание коммуникативного процесса, трансформируя содержание по законам коммуникации. Коммуникация сама по себе становится стержнем современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, безусловно оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Система массмедиа переходит из состояния некоего фона культурных событий в их творца, заставляя культуру функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства. В результате совершенно уникаль-

ное и стремительное техническое развитие «фонового знания», каковым ранее только и могла быть система коммуникации, превращает его в новую реальность в качестве условия активных коммуникативных действий, позволяя индивиду самореализовываться в ней.

В развитии человеческой культуры схожий процесс происходил в период перехода от устной к письменной и к печатной культуре. Культура устного периода замыкалась в рамках узкого коммуникационного пространства (племени или отдельного народа). Возникшая письменная культура фиксировала содержание посредством создания рукописи, которая выступает субстанциальным средством хранения и распространения информации, что само по себе расширяет пространство коммуникации. Рукопись становится первым прорывом локального характера культуры и условием знакомства культур друг с другом, обеспечивая их смысловое взаимодействие. Одним из следствий этих процессов стало упорядочивание понятийной системы за счет внесения в нее некоторых искусственных принципов. Фактор упорядоченности, нацеленный на оптимизацию хранения информации, мог иметь целью как передачу данной смысловой информации другим, так и, напротив, задачу ее сокрытия от других. В любом случае смыслы культуры были закодированными, но был и механизм раскрытия этих кодов, даже без прямого погружения в иную культуру – перевод (расшифровка, раскодирование) смыслов, зафиксированных в письменной форме, на другой язык. Письменность упорядочивала информацию по неким правилам, давая возможность ее сохранения. С другой стороны, она была слишком локализована даже географическим пространством и рассматривалась прежде всего как средство фиксации устной речи.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, которое приводит к доминированию линейного типа мышления. Удобство книги в качестве носителя информации значительно экономит время поиска информации, что оказывает влияние на характер образования, в основе которого в большей степени лежит принцип выработки умения находить нужный материал. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения, но одновременно порождает ее замыкание в пределах национального языка. Культура, по выражению Ю.М. Лотмана, кодируется языком, т.е. становится семиотически замкнутой. В результате описанных процессов в силу множественности живых языков мы наблюдаем

своеобразное «столкновение» этих замкнутых локальных культур, реализующееся в напластовании информации и смыслов. При этом происходит напластование информации «горизонтальной», связанной с расшифровкой кодов современной культуры, и информации «вертикальной», связанной с ее исторической интерпретацией, т.е. переводом на современный язык исторически ушедших от нас смыслов. Это неизбежно приводит к опасности «модернизации» смыслов через внесение в них нового содержания, но одновременно вырабатывается идеальный пласт того, что мы обозначаем как историческую память, обеспечивающую коммуникацию поколений.

Связывая между собой общество как по горизонтальной (ди-ахронической) составляющей, так и по исторической вертикали, культура обеспечивает память человечества в целом. В результате человеческая культура предстает перед нами как некое целое, состоящее из подсистем локальных культур. Признак локальности выступает доминирующим для периода классической культуры, что позволяет выделить особенности данного типа культуры и проанализировать те трансформации, которые происходят в ней в результате изменения системы коммуникационного пространства в современном мире.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для человека, находящегося внутри нее, она представляла собой почти застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было практически невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эти консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь «извне» и, как правило, лишь спустя некоторое время. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

В основе адаптивного механизма лежало структурное распадение культуры на два больших компонента. На это в свое время обратил внимание М.М. Бахтин, анализируя так называемую «смеховую культуру» периодов Средневековья и Ренессанса.

«Низовая» часть культуры вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, и была близка конкретному человеку.

Высокая культура вырабатывала продукты, далеко отстоящие от стандартных жизненных стереотипов и представлений, и была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура «с большой буквы». Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образов. Ценности «верхней» Культуры за счет того, что они приняли рафинированную форму, охраняют себя от влияний извне. Эта идеализированная часть культуры стабильна, настороженно относится ко всяким изменениям, но именно она обеспечивает базис общечеловеческой культуры.

Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее противоречивые стороны в виде наличия массового и элитарного векторов, находящихся в относительном единстве. Для локальной культуры характерными являются свойства и смысловые дихотомии, некоторые из которых мы рассмотрим в качестве примера, так как именно они подвергаются трансформации в современной культуре. Дихотомия «прикровенность (синоним – «тайность». – *Ред.*) – откровенность» была связана с представлением о том, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты для человека и реализуются в соответствующем культурном стереотипе поведения. Конструируется своеобразная периферийная зона бытия – его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но она требует смыслового прикрытия. Это доходило до абсурда, который в гротескной форме описал Н.В. Гоголь, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и семантическим его инвариантом, якобы отражающим существование человека в «высокой» культуре.

Дихотомия «свой–чужой» отражала ситуацию замкнутости и самодостаточности локальной культуры, которая часто проявлялась в ее противопоставлении иным культурам. Каждая культура вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к «чужому». Соответственно «мое» (внутрикультурное) рассматри-

валось как истинное и ценное «для меня». Чужое, напротив, – как отрицание «моего», а значит, ложное. Усиление напряжения данной дихотомии в процессе формирования локальной культуры было закреплено возникновением книгопечатания, которое оформило национальный характер культур соответствующей совокупностью текстов и фиксированных смыслов, как бы замкнув их в национальном языке. Именно поэтому первый и наиболее мощный удар процесса глобализации наносится именно по национальному языку. Книгопечатание, как мы отмечали, породило и еще одно свойство локальной культуры – линейность интерпретации мира. Линейность как принцип выстраивания смысла письменной речи надолго становится культурным эталоном самовыражения, которому следовало подражать. В этом качестве он закрепляется как один из основных признаков классической культуры. Проявляется это в том, что человек начинает выстраивать свое мышление линейным образом, преобразуя нелинейные типы коммуникации, подчиняя их правилам письменного языка, вовсе не вытекающего из естественного характера устной речи.

Культурное творчество направлено на создание завершенных объектов, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. Во всех случаях перед нами завершенное произведение, в котором структура продумана от начала до конца. Литературный текст выступал как эталон текста вообще, некий завершенный смысл. Письменность закодировала живую культуру (или ее часть), живую коммуникацию, которую можно понять, лишь зная эти коды (алфавит и грамматику). Неграмотный человек оказывается вне культуры, а поэтому и изначальным признаком культурности выступает грамотность.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, которое Ю.М. Лотман обозначил как «семиосфера» (по аналогии с биосферой), в которой роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования. Культуры пересекались между собой как языковые множества. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение». Именно область непересекаемого требовала раскрытия и адаптации культур друг к другу. Желание и необходимость по-

нимания увеличивали область смыслового пересечения, но этому препятствовало «напряжение», возникающее в процессе диалога культур, связанное с тенденцией самосохранения внутренних смыслов культуры. Познание области несовпадения культур обогащает их новыми смыслами и новыми ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения.

Мощные интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Объективность процесса глобализации, повышение комфортности существования человека часто скрывают негативные следствия, сопряженные с этим. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то обратной стороной – процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции», которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека.

Глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но при этом не всегда понимается, что она может как носить синтетический характер, основанный на соединении положительных компонентов систем, так и быть реализована как тип интеграции, подавляющий особенности систем. Глобальная интеграция может реализоваться в системном тоталитаризме нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции сознанием (благодаря новейшим средствам коммуникации) как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства. Изменение средств коммуникации и возникновение глобального коммуникационного пространства трансформируют человеческую культуру. Трансформация означает изменение самой сущности системы, т.е. ее переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, постепенно заставляющих ее работать иначе.

Трансформация, происходящая с культурой, аналогична процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящий на генетическом уровне к изменению фенотипа. Во многом этот процесс в живых организмах трудно контролируем, что порождает непредсказуемые последствия (мутации). Трансформация культу-

ры – это схожий процесс привнесения в нее «культурной инфекции» в качестве чужеродной составляющей, которая может запустить механизм ее модификации изнутри. При этом глобальное коммуникационное пространство является средством инфицирования культуры. Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем ранее. Диалоговое пространство, определяемое новейшими возможностями и средствами коммуникации как условие адаптации культур, расширяется безгранично. Значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур. Коммуникация превращается в самостоятельную субстанциональную структуру, а отдельные культуры оказываются внутри этой агрессивной среды. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии и массмедийные конструкции, превращает пространство семиосферы как условия адаптивно-адаптирующего диалога культур в инфосферу как особую реальность, в определенном смысле функционирующую независимо от человека, но делающую его и мир зависимым от нее. Столь мощных процессов в изменении форм коммуникации в истории человеческого общества не было.

Нынешняя массмедийная составляющая общества развивается столь мощно и стремительно, что вступает в противоречие с основами классической культуры, что заставляет вновь говорить о кризисе культуры. Происходит разрушение культурных дихотомий. В рамках современной культуры дихотомия «прикровенность–откровенность» исчезает, и то, что раньше считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Принцип открытости в современном общении между людьми, так наглядно демонстрирующийся в знаменитой американской улыбке, реализуется и в более сложных феноменах.

«Запретные» в рамках старой культуры взаимоотношения между людьми становятся модными и популярными, являясь основой соответствующего вседозволенного поведения. В обществе происходит сексуальная революция, которая выводит традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах за рамки индивидуальной

интимности. Поэтому в рамках расширения сферы получения удовольствий огромное место занимает «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия. Ранее термин «интимность» семантически закреплял прикрытие отношений между людьми, определяя рамки и условия obscenity и демонстрации. Сегодня понятие «интимность» сопряжено с фактом публичного раскрытия запретного. Сам объект этой демонстрации в культуре всегда присутствовал, однако если ранее это было объектом одновременного восприятия небольшого количества людей, то теперь это одновременно могут переживать миллионы. Не случайно Ю.М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX в.

Таким образом, наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Целостность мира дефрагментируется, и человек внешне свободно может складывать самостоятельную картинку из воспринятых фрагментов действительности. Однако это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации. В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Один из результатов этого – подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен себя распространить в силу политических, научно-технических и других условий.

Это способствует расширению «псевдокультурного» поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных смысловых структур, т.е. наименее содержательной, наименее культурной части культуры. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные. Это может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей. Разрушаются традиции, которые господствовали веками. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Положение усу-

губляется тем, что мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, часто являются носителями традиционной системы ценностей, в которой они формировались как личности. Подняться над этим личностным образованием для многих мыслителей просто невозможно. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но оно лишается той утонченности и глубины, той степени подготовки, которых требовало ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низовой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения. В этом смысле массовая культура – это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

В этих условиях возникает феномен «поп-культуры» как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным коммуникациям. В этом смысле поп-культура противостоит культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Это симуляция культуры, подменяющая собой культуру как таковую. Она не имеет своих национальных корней, даже если сопряжена с языком своей культуры. Главным отличием поп-культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшими факторами становятся массовость и оперативность распространения. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений. Не случайно сам термин «фабрика» (например, «фабрика звезд») используется почти в прямом значении, т.е. как унифицированное массовое производство звезд, что, по сути, противоположно понятию «звезда» как проявлению уникальности. Особенности поп-культуры являются чрезвычайная агрессивность и всеядность, проявляющиеся в том, что тиражированию может быть подвержено все, в том числе и образцы высокого искусства. Условием развития поп-культуры является постоянная раскрутка в медиапространстве, охватывающем не только развлекательную сферу, но и все сферы бытия человека. Например, «законы раскрутки» в виде проектов – от политических до индивидуальных – становятся обязательной нормой, часто

прикрывающей их содержательную бедность. Поп-культура – это самовыражение современной массовой культуры и типичный продукт глобального информационного пространства. Она принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Поп-культура – прекрасная среда для распространения медиавирусом. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем и базируется вся поп-культура. Важным признаком поп-культуры является неотделимость репродуцируемых произведений от воспринимающей его массовой среды и самих средств технической репродукции. Исполняющий поп-музыку и слушающий ее – это одно целое, их невозможно представить друг без друга. В шоу господствует не индивидуальное, т.е. отличное от другого творчество, а принцип соучастия.

Влияние поп-культуры на общество благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств проникает во все уровни общественного сознания. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массмедиа помогают ее представить в соответствующей яркой форме. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу как примером высшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко манипулируемые стереотипы поведения. Это может представлять определенную опасность для общества, когда агрессивность по любому поводу может выплеснуться на улицы и носить массовый характер просто из-за реализации сознания (вируса) соучастия, как в карнавале. Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа. Происходит погружение общества в современный «средневековый» карнавал, который вошел в нашу жизнь в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма. Блестящим условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Вместо собеседников – маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, превращая в развлечение всю окружающую действительность.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер, и люди, родившиеся в ней, уже не знают иной культуры. Альтернативное состояние современной культуры чревато агрессивностью по отношению к иным формам культуры. Устойчивый и длительный

характер такой альтернативности приводит к вырыванию из культуры фундаментальных основ — общечеловеческих ценностей и интересов. Таким образом, для описанного состояния культуры характерны все признаки «низовой» культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью (Г.С. Кнабе).

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества, в том числе и науку, формируя ее образ, адаптируя информацию по законам массовой коммуникации до неузнаваемости, но зато делая ее удобной для массового потребления. Это проявляется, например, в росте числа фальсификаций научных открытий. Имитация научной деятельности хорошо финансируется различными премиями и грантами и постепенно деформирует сознание человека, занимающегося наукой, который понимает, что имитация проще и надежнее приводит к популярности, а значит, к возможности финансирования научных исследований, если они таковыми остаются.

Скандал и сенсация становятся факторами, сопровождающими научную деятельность. Таким образом, мы наблюдаем процесс того, как поп-культура модифицирует образ науки. Как есть поп-звезды эстрады или религии, справедливо отмечает С. Кардонский, возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезд. «Мнения поп-ученых, иногда обоснованные их научными результатами, но чаще всего не обоснованные, стали весьма ходким рекламным товаром... Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания».

Философия — это самосознание культуры, отражающее конкретно-историческую стадию развития общества. Ее содержание всегда зависит от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Вследствие этого неизбежно возникают популярные образы философии, адаптированные для массового сознания. Далее, как это часто бывает, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание»), и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального интереса в виде, например, философии Симпсонов или философии доктора Хауса.

Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает. Постмодерн в культуре породил соответствующие имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и к завершенному тексту как выражению

классической культуры. Не случайно «главным врагом» постмодернизма становится метафизика с ее принципами рационального объяснения бытия. Отсюда вытекает критика метафизического языка как языка философии. Понимание языка из средства понятия анализа объектов трансформируется в некое демоническое начало, навязывающее структуру объектам и бытию в целом.

Происходит абсолютизация методов деконструктивного разрушения, и деконструкция сама по себе помещается в центр философской рефлексии. Предлагается «языковое» прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания устоявшихся языковых стереотипов и поиске новых смыслов и значений. Фактически язык анализируется не как средство понятийного анализа объектов, а как своеобразное демоническое начало, которое навязывает структуру объектам и бытию в целом. Постмодернизм оказался формой философии, развитие которой удивительным образом совпало с процессами изменений в сфере коммуникации. В виртуальном пространстве Интернета исчезает всякая ответственность за сообщение и возникает соблазн мистификаций.

Постмодернизм опирается на фрагментарность и клиповость массового сознания современного человека, фиксируя сиюминутный событийный момент, не утруждая себя вопросами о сущности происходящих событий. При всей его внутренней рафинированной сложности он выражает господство обыденного сознания и ценностей повседневности. Однако, отражая нарастание степени внутренней свободы людей, не желающих опираться на готовые рефлексивные схемы, он не дает ответа на вопрос о степени ответственности, которая может наступить после переживания пьянящего чувства свободы.

За свободой мышления могут стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре. Конечно, философия выступает как реализация творческих потенций человеческого сознания, которая осуществляется на самом обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир «с иной стороны». Однако эта «иная сторона» должна находиться в рамках философского рефлексивного смыслового пространства, а не выступать имитацией философского мышления. Конечно, не следует лить «крокодиловы слезы» по поводу очередной гибели культуры, которая «гибнет» приблизительно

но каждые 100 лет. Надо искать новые смыслы в понимании культуры, размышлять о возможности управления глобальными процессами развития и их возможными следствиями. Необходимо понимать, что культура – это развивающаяся система, а значит, в ней будут происходить изменения и темп этих изменений будет все время увеличиваться. Поэтому наша задача – это выполнение функции предупреждения. Предупреждения о тех тенденциях, которые сопровождают развитие научно-технического прогресса и которые несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом.

*«Диалог культур в условиях глобализации».
XII Международные Лихачёвские научные чтения,
СПб., 2012, с. 139–147.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Яна Амелина,
политолог (РИСИ)
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ТАТАРСТАНА

В настоящее время в татарском национальном движении укрепляется исламистская и ослабляется собственно националистическая составляющая. Этот процесс, ведущий к постепенному изменению ситуации не только в Татарстане, но и во всем Поволжье, стал особенно заметен в последние 1,5–2 года. Во многом это связано с внутривнутриполитическими процессами в Республике Татарстан (РТ), в частности со сменой ее руководства. Руководившего республикой уже 20 лет национально ориентированного президента М. Шаймиева сменил не столь увлеченный национальной проблематикой технократ и «эффективный менеджер» Р. Минниханов. Немаловажную роль в изменении расстановки сил играет и нарастающий внешний фактор. Он проявляется в значительном усилении интереса к Татарстану со стороны кавказских радикальных исламистов, а также представителей западных информационно-аналитических и разведывательных структур. Тенденции последних лет показывают, что сепаратистский потенциал радикальной части татарского национального движения будет, как и в последние 15 лет, неуклонно снижаться, а опасность исламского радикализма сохранит и даже усилит свою актуальность. В связи с этим происходящие в республике процессы должны оставаться в зоне пристального внимания как государственных структур и правоохранительных органов, так и экспертного сообщества.

В конце 2010 – начале 2011 г. в РТ произошел ряд событий, продемонстрировавших уязвимость этой республики, одним из признанных достижений которой является межконфессиональный мир. 25 ноября 2010 г. в результате спецоперации в Нурлатском районе были уничтожены три исламиста, двумя неделями ранее пытавшиеся подорвать автомобиль начальника чистопольского

подразделения Центра противодействия экстремизму МВД по РТ. Одним из этих людей оказался принявший ислам кряшен, сын бывшего прокурора Чистополя Р. Спиридонов. Экстремисты, вооруженные автоматами, гранатометами и большим количеством боеприпасов, оказали сотрудникам правоохранительных органов ожесточенное сопротивление. Позднее выяснилось, что ликвидированные не были одиночками, а входили в состав группы радикалов. В своей деятельности они руководствовались эклектичной исламистской идеологией, включающей элементы как ваххабитского учения, так и идеологии запрещенной в России партии «Хизб ут-Тахрир».

13 января 2011 г. глава Духовного управления мусульман (ДУМ) РТ муфтий Гусман-хазрат Исаков заявил о «добровольной» отставке, главной причиной которой стала его явно замедленная реакция на факт обнаружения в республике вооруженного исламистского подполья. За отставкой главы ДУМ последовала крайне напряженная двухмесячная кампания по выборам нового муфтия. Идейные соратники уничтоженных джихадистов и «сочувствующие» им пытались навязать умме республики устраивавшую их кандидатуру, однако внеочередной съезд мусульман РТ (13.04.2011) подавляющим большинством голосов избрал на эту должность имама казанской мечети Булгар Ильдуса-хазрата Файзова. Еще будучи исполняющим обязанности муфтия, он не побоялся начать решительную кадровую чистку, убирая исламистов из медресе и мечетей. Это вызвало нервную реакцию салафитизированной части татарстанского исламского сообщества, обвинившей И. Файзова в «преследовании мусульман». Голословные обвинения не привели, как настойчиво пророчили исламисты, к расколу уммы.

Произошедшие в республике события ясно показали, что традиционный татарский интеллектуальный «мягкий ислам» ханафитского мазхаба (религиозно-правовой школы имама Абу Ханифы) отчасти сдает позиции привносимым извне примитивно-радикальным фундаменталистским версиям. Попытки интеллектуалов (в частности, бывшего советника Президента РТ по внутренней политике Р. Хакимова) представить в качестве альтернативы исламизму собственную версию ислама-light («евроислама») не увенчались успехом, поскольку не были поняты и поддержаны ни исламской интеллигенцией, ни рядовыми мусульманами. И. Файзов неоднократно излагал свое видение целей и задач, стоящих перед ДУМ РТ. На первом месте в этом списке – организа-

ция идеологической работы, упорядочение и приведение в соответствие с уставом ДУМ деятельности всех татарстанских мечетей и духовных учебных заведений. Муфтий напомнил о необходимости «выявлять и пресекать любые формы проявления религиозного экстремизма, ксенофобских настроений и исламофобии», создать эффективно работающие мусульманские СМИ, активно занимаясь просветительской деятельностью, в том числе в социальных сетях, пропагандировать татарское богословское наследие. Особый акцент он делает на молодежной политике и подготовке проповедников. Имамам и преподавателям мусульманских учебных заведений предстоит переаттестация, которая не проводилась с момента создания единого ДУМ в 1998 г.

Планы нового руководства ДУМ РТ не ограничиваются территорией республики. По мнению заместителя муфтия, известного исламского идеолога В. Якупова, российским мусульманам следует думать о повышении конкурентоспособности на теологическом поле, более эффективно используя для этого и возможности Российского государства. По его мнению, российский ислам «может стать привлекательным идеалом, реализацией рецептов бытования ислама в светских формах». «Неразумно и непатриотично было бы сдать в духовное подчинение иностранным центрам 20 млн. российских мусульман, – считает он. – У российских мусульман должен быть сильный, теологически состоятельный суверенный духовный центр, по возможности влияющий на дела всей уммы». В. Якупов предлагает единоверцам «ставить амбициозные задачи», а не «плестись в хвосте» бедуинского понимания ислама, не соответствующего уровню XXI в. Речь идет, прежде всего, об использовании татарского богословского наследия, адаптированного к современным условиям. Проблема, однако, состоит в том, что значительная его часть не переведена ни на современный татарский, ни на русский языки и не издана массовым тиражом. Приверженность И. Файзова ханафитскому мазхабу, его активность и бескомпромиссность в решении кадровых вопросов, наличие ясной программы преобразований, использование современных методов пропаганды (в частности, интернет-ресурсов), мобильность и оперативность, открытость в общении с рядовыми мусульманами, журналистами и представителями экспертного сообщества давали основания полагать, что умма РТ находится в надежных руках и «диалога с ваххабитами», на котором настаивают радикалы, в республике не будет.

Но 19 июля 2012 г. неизвестный в подъезде жилого дома в Казани несколько раз выстрелил в В. Якупова, заместителя Файзова, который скончался от потери крови. Примерно через час взорвалась машина, которой управлял И. Файзов. Взрывом его выбросило из салона. В тяжелом состоянии с переломом голеностопного сустава он был доставлен в больницу. После того как Файзов был выписан из больницы, президент России В.В. Путин своим указом наградил его орденом Дружбы. Покушение на Ильдуса-хазрата и убийство Валиуллы-хазрата следствие связывает с их профессиональной деятельностью.

Религиовед и исследователь ислама Р.А. Силантьев говорит, что произошедшее в Казани «мы предсказывали давно – это начало тотальной войны против проповедников традиционного ислама», поскольку «два года назад в Татарстане практически уже была создана “дагестанская ситуация”... нынешний глава ДУМ республики Ильдус Файзов и его бывший заместитель В. Якупов – активные сторонники борьбы с ваххабизмом... Им не простили того, что они фактически спасли Татарстан от “дагестанского сценария” и уберегли от террористической войны». Исламисты, ведущие вооруженную борьбу против Российского государства на Северном Кавказе (СК), все чаще призывают к распространению «джихада» в Поволжье и конкретно – в РТ. Эта тенденция окончательно оформилась в последние два года и отнюдь не случайным образом совпала с качественными изменениями в татарстанском мусульманском сообществе. Учитывая наличие в республике определенного слоя салафитизированной молодежи и постепенное усиление фундаменталистского влияния, угроза возникновения в Татарстане исламистского подполья представляется достаточно серьезной. Весной 2010 г. амир и создатель «Кавказского эмирата» (известного также как «Имарат Кавказ») Д. Умаров, комментируя в своем видеообращении выделение из Краснодарского края Северо-Кавказского федерального округа, заявил «братьям»: «После того как освободим эти земли наших братьев, единоверцев и мусульман Кавказа, мы, иншааллах, освободим и другие земли, которые оккупировала Русня. – Это Астрахань, это поволжские земли, которые находятся под сапогом русских кафиров», т.е. неверных.

Лидеры кавказских джихадистов выступают с подобными заявлениями не в первый раз. В середине 2008 г. идеолог чеченского сепаратизма М. Удугов в интервью одному из сочувствующих западных изданий разъяснил, что «сегодня многие мусульма-

не, проживающие в Татарстане, Башкортостане, Бурятии, русские, принявшие ислам, из самых разных регионов России, приносят присягу Д. Умарову, как законному руководителю мусульман», становясь тем самым «боевой единицей». В ноябре 2010 г. в Интернете появился специализированный сайт «вилаята Идель-Урал» (т.е. Волга-Урал), куда входит и Татарстан. В одном из опубликованных на нем заявлений отмечается, что территорией этого вилаята является «вся территория сегодняшней активно демонтируемой Русни, не являющаяся Имаратом Кавказ и другими вилаятами Имарата Кавказ, на которые уже заявлены права мусульман, ведущих Священную освободительную войну с оккупантами в лице кафиров». Анонимные авторы этого документа обещают мусульманам всяческую поддержку, если те «возвысят свои голоса с оружием в руках» и «возьмут на себя обязательства по освобождению указанных территорий от правления над нами худших из тварей и установлению нашего права, права мусульман, обещанного Господом миров, быть наместниками на земле». «Братьев и сестер в исламе» призывают «сплотиться вокруг Имарата Кавказ и его амира», который «после развала Русни» станет «центром нашего государства». Джихадисты считают всю Россию (а не отдельные ее территории с преимущественно мусульманским населением) землей, на которой должен быть построен халифат, и призывают сделать это насильственными методами. Примечательно, что сайт «вилаята Идель-Урал» зарегистрирован в США.

В марте 2011 г. Д. Умаров в очередной раз обратился к «мусульманам Кавказа и России» с призывом к джихаду, который обязателен для всех. Он особо выделил единоверцев, проживающих «на территориях оккупированных Русней мусульманских земель — Идель-Урала, Татарстана, Башкортостана и во всей России, где живут мусульмане», напомнив, что и для них джихад является священной обязанностью и что «мы сегодня одна умма». Умаров призвал «братьев» «уничтожать врагов Аллаха там, где вы находитесь», не делая исключений для мирного населения. Уже 10 марта 2011 г. на сайте «вилаята Идель-Урал» было опубликовано «разъяснение руководства» этого «имарата», объявившего о «вступлении на путь джихада». Всех жителей региона призвали «принять... религию Ислам и подчиниться законам шариата», поскольку только в этом случае «вам гарантирована безопасность вашей жизни и имущества». «На нашей земле должен быть один закон, закон Аллаха, — констатируется в документе. — Установление законов Аллаха на территории Идель-Урал является нашей целью».

«Братьев и сестер», следующих Корану и Сунне, призвали создавать независимые друг от друга боевые мобильные группы, а тем же, кто еще не готов «выйти на джихад», – помогать «средствами, информацией и возможностями», создавать сайты, собирать и сообщать джихадистам персональные данные сотрудников правоохранительных органов, представителей официального духовенства и др.

Как отмечает руководитель Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований РИСИ Раис Сулейманов, в настоящее время «вилаят Идель-Урал» остается виртуальным проектом, который, однако, наверняка «найдет идейных единомышленников среди поволжских салафитов, которые захотят наполнить его реальным содержанием, что, скорее всего, означает появление бандподполья». Недавнее покушение на Файзова и Якупова в Казани подтверждает это. Анализируя содержание сайта, эксперт отмечает, что пока его создатели уделяют гораздо больше внимания событиям на Ближнем Востоке и Кавказе, далеким от татарстанской проблематики. С одной стороны, это свидетельствует о том, что модераторы еще недостаточно владеют ситуацией в Татарстане, а с другой – что целью портала является вовлечение республики в общий проект по созданию глобального халифата. Тот факт, что термин «вилаят» перекликается и с нереализованным проектом татарского писателя-националиста Гаяза Исхаки (начало XX в.), и с названием коллаборационистских сил из числа татарских военнопленных-красноармейцев в составе фашистского вермахта, эксперту представляется отнюдь не случайным.

Эмоциональные призывы лидеров кавказских боевиков к распространению джихада на Поволжье конкретизируются в пространственных материалах исламистских пропагандистов. «Для нас наибольший интерес представляет состояние таких народов, как татары и башкиры, поскольку они довольно многочисленны, исповедуют Ислам и обладают некими зачатками могущих оказаться прогрессивными и полезными делу Джихада структур, – рассуждает автор одного из таких материалов. – Кроме того, они ранее имели свою государственность, где основой законодательной базы был Шариат. После колонизации Россией они долгие годы оказывали сопротивление, в том числе и в виде Джихада». Отмечая, что башкиры и особенно татары расселены по всей территории России, кавказский идеолог джихада полагает, что при соответствующем подходе к делу часть из них может составить будущее подполье, людскую и ресурсную базу «в борьбе за Сибирь и Урал». Распространение джихада на Поволжье, как констатируется в статье,

«частично отвлечет силы русских от Кавказа». Процитированный текст является примером так называемых методических материалов, не столько пропагандирующих вооруженную борьбу с неверными, сколько разъясняющих, как именно нужно это делать. Как правило, их авторы демонстрируют хорошее знание местных условий, поэтому такие документы должны стать предметом особого внимания правоохранительных органов.

Уже сейчас можно наблюдать, как постепенно «переформируется» татарское национальное движение, как его национальная составляющая вытесняется исламистской. Пропаганда джихада в Поволжье стала более активной, увеличилось число призывов к скорейшему его началу. Мировая практика показывает, что за подобными уговорами и утверждениями, как правило, следуют приказы и распоряжения. При этом на собственно татарских форумах особых подвижек общественного мнения при обсуждении этой темы не видно. Весной 2010 г. на популярном сайте «Татары» в тематическом списке форума появилась ссылка «Татары и джихад». Вальняжно рассуждая о вооруженной борьбе, один из посетителей форума утверждает, что именно джихадом была «борьба наших предков против московских оккупантов». Однако поскольку в которой татары «потерпели крах» (имелось в виду завоевание Казанского ханства Иваном Грозным), закончилась четыре столетия назад, то говорить о законном или справедливом джихаде в настоящее время «мы не можем». То же можно отнести и к освободительному джихаду, неприемлемому для татар потому, что «на данный момент Россия использует так называемый мягкий этноцид и позволяет в какой-то степени соблюдать все пять столпов Ислама». Интернет-теоретик делает вывод, что татарам нужен джихад, «но только не военный», тем более что воевать против мирного населения запрещено. «Оборонительный джихад – это не про татар-мусульман, – отвечают ему на той же ветке. – Ни одно из требований его мы не можем выполнять, не входя в противоречие с законодательством РФ».

Вполне грамотно используя методы информационной войны, кавказские джихадисты пытаются «разогреть» ситуацию в РТ, вбрасывая в информационное пространство все новые и новые материалы о необходимости перехода к вооруженному сопротивлению законной власти. В настоящее время нет оснований полагать, что этим призывам последует сколько-нибудь значимое количество татарстанских мусульман. Однако если подобная пропаганда будет продолжаться с прежним напором, не встречая противо-

действия, вполне возможно, что в республике появятся группы сторонников «джихада до победного конца», преимущественно молодежные. Это, кстати, убедительно доказали «нурлатские события» и покушения на Файзова и Якупова в Казани.

Нет сомнения, что подобная ситуация стала результатом эволюционных изменений в татарском национальном движении. Столкнувшись на рубеже веков с необходимостью искать новое место в общественно-политическом поле Татарстана, оно оказалось не готово не только самоопределиться в новой реальности, но и верно оценить создаваемые этой реальностью угрозы и вызовы. Как отмечает Р. Сулейманов, на смену ситуации начала 90-х годов прошлого века, когда татарский национализм воспринимался как политическая сила, с которой были вынуждены считаться и в Казани, и в Москве, пришло время, когда татарских националистов не воспринимают всерьез, считая пережитком эпохи «парада суверенитетов». По мнению эксперта, с одной стороны, это можно объяснить тем, что, как считают республиканские власти, татарское национальное движение выполнило свою миссию, позволив им выторговать максимум преференций у федерального Центра. Вместе с тем «смена политического руководства в Москве привела к резкому усилению централизации страны, а региональным сепаратистам был преподан урок в виде успешно завершенной второй чеченской войны (1999–2001), причем последнее означало, что «любые заигрывания с сепаратистами приведут лишь к решительным действиям со стороны федеральных властей». В результате татарское национальное движение перестало быть нужным Казанскому кремлю и даже начало представлять для него определенную опасность.

Это привело к существенному – на порядки – сокращению численности как реальных, так и потенциальных сторонников нацдвижения. В настоящее время можно говорить о не более чем двух-трех сотнях активных татарских националистов старшего поколения. Главным организатором выступает Всетатарский общественный центр (ВТОЦ). Во взглядах радикалов сочетаются две основные идеи: создание (несмотря на всю утопичность подобных замыслов) независимого татарского государства и крайне негативное отношение к русскому народу, которому безосновательно приписываются многочисленные преступления против татар.

Так, председатель «Милли меджлиса татарского народа» (самопровозглашенного парламента), постоянная участница дней памяти Ф. Байрамова утверждает, что «русское государство

построено на трагедии татарского народа, на татарской крови, и держится оно за счет энергоресурсов, выкачиваемых из недр татарских земель» и т.п. «Как мы были правы, провозгласив суверенитет Татарстана в 90-е, и как хорошо, что у нас есть правовая база для построения своего независимого государства! – восклицает она. – Только имея собственное независимое татарское государство, мы сможем сохраниться как нация и не зависеть ни от кого». Ф. Байрамова видит спасение татар в исламе и «сильном национальном духе, воинственном духе Чингисхана», делая упор на первую составляющую. Еще дальше пошел писатель А. Халим, в конце 2009 г. обратившийся к королю Норвегии Харальду V с просьбой «рассмотреть вопрос о предоставлении моему народу места для постоянного проживания – созвездия самых крупнейших, необжитых айсбергов за Полярным кругом, на одном из архипелагов Северного Ледовитого океана». Татары (писатель надеется «спасти»), таким образом, хотя бы 5 тыс. своих соплеменников создадут на этих айсбергах «лучший розарий с самыми прекрасными розами мира». Как объяснил А. Халим, обратиться с этой странной просьбой к королю его вынудило соседство с русским народом, который он считает виновником всех бед татар. Жалобы А. Халима на русских невозможно процитировать из опасения подвергнуться уголовному преследованию по ст. 282 УК РФ. Непонятно только, почему А. Халим ему не подвергся.

Судя по словам и действиям радикальных татарских националистов, рационально обосновать свои претензии к русскому народу и необходимость создания независимого татарского государства они не способны. Вытесненные за последние как минимум 15 лет на обочину общественно-политической жизни республики, они стали абсолютно маргинальным явлением. Идеи отделения Татарстана от России не отражают чаяний татарского народа и не поддерживаются ни властями республики, ни ее населением, ни подавляющим большинством татарской национальной интеллигенции. Достаточно подсчитать число участников «национально ориентированных» мероприятий, в том числе массовых, которое никогда не достигает и 300.

Призывы к «независимости Татарстана» можно объяснить как неадекватностью их авторов, так и попыткой внешних сил использовать «татарский сепаратизм» для ослабления и в конечном счете расчленения России. Приверженцы и творцы реальной политики придерживаются иной точки зрения. По словам одного из идеологов национального движения, директора Института истории

Академии наук Республики Татарстан Р. Хакимова (до 25 марта 2008 г. он более 15 лет занимал пост советника М. Шаймиева по внутренней политике), Россия – «это наша земля, территория Золотой Орды», «наша собственная территория», от которой татарам «некуда и незачем отделяться». Правда, полагает политик, Москва уделяет недостаточно внимания развитию федеративных отношений, включая межбюджетные, экономические, научные и культурные. Бывший соратник Р. Хакимова (в конце 80-х оба стояли у истоков Всетатарского общественного центра) доктор исторических наук Д. Исхаков, комментируя возможность и уместность достижения Татарстаном независимости, замечает, что ему «больше нравится идея развития в рамках РФ». «Татары нормально вписываются в общее поле развития России, но у нас, конечно, должна быть собственная ниша, – считает он. – Мы – мусульмане, у нас специфический взгляд на ряд предметов. Это не совсем вписывается в однородно-серое поле, продвигающееся в России сейчас, но Россия может существовать только при сильном многоцветии культур».

В настоящее время татарское национальное движение, сформировавшееся более 20 лет назад, переживает смену поколений, вызванную как идейными, так и чисто возрастными причинами. Однако вместо того, чтобы выразить по этому поводу сдержанный оптимизм, приходится констатировать, что нынешние молодые националисты, поначалу демонстрировавшие большую в сравнении со старшими товарищами широту взглядов и общего политического кругозора, в целом стоят на тех же позициях, что и сепаратисты первых постсоветских лет. Неизменным остается и число их последователей – все те же 2–3 сотни человек. В целом же современная татарская молодежь, как оказалось, отнюдь не склонна поддерживать сепаратистские идеи и демонстрирует в целом лояльность Российскому государству.

Единственным политически активным выразителем интересов молодого поколения радикальных татарских националистов является Союз татарской молодежи (СТМ) «Азатлык», возглавляемый Н. Набиуллиным. В организуемых СТМ мероприятиях (главным образом митингах, пикетах и шествиях) обычно участвуют не более 3–10 активистов нацдвижения. Так, всего пять-шесть человек вышли на пикет, посвященный 19-летию республиканского референдума о признании Татарстана суверенным государством, строящим отношения с РФ и другими республиками на основе равноправных договоров (21 марта 1992 г); в пикете по случаю

19-летия принятия Акта о независимости Татарстана (22 мая 1992 г.) участвовали четыре молодых националиста, и т.п. Около 80 человек удалось собрать на совместную несанкционированную акцию «старых» и «молодых» националистов ВТОЦ и СТМ «Азатлык», прошедшую 16 апреля 2011 г. и посвященную защите татарского языка. Эти цифры достаточно реально отражают сепаратистский потенциал молодого поколения татарского национального движения («азатлыковцы», как и их старшие товарищи, выступают за независимое татарское государство). Официальные (Всемирный конгресс татар, Всемирный форум татарской молодежи) и полуофициальные (молодежное движение «Узебез», т.е. «Мы сами») татарские общественные организации в подобных мероприятиях не участвуют, поскольку, по мнению Н. Набиуллина, «давно являются “ручными” и системными движениями, которые находятся под полным контролем государства и ведут себя так, как им прикажут». При этом число активных молодых исламистов, по экспертным оценкам и оперативным данным, составляет около 1,5 тыс. человек, что на порядок больше, чем националистов. Этот факт убедительно доказывает, что национал-сепаратистская идеология хотя и имеет небольшой устойчивый круг почитателей, но, по сути, уже проиграла схватку за умы молодежи радикальному исламу.

Количественные изменения в татарском национальном движении окончательно переросли в качественные за последние 1,5–2 года. Представляется далеко не случайным, что именно в этот период (как и ранее, во время расцвета «татарстанской фронды» в начале и середине 90-х годов) интерес к Татарстану со стороны иностранных, в первую очередь западных, исследователей значительно усилился, а число их визитов в Казань с целью «изучения религиозной и общественно-политической обстановки» существенно увеличилось.

Отметим визит делегации Американского совета по внешней политике – влиятельной экспертной организации, «фабрики мысли» республиканской партии США, посетившей Казань 20–21 декабря 2010 г. Президент Совета Г. Пирчнер и вице-президент, эксперт по региональной безопасности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и РФ, консультант ЦРУ и Министерства обороны США И. Берман предметно интересовались состоянием ислама в Поволжье (после Казани эксперты посетили Уфу) и этноконфессиональными отношениями в РТ в целом. Они выразили беспокойство по поводу глобального роста исламского радикализ-

ма и говорили о необходимости искать пути для международного взаимодействия в борьбе с этим негативным явлением, представляющим серьезную опасность как для США, так и для России. В ходе встреч с Р. Хакимовым, ректором Российского исламского университета Р. Мухаметшиным, представителями ДУМ Татарстана и другими специалистами в этой области они, думается, смогли составить объективное представление о происходящих в религиозной сфере республики процессах. Практически все эксперты и духовные лица, с которыми встретились американские политологи, отмечая опасность радикального ислама и необходимость серьезной борьбы с этим явлением, оценивали ситуацию как весьма тревожную. Гости же, констатируя схожесть процессов в Татарстане с ситуацией в иных регионах мира, не могли не отметить, что действенные рецепты противостояния исламизму не найдены и в России.

Характерно, что американские политики и эксперты не проявили никакого интереса к татарскому национальному движению, осознавая, по-видимому, что у него нет будущего. Их откровенный интерес к исламской проблематике показывает, что именно это направление станет – точнее, уже стало – «направлением главного удара» внешних сил в Поволжье.

«Москва», 2012 г., № 10, с. 150–162.

Магомед Дадуев,

кандидат политических наук

Саид-Хамзат Нунуев,

кандидат исторических наук

(Чеченский государственный университет)

**ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(на материалах Северного Кавказа)**

В глобализирующемся обществе воздействие этничности и религии на политические процессы качественно возросло. Этому способствуют многие факторы: слабость секулярных проектов преодоления кризиса; память о деятельности традиционалистских организаций в кризисные периоды; выступления этнических элит и духовенства в защиту морали и обездоленных, против деструктивных явлений (наркомании, коррупции, бездуховности). Это

влияние активно используют экстремистские этнические и религиозные организации в своих противоправных целях.

В условиях постсоветских сообществ Северного Кавказа этничность используется монархическими региональными элитами для легитимации своей власти, увеличения ресурсов влияния и полномочий. Этнополитическая мобилизация служит средством сплочения сообщества, подавления оппозиции, структурирования социально-политического пространства. Репрезентативное исследование (анкетный опрос 2007 г., проведенный преподавателями Ставропольского госуниверситета) показывает, что среди причин политизации этничности респонденты указывают: ухудшение социально-экономического положения в России (42,3%); рост безработицы (31,1%); ошибки в национальной политике (28,4%); ситуацию в Чечне (24,5%); предубежденность против некоторых народов (24,1%); миграцию из-за рубежа (23,4%); деятельность местных политиков (13,4%); выступления СМИ, провоцирующие межэтническую напряженность (11,5%); деятельность зарубежных стран (9,3%); деятельность федеральных политиков (9,2%); подъем этнического самосознания (7,2%). То есть в массовом сознании жителей Северного Кавказа причины этнических конфликтов связываются с общероссийскими факторами объективного характера. Вместе с тем треть респондентов согласны с установками конфликтогенного типа: «взаимодействие людей разных национальностей часто является источником неприятностей»; «взаимодействие местных жителей и мигрантов часто является источником неприятностей»; «испытываю напряженность, когда слышу вокруг себя чужую речь».

К этническим факторам конфликтогенности политических процессов на Северном Кавказе можно отнести: неурегулированность территориальных споров в регионе и неравномерное экономическое развитие российских территорий, влекущие за собой безработицу и бедность, массовую миграцию людей из менее благополучных в более благополучные российские мегаполисы; обостренное чувство несправедливости; идеологемы этнонационализма; слабая эффективность национальной политики на общероссийском и региональном уровнях и др. Этнополитическая мобилизация 1990-х годов сформировала в республиках Северного Кавказа региональные режимы, обладающие автономной структурой политических возможностей, ресурсами и стратегиями действия.

Р.Г. Абдулатипов характеризует место религии в современном российском обществе: «Религия (православная, ислам и другая) в России сегодня более, чем религия. Это и форма коллективной идеологии, средство не только духовной, но и политической мобилизации, которыми целый ряд социальных групп пытаются заполнить образовавшийся идеологический “вакуум” и занять место в политическом плюрализме, в социальной системе и в политических процессах, происходящих в стране». В ходе возрождения религии протекают сложные и противоречивые процессы модернизации, появляются движения радикальной направленности, которые «не только подпитывают негативизм в отношениях славянских и неславянских народов с представляющими их политическими структурами, но и, укрепляя этнонационализм отдельных групп, провоцируют внутриконфессиональные конфликты». Социальное неравенство, бедность, модернизация, подвергающая испытаниям традиционные политические системы, – основные причины, детерминирующие радикальные и экстремистские тенденции, подогреваемые в том числе и теми силами, которые уже взорвали Югославию, Ирак, Ливию, Египет, терзают Сирию.

В религии заложена идея исключительности, основанная на доктринальных расхождениях, что не исключает межконфессионального диалога и сотрудничества. Конфессиональная культура обладает большим миротворческим потенциалом, который может быть использован для достижения общественного согласия. Для этнических групп, составляющих большинство мусульман, конфессиональная самоидентификация является частью групповой самоидентификации. Поэтому трудно отделить этнический и конфессиональный факторы политических процессов, используется термин «этноконфессиональные».

В частности, роль мусульман в постсоветском обществе значительно выросла: в 1988 г. в СССР действовали 402 мечети, а на 1 января 2002 г. в РФ зарегистрировано 3186 мусульманских объединений, 2734 мечети и 106 учреждений мусульманского духовного образования. Население Северного Кавказа отличается наибольшим процентом мусульман среди регионов Российской Федерации (42,9%). Здесь проживают большинство этнических групп, традиционно исламских: аварцы, адыгейцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лакцы, лезгины и др. Значимость ислама для этих народов очень высока. Центром возрождения ислама на Северном Кавказе стал Дагестан. Стремительность возрождения можно видеть по росту числа мече-

тей: в 1988 г. в Дагестане было 27 действующих мечетей, в 1992 г. – 800, в 2001 г. – 1585 (в том числе 917 соборных) и 1820 мечетных общин.

В республиках Северного Кавказа ислам используется как ядро политической идеологии, региональной идентичности, этнического самосознания и т.д. Возрождение в рамках исламских ценностей стало частью политической культуры многих народов Северного Кавказа, частью их психологии и образа жизни. Если для западных стран ислам ассоциируется только с угрозой и экстремизмом, то в нашей стране есть многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих различные религии. Как отмечал В.В. Путин, «варварству, стремлению разжечь конфликт цивилизаций и религий мы обязаны противопоставить духовность и терпимость. Россия всегда была страной самобытных национальных культур и верований. Россия соединяла и соединяет народы Европы и Азии, православие и ислам, буддизм и иудаизм. Именно в этом богатство и духовная сила России».

На Северном Кавказе конфессиональный фактор может превратиться в разделяющий фактор исламского ареала, все больше отходящего к восточной цивилизации, и православного, отходящего по мере глобализации к западному миру. Вместе с тем данный фактор может стать интегрирующим общество. Важно противопоставить мифу о глобальной исламской угрозе сотрудничество конфессий в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Религии сами по себе не могут быть «хорошими» или «плохими», их могут использовать акторы политики в деструктивных целях.

С ранних этапов утверждения ислама на Кавказе большую роль играли суфийские направления, являющиеся мистическими учениями. Первоначально распространение в регионе получила накшбандийская версия суфизма. Но во времена Кавказской войны появилось новое течение – суфизм кадирийского толка. Основателем его стал чеченец Кунта-Хаджи Кишиев, учение которого отрицало газават и во многом было направлено на утверждение мира и братства. Шамиль объявил учение Кунта-Хаджи противоречащим основам ислама как по практике, так и по идеологии, и подверг преследованию.

В конце XIX в. из двух основных суфийских братств (тарикатов) – накшбандия и кадирийа выделилось несколько ветвей (вирдов), отличавшихся ритуальной практикой. Тарикатный ислам не догматичен и ассимилировал местные обычаи. Поэтому с по-

вышением значимости течений, придерживавшихся «чистого ислама», стали нарастать призывы отказаться от «напластований», внесенных в ислам суфизмом. Эти расхождения резко ухудшили конфессиональную обстановку и стали выливаться в столкновения между последователями традиционалистских братств и исламскими радикалами, называемыми «ваххабитами» по имени Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба (многие современные радикалы не приемлют этого названия и считают его оскорбительным). В научном исламоведении преобладает употребление термина «салафизм».

Сущность радикализма – в абсолютизации догматов и неперимости к другим учениям. Деятельность радикальных групп не соответствует принципам ислама и его духу и чаще всего распространяется среди беднейших слоев населения, из которых рекрутируются силы, используемые в противоправных политических целях. Его возникновению способствует маргинальное сознание интеллигенции, теряющей почву в условиях наступления глобалистских ценностей. Радикалы ориентируют мусульман на перманентный джихад, понимаемый как «священная война». Но арабское слово «джихад» переводится как «усилие, которое не обязательно должно быть направлено на войну с неверными». Оно также нацелено на духовное, интеллектуальное совершенствование личности.

Салафиты объявляют себя «защитниками чистого ислама», ставящими своими целями: очищение ислама от недозволенных новшеств – суфизма и культа святых; возвращение к нормам времен Пророка Мухаммада; утверждение порядка, где основой жизни является шариат (отсюда другое название – «фундаментализм»). Для проникновения на Северный Кавказ салафизма создалась благоприятная социальная база: имелась «неустроенная» молодежь, не интегрировавшаяся в общинную жизнь, ставшая в первую очередь жертвой социально-экономического кризиса, и горские переселенцы, оторвавшиеся от своих корней, – именно они составили большинство последователей течения. При традиционной для ислама неразделенности духовной и светской сфер борьба религиозных направлений легко переходит в политическое противостояние. Распространение фундаментализма наблюдается после попыток ускоренной вестернизации. Конфликт модернизации выливается в межконфессиональное противостояние.

Радикализм становится идеологической утопией, поскольку отвергается любой социокультурный опыт немусульманских обществ, а все, идущее от ислама, гипертрофируется и выводится за

рамки критики. Фундаментализм легко трансформируется в религиозный фанатизм и экстремизм, особенно когда он политизируется. Когда целями фундаменталистской организации становятся создание «истинного исламского государства» и экспансия ислама за пределы своего традиционного ареала, его называют политическим исламом или исламизмом.

Большую роль в возрождении ислама сыграла деятельность зарубежных исламских организаций. С начала 1990-х годов началась их активная миссионерская деятельность: распространение религиозной литературы, оказание помощи в организации хаджа и финансовая помощь местным религиозным организациям. Наряду с содействием возрождению ислама проявлялись политические цели, связанные с интересами крупнейших исламских государств. Кроме того, активность зарубежных эмиссаров напрямую связана с проникновением на Северный Кавказ радикальных форм ислама.

После перестройки и с распадом СССР в мусульманские страны отправились тысячи молодых людей из национальных республик Северного Кавказа для обучения в исламских центрах. Только из одного Дагестана в 1995 г. отправились на учебу в зарубежные исламские институты 400 человек. Многие из них, вернувшись, стали распространять радикальные идеи, развернули борьбу против традиционного ислама с целью ослабить позиции местного духовенства и занять его место в обществе. Несколько позже из Саудовской Аравии в Чечню прибыли более 200 ваххабитов.

В 1990-х годах Дагестан становится центром «ваххабизма» на Юге России. К.М. Ханбабаев приводит сведения о том, что до середины 1999 г. «в Дагестане активно действовал ряд филиалов зарубежных исламских организаций, в том числе международная исламская организация “Спасение” (штаб-квартира в Саудовской Аравии), “Саар Фаундейшн”, “Таибат аль-Хайрия” (штаб-квартира в США), “Ибрагим аль-Хайрия” (штаб-квартира в Египте)». Саудовская Аравия, Пакистан, арабские страны Персидского залива рассматривали Дагестан в качестве плацдарма для усиления религиозно-политического влияния на Северный Кавказ и на другие мусульманские регионы России. Речь идет о разрушительной деятельности адептов религиозно-политического экстремизма, которые стремятся к силовому захвату власти, замене конституционного законодательства нормами шариата и построению исламского халифата.

Идейная и политическая позиция «ваххабитов», иностранное влияние породили конфликт и в общинах Северного Кавказа. К.М. Ханбабаев пишет, что «ваххабизм в Дагестане проявил себя агрессивным, насильственным религиозно-политическим течением, сторонники которого вели вооруженную борьбу с конституционным строем, с простыми верующими, которые не разделяли их взгляды, образ жизни». В 1991–1997 гг. происходил значительный рост количества ваххабитов в Дагестане. Как отмечает К.М. Ханбабаев, «в 31 районе Дагестана действовали 2031 сторонник Б. Кебедова, в пяти районах – сторонники А.-К. Ахтаева, в десяти районах – 442 сторонника Аюба Астраханского. 2755 человек, или 71,6% от общего числа ваххабитов, действовали в 11 районах: Буйнакском, Кизилюртовском, Цумадинском, Хасавюртовском и др.».

Причина конфликтогенности салафизма на Северном Кавказе заключается, прежде всего, в его установке на ликвидацию всех нововведений, привнесенных в ислам. Цель введения унифицированной религиозной культуры входит в противоречие со стремлением сохранить достижения секулярной цивилизации и этническую специфику. Именно этим, по мнению М.А. Федоренко, объясняется особенно болезненное восприятие салафизма в Дагестане, где проживает множество этносов, придерживающихся своих традиций и взглядов. Но фундаментализм напрямую не ведет к радикальным, экстремистским действиям. Часто к фундаменталистам относят ваххабитов и их организации – джамааты, противопоставляя им традиционный ислам, что наблюдалось в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии. После столкновений в 1997 г. ваххабитов с традиционалистами в Буйнакском районе Духовное управление мусульман Дагестана вышло с обращением к правительству Республики Дагестан с требованием «законодательного запрета агрессивно-религиозных течений», а после столкновения ваххабитов с федеральными силами в 1999 г. Народное собрание Республики Дагестан приняло Закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». В конце сентября 1999 г. при республиканском МВД создано «Отделение по борьбе с ваххабизмом».

В Чечне «ваххабизм» не сразу получил распространение. Вначале в противостоянии с традиционным духовенством «ваххабиты» потерпели поражение, и к 1996 г. о них почти забыли. В середине 1990-х годов стали явно проявляться идейные расхождения между двумя направлениями в исламской теологии – традициона-

лизмом и фундаментализмом. Позднее, между первой и второй войнами (1996–1999), «ваххабизм» стал укреплять свои позиции, но не смог окончательно победить: часть полевых командиров (Хаттаб, А. Бараев, Ш. Басаев и др.) были приверженцами ваххабизма, другие остались сторонниками суфийских братств. Поэтому создалось двоевластие.

Когда органы государственной власти Дагестана стали преследовать радикалов, их лидер Б. Кебедов перенес свою деятельность на территорию Чечни, где был поддержан сторонниками радикализации ислама, благодаря чему он организовал шариатские суды, укомплектованные ваххабитами. По их замыслам, Чечня должна была превратиться в исламское государство, а секуляризованное чеченское общество – в общество религиозное. В этой политике просматривалась идеологическая и военно-политическая интервенция, организованная на Северном Кавказе теми силами, которые преследовали цель отторжения региона от России.

Подобное развитие событий не случилось бы при наличии сильной государственной власти и политической воли у руководства нашей страны в 1990-х годах. Как отмечает М. Махкамов, «самоустранение государства от решения вопросов, связанных с исламским фактором, способствовало бесконтрольному вмешательству Саудовской Аравии, Ливии, Сирии, Турции, ОАЭ, Пакистана в дела мусульманского сообщества России». Он утверждает, что «за короткий период в России создана широкая разветвленная сеть мусульманских радикальных организаций, к которым относится “Аль-Игаса аль-Ислами” (“Международная исламская организация спасения”) со штаб-квартирой в Джидде (Саудовская Аравия), “Молодежная организация по строительству мечетей” (США) и т.д.».

В 1999 г. на Юге России в связи с деятельностью вооруженных ваххабитских группировок, организовавших «Исламскую армию Кавказа», возникла реальная угроза распада страны. Только решительное государственное противодействие сепаратистской деятельности религиозных и политических радикалов, несущей реальную угрозу для общества и государства, предотвратило такое развитие событий. Большинство чеченцев, возглавляемые муфтием А. Кадыровым, не поддержали идеологию и практику салафизма, как чуждую систему, подрывающую этнокультурную идентичность народа. Главный вектор террористической активности в регионе направлен, в первую очередь, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов

государственной власти и управления, мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности «молодежных» террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия). Рост числа терактов пришелся на 2004–2005 гг. Пиком террористической активности явились события в Нальчике 13–14 октября 2005 г., во время которых уничтожено более 100 боевиков-исламистов, погибло много сотрудников правоохранительных органов.

Хотя, по мнению аналитиков и представителей правоохранительных органов России, с 2005 г. в определенной степени удалось повысить эффективность противодействия терроризму и религиозно-политическому экстремизму, ситуация остается тревожной. Несмотря на уничтожение многих лидеров сепаратизма и представителей международной террористической сети, осуществленную широкую амнистию, религиозно-экстремистское бандподполье не ликвидировано. В противодействии с ваххабитами с 2000 г., по данным правоохранительных органов Чеченской Республики, погибли 9 тыс. человек и убиты более 60 глав местных администраций, представителей духовенства.

Использование в современной России (которая исторически была многонациональным, многонародным государством) позитивного потенциала ислама, безусловно, будет способствовать оздоровлению этноконфессиональной ситуации. Для этого, прежде всего, следует четко уяснить: нет «исламского терроризма», а есть терроризм под прикрытием ислама, с использованием его атрибутики. Это терроризм, от которого страдают все граждане государства, в том числе мусульмане. В мае 2004 г. создан Объединенный совет духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму. В его заявлениях выражены решительная поддержка и готовность содействия усилиям Российского государства по борьбе с экстремизмом и терроризмом. Совет муфтиев России, духовные управления мусульман категорически осуждают террор и экстремизм, которые наносят моральный, психологический материальный ущерб нашему обществу.

Риски и угрозы национальной безопасности состоят в насаждении идей этнического экстремизма, религиозного фанатизма и нетерпимости, неконвенциональных (вплоть до терроризма) форм деятельности; нарушении принципов конституционного строя Российской Федерации. Радикальные и экстремистские организации используют общественные проблемы для насаждения архаичных

идеологом теократии и этносепаратизма в массовом сознании. Идеологические установки радикальных и экстремистских организаций на Северном Кавказе в основном выражают доктрину салафизма. Они предусматривают жесткую регламентацию всех сфер жизни нормами шариата; крайнюю нетерпимость ко всем иноверам и «отступникам»; проект создания теократического всемирного государства (халифата) путем войн и терроризма. Базовой низовой структурой салафизма выступают «джамааты» – религиозные сообщества, использующие традиционные институты сельской общины и субэтнические территориальные образования. При этом организующие центры радикальных группировок расположены за пределами России.

В Российской Федерации традиционно имеются достаточные условия для мирного сосуществования и сотрудничества всех этносов и конфессий, с тем чтобы представитель каждой нации ощущал свое единство не на этнической основе, а на основе общероссийской гражданской нации. Эту задачу невозможно решить исключительно силовыми средствами. Следует активизировать информационное и идеологическое противодействие этноконфессиональному экстремизму. В этом аспекте представляется актуальной институционализация христианско-мусульманского и межнационального диалога: создание культурных и исследовательских центров, призванных изучать пути и механизмы установления толерантных отношений между народами и религиями.

Целесообразны рекомендации, позволяющие сделать более эффективной этноконфессиональную политику в стране:

- Создание на государственном уровне органов, способствующих формированию у граждан России, придерживающихся разных этнокультурных и духовных ценностей, толерантных отношений. Подобные структуры могут быть организованы при законодательных органах субъектов Федерации.
- Выработка и реализация взвешенной этнополитической Концепции развития Северного Кавказа, учитывающей общегосударственные, региональные, этнонациональные, этноконфессиональные интересы.
- Осуществление религиозной подготовки и переподготовки представителей мусульманского духовенства с целью развития их мировоззрения, формирования патриотических позиций и умений противодействовать радикальным, экстремистским и террористическим проявлениям.

- Разработка учебных программ и написание книг по культуре и религии народов Северного Кавказа, организация регулярных телепередач на федеральном и республиканском уровнях, отражающих позитивные духовно-культурные формы коммуникаций полиэтнического и поликонфессионального Северного Кавказа.
- Раскрытие нравственно-гуманистического потенциала ислама в ходе его изучения в учебных заведениях.
- Изучение в религиозных и светских учебных заведениях общих социальных ориентаций ислама и христианства.
- Участие духовенства в противодействии идеологии и практике религиозного радикализма, экстремизма, используя СМИ.
- Юридическое преследование за экстремистские действия, интолерантные высказывания и разжигание межэтнической розни.
- Регулярное ведение внутриконфессионального и межконфессионального диалога в России.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2012 г., № 2, с. 88–93.*

Айдер Булатов,

директор Крымского центра исламоведения,
кандидат философских наук

**ИСЛАМ В КРЫМУ:
ОТ ТРАГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО
К ПРОБЛЕМАМ СОВРЕМЕННОСТИ**

В становлении и развитии культуры народов Крыма на протяжении многих веков существенную и даже определяющую роль играла религия. Исторически Крым характеризуется полиэтноконфессиональным составом, однако в различные исторические отрезки времени на полуострове доминировали определенный состав населения и определенные верования, которые либо уходили в небытие, либо сохранились в небольших этнических группах. Исключение составили христианство и ислам, являющиеся традиционными религиями на территории Крымского полуострова. Включение Крыма в состав Золотой Орды в первой половине XIII в. привело к исламизации большинства проживающих народов, и на протяжении почти семи веков ислам являлся основой уклада жизни населения Крыма, ислам становится государственной религией Крымского ханства, которое хранило свою полную или

частичную независимость на протяжении около трех веков. В период расцвета ислама в Крыму практически во всех населенных пунктах были мечети, и ислам помимо основы духовной жизни крымско-татарского народа стал его нациообразующим фактором. В Крымском ханстве сложилась разветвленная структура мусульманского духовенства, включавшая богословов, законовевдов, судей, учителей, проповедников, служителей мечетей и т.д. Главные представители мусульманских духовных лиц традиционно входили в систему управления Крымского ханства, их должности обязательно указывались в титулатурах всех ханских грамот.

Присоединение Крыма к России практически не повлияло на структуру мусульманского духовенства. В манифесте российской императрицы Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» от 8 апреля 1783 г. и более позднем указе от 28 июня того же года говорилось о необходимости «...определить надлежащее не скудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела». Согласно императорскому манифесту и вышеуказанному указу, вся структура мусульманского духовенства в Крыму оставалась без изменений, однако вся система мусульманского религиозного устройства Крыма была поставлена под контроль Российской империи. В 1788 г. Российская империя создает Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП), явившееся новой институцией мусульманского духовенства, во главе которого назначались муфтий и кади-аскер. Влияние ТМДП, кроме Крыма, распространялось на мусульманское сообщество Польши и Литвы. В номенклатуру ТМДП входили пять духовных лиц, так называемых эфендиев. Всему руководству духовного правления было установлено государственное жалованье. Несмотря на внешнюю благосклонность в отношении местного аборигенного населения и его религии, империя вела неуклонную политику вытеснения крымско-татарского народа с полуострова. К концу XVIII в. в Крыму функционировало около 1600 мечетей, 25 медресе, действовала широкая сеть мусульманских школ – мектебов. Однако, пользуясь безграмотностью большинства населения Крыма, имперской власти удалось провести на полуострове масштабную политику обезземеливания местного аборигенного населения, что в результате стало причиной массовой эмиграции крымских татар в Турцию, которая привела к опустению городов и сел, что, в свою очередь, обусловило закрытие многих мечетей, медресе и мектебов. К 1914 г. на полуострове

действовали уже только 729 мечетей, а численность духовенства сократилась более чем в пять раз и составила 942 человека. Установление советской власти в Крыму нанесло мусульманству Крыма тяжелый удар. Политика советского государства в религиозной сфере на протяжении советского периода истории в Крыму была направлена на закрытие действующих религиозных организаций, ликвидацию культовых зданий и имущества и экспроприацию религиозной собственности. Система исламских институций в Крыму была ликвидирована уже в первые годы советской власти. Если в 1921 г. в Крыму было зарегистрировано 470 мусульманских общин, то с 1944 по 1989 г. на полуострове не действовало ни одной мусульманской религиозной организации. Антирелигиозная коммунистическая пропаганда была направлена на закрытие мечетей, медресе и мектебов, изъятие из библиотек и уничтожение мусульманской литературы. В результате сталинских репрессий было ликвидировано практически все мусульманское духовенство. В 1944 г. после депортации из Крыма основного крымскотатарского народа ислам здесь окончательно прекратил свое существование.

Высылая крымских татар в Среднюю Азию, власти, очевидно, рассчитывали на скорую ассимиляцию этого этноса в близкой ему этнической и религиозной среде. Возможно, если бы трагедия этого народа затянулась на 3–4 поколения, процессы этнической и языковой трансформации стали бы необратимыми, а «крымскотатарский» ислам был бы окончательно интегрирован в структуру центральноазиатских мусульманских ценностей. Но самоотверженная борьба крымских татар за возвращение на родину, а также начавшиеся либерализация режима и официальное осуждение практики массовых политических репрессий остановили этот процесс, придав ему иное историческое направление.

Исламская идентичность всегда играла важную роль в этнической мобилизации крымских татар, в формировании их национального самосознания и этнокультуры. В условиях депортации посещение крымскими татарами действующих мечетей было невозможно. Язык молитвы (арабский) со временем стал доступен лишь единицам, и мусульманская традиция сохранялась преимущественно в семейно-бытовой сфере. Тем не менее социокультурная приверженность крымских татар исламу в этот период усилилась. Это не случайно, поскольку «для народов, лишенных политической независимости, религия является единственным вы-

ражением национального единства». Неудивительно, что начавшееся в конце 80-х годов массовое возвращение на родину изгнанного народа принесло с собой и бурное возрождение ислама. К началу массовой репатриации крымских татар в Крыму не было ни одной мусульманской общины и ни одной действующей мечети.

В течение почти 50-летнего срока нахождения в местах ссылки, в условиях тоталитарного атеистического режима произошел значительный отрыв крымско-татарского народа от своих религиозных корней, в результате религиозность сохранилась практически на уровне традиций и бытовых обрядов. На современном этапе национального возрождения крымско-татарского народа, возвращающегося из мест депортации на свою историческую родину, особенно актуальным стал вопрос возрождения религии, изучения истоков истории и культуры, неотделимых от исламских традиций. Мусульманское население в современном Крыму представлено, преимущественно, крымскими татарами и некоторыми другими народами, исповедующими ислам: поволжскими татарами, азербайджанцами, узбеками, турками, народностями Кавказа и другими этносами, составляющими (включая г. Севастополь) около 11% населения полуострова.

С учетом исторических, этнических и конфессиональных особенностей мусульман в крымской автономии стали создаваться условия для реализации духовных потребностей граждан, исповедания своей религии и отправления религиозных обрядов и сохранения религиозной самобытности.

В момент возвращения крымских татар на свою историческую родину в конце 80-х годов XX столетия их общая религиозная грамотность находилась на низком уровне, хотя практически все считали себя мусульманами. Ислам большинством народа воспринимался всего лишь как часть традиций или культуры крымских татар, переданных от старшего поколения. Пятикратный намаз, являющийся одним из столпов ислама, до недавнего времени выполняли считанные единицы верующих, и единственным коллективным намазом, который совершался среди крымских татар, был дженазе-намаз (обряд похорон), который проводил местный мулла-самоучка. С возвращением на историческую родину наряду с процессами обустройства крымско-татарского народа начался процесс возрождения его религии: строительство мечетей, восстановление исламских институций, многие потянулись в создававшиеся в то время религиозные курсы или духовные школы (медресе). На фоне непростого становления всех традиционных для

Крыма конфессий, можно без преувеличения сказать, что ислам оказался в самом тяжелом положении. Если большинство христианских культовых зданий в годы советской власти использовались под склады, клубы и магазины и в таком виде сохранились, то мусульманские мечети, чтобы стереть следы ислама на крымской земле, – просто уничтожались. К 1988 г. осталось меньше десятка мусульманских культовых зданий, сохранивших признаки мусульманских мечетей, некоторые из которых были объявлены памятниками архитектуры и градостроительства. За последние два десятилетия ислам стал реальным фактором общественной жизни в Крыму. В настоящее время в крымской умме насчитывается около 300 тыс. мусульман, подавляющая часть из которых – крымские татары. В первый период тяжелого процесса обустройства крымско-татарского народа на своей родине, отсутствия у репатриантов собственных финансовых, материальных, религиозных и кадровых ресурсов об активном процессе строительства мечетей и возрождении исламских институций в Крыму не могло быть и речи. Поэтому, естественно, взоры крымских мусульман были обращены в сторону мусульманских государств, в первую очередь Турции и Арабского Востока, которые с пониманием отреагировали на обращения о помощи. Первые мусульманские общины были зарегистрированы в Крыму в 1988 г., а в 1990 г. при активном участии крымско-татарского богослова Сейтджелила-эфенди Ибрагимова был создан Кадият мусульман Крыма (КМК), в котором он получил должность кадия. КМК вошел под юрисдикцию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Приблизительно через год, 31 августа 1992 г., в Симферополе состоялось Всекрымское собрание представителей мусульманских общин, на котором было принято решение об учреждении Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), в состав которого входил муфтият мусульман Крыма. В соответствии со своим первым уставом, ДУМК осуществляет свою деятельность на основе и в соответствии с откровениями Всевышнего и Корана, Сунны Пророка Мухаммеда; на основе норм шариата, выраженных в иджтихаде; на основе факихов, постановлений и решений Курултая мусульман Крыма при уважении и соблюдении государственных законов Украины. Председателем ДУМК и первым постсоветским муфтием мусульман Крыма был избран Сейтджелил-эфенди Ибрагимов.

Наиболее активная деятельность мусульманских общин в Крыму наблюдалась в годы его руководства (1991–1995). Именно

на эти годы пришелся пик роста регистрации мусульманских общин: в 1995 г. количество зарегистрированных религиозных организаций достигло рекордной цифры – 52 мусульманские общины. В результате активного взаимодействия ДУМК с зарубежными клерикальными центрами мусульманских стран начался активный процесс строительства новых и возвращения бывших мечетей, открытия мусульманских духовных учебных заведений – медресе и воскресных школ при мечетях. Как отмечает исследователь крымского ислама Э. Муратова, в начале 1990-х годов отношения Меджлиса и ДУМК в целом строились на равноправной основе. Муфтий Крыма Сейтджелил Ибрагимов был достаточно авторитетен среди крымских татар и это, в свою очередь, обуславливало то, что ДУМК проводило довольно самостоятельную политику, стремилось уйти от политизации ислама в Крыму, на почве чего даже возникали достаточно острые противоречия между муфтием и председателем Меджлиса.

Амбиции С. Ибрагимова, его популярность среди крымских мусульман, а также независимость собственных позиций, очевидно, вызывали недовольство у лидеров Меджлиса. В итоге под формальным предлогом отъезда муфтия на учебу в одну из мусульманских стран, Сейтджелил-эфенди был фактически отстранен от управления муфтием. 18 ноября 1995 г. состоялся Курултай мусульман Крыма, в ходе которого был избран новый муфтий Нури Мустафаев – активный сторонник участия мусульманской общины Крыма в решении политических задач национального движения крымских татар. Также была введена новая должность представителя Меджлиса в Муфтияте с весьма обширными полномочиями, которую в настоящее время занимает А. Альчиков. Таким образом, весь спектр деятельности ДУМК координируется Меджлисом через своего представителя в данной структуре.

На II Курултае мусульман Крыма, который состоялся 4 декабря 1999 г., муфтием мусульман Крыма и председателем Духовного управления мусульман Крыма избран Эмиралли Аблаев.

В отличие от предыдущих муфтиев Эмиралли-эфенди Аблаев оказался наиболее приемлемой для Меджлиса фигурой, и это стало одним из факторов его долголетьства в должности крымского муфтия: на очередных III и IV курултаях мусульман Крыма он вновь переизбирался на высокую должность муфтия мусульман Крыма. А на последнем Курултае, чтобы продлить срок его полномочий, Курултай решил вернуться к прежнему сроку каденции

крымского муфтия и председателя Духовного управления мусульман Крыма – до пяти лет.

Духовное управление мусульман Крыма. В исламе не существует четкого разграничения на духовную и светскую сферы. Это особенно наблюдается в современной истории возвращения депортированного крымско-татарского народа на свою историческую родину. Полномочным представительным органом крымских татар является Меджлис крымско-татарского народа, уполномоченный от имени народа заниматься вопросами восстановления в Крыму крымско-татарской национальной государственности, культуры, языка и религии. Важнейшей заслугой Меджлиса считается воссоздание Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), по этой причине Меджлис осуществляет определенный контроль над деятельностью Духовного управления мусульман Крыма. В соответствии с Уставом Духовное управление мусульман Крыма является на территории Украины самоуправляющимся религиозным объединением мусульман Крыма. Высшими органами духовной власти и управления в Крыму являются Курултай мусульман Крыма, Совет ДУМК и Муфтият ДУМК. Право духовного суда имеют Курултай мусульман Крыма, Совет ДУМК и Муфтият ДУМК.

Совет Духовного управления мусульман Крыма (Шура) состоит из членов муфтията, председателя Ревизионной комиссии мусульман Крыма, председателя Меджлиса крымско-татарского народа и 22 региональных имамов Крыма, которые назначены Муфтиятом. Совет ДУМК в период между курултаями мусульман Крыма имеет полную законодательную и судебную власть. В компетенцию Совета ДУМК входят: контроль за исполнением решений Курултая мусульман Крыма; решения принципиальных вопросов, касающихся как внутренней, так и внешней деятельности ДУМК; оценка деятельности Муфтията ДУМК; временное отстранение от обязанностей Муфтия и членов Муфтията ДУМК, избранных на Курултае мусульман Крыма. Муфтият ДУМК состоит из девяти членов. Руководство Муфтиятом осуществляет Муфтий. В обязанности Муфтията входит: наблюдение за правильностью разъяснения учения ислама, нормами мусульманской морали и благочестия; вынесение дисциплинарных решений, касающихся священнослужителей; принятие решений о назначении и увольнении имамов Крыма по согласованию с религиозными общинами.

Муфтий является главой мусульман Крыма, избранным Курултаем мусульман Крыма. Он же – председатель ДУМК. Муфтий Крыма должен соответствовать следующим требованиям: иметь богословское образование, достаточный опыт духовного управления. Муфтий в своей деятельности руководствуется решениями Курултая мусульман Крыма, Совета ДУМК, а также Меджлиса крымско-татарского народа. Право суда над Муфтием, как и окончательное решение вопроса о его выходе на заслуженный отдых, принадлежит Курултаю мусульман Крыма. Он избирается сроком на пять лет, осуществляет связь с другими духовными управлениями, представляет ДУМК перед государством и международными организациями, контролирует работу всех духовных учреждений мусульман Крыма.

Курултай мусульман Крыма является высшим органом ДУМК, принимает решения по обеспечению единства духовных общин ДУМК, утверждает отчеты Муфтията ДУМК, рассматривает, вносит изменения и утверждает Устав ДУМК, избирает Муфтия, его заместителей, трех членов Муфтията, секретаря Муфтията и Ревизионную комиссию Курултая мусульман Крыма. Председателем Курултая является Муфтий, а при его отсутствии один из его заместителей. В состав ДУМК, согласно его Уставу, могут входить образованные им структурные подразделения. В настоящее время в систему мусульманских институций входят мусульманские духовные учебные заведения (медресе) и воскресные школы, действующие при мечетях.

Краткая хронология Курултаев мусульман Крыма. II Курултай мусульман Крыма состоялся 4 декабря 1999 г., в котором приняли участие 218 делегатов и около 100 приглашенных гостей. С отчетным докладом выступил муфтий мусульман Крыма, хаджи Нури-эфенди Мустафеев. На Курултае впервые была поднята проблема возникновения в Крыму различных исламских течений, а также проникновения на полуостров нежелательной религиозной литературы. В результате закрытого голосования новым муфтием мусульман Крыма был избран имам села Золотое Поле Кировского района Эмиралли Аблаев. III Курултай мусульман Крыма состоялся 17 апреля 2004 г. при участии более 300 делегатов и около 100 приглашенных. В отчетном докладе муфтия мусульман Крыма Эмиралли Аблаева рассматривались вопросы деятельности мусульманских общин, а также вопросы межконфессиональных отношений. В частности, членство мусульман в Межконфессиональном совете «Мир – Дар Божий» муфтий увязал с необходимостью

вхождения в состав Межконфессионального совета Крымской епархии УПЦ Киевского патриархата. Впервые за историю ДУМК было уделено внимание вопросам внутриисламских противоречий в среде крымских мусульман. Прошедший Курултай показал, что внутри мусульманской уммы формируются серьезные оппозиционные силы и что ДУМК в случае нежелания вести диалог может оказаться перед лицом внутримусульманских конфликтов. И эти опасения со временем подтвердились. IV Курултай мусульман Крыма состоялся 26 июля 2008 г. и отличался тем, что на это мероприятие не были приглашены не только представители автономных (независимых) мусульманских общин, но и представители некоторых мусульманских общин ДУМК. «Они не могут быть председателями общин, не могут быть имамами. Запрет касается хизбов и ваххабитов, которых мы не пустили на Курултай», – заявил он в комментарии «1 К».

Структура мусульманских религиозных организаций в Автономной Республике Крым. Ислам на территории современного Крыма является второй по численности конфессией после Украинской православной церкви Московского патриархата. Структура мусульманских организаций в Крыму сформировалась следующим образом. Устойчивые мусульманские объединения от десяти и более человек, сгруппировавшихся вокруг его организационного ядра – имама и его помощников, действуют практически в каждом населенном пункте компактного проживания крымско-татарского населения и проводят традиционные мусульманские обряды (намаз, нишан, дженазе, сунет и др.) на дому у единоверцев. Согласно проведенным автором исследования, число подобных зафиксированных мусульманских объединений в Крыму достигает 612 общин.

Обеспеченность культовыми зданиями. В распоряжении мусульманских общин находится 283 культовых здания, из них: приспособленных – 179, вновь построенных – 81, арендованных – 23. В последние годы практически приостановлен процесс активного строительства мечетей, что объясняется удорожанием строительства. В отличие от прежних лет количество действующих новых мечетей увеличивается не более чем на одну-две мечети в год. Институционализация современных внутриисламских противоречий в Крыму произошла в процессе регистрации независимых от Крымского муфтията общин. Действие этого онтологического фактора в формировании противоречивого характера развития современной мусульманской общины Крыма особенно подверже-

но процессу политизации. Политизируя религиозную апологетику, ислам в крымском контексте расширяет сферу конфликтных проявлений своего возрождения.

Таблица 1

**Статистика мусульманских религиозных
организаций, зарегистрированных в АР Крым
по состоянию на 01.01.2011 г.**

№ п/п	Мусульманские религиозные организации	Количество
1	Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК)	1
2	Духовный центр мусульман Крыма (ДЦМК)	1
3	Мусульманские общины, относящиеся к ДУМК	339
4	Независимые (автономные) мусульманские общины	49
5	Мусульманские духовные учебные заведения (медресе)	5

Автономные мусульманские общины. Начало регистрации автономных от Крымского муфтията общин было положено в конце 1998 г. после решения ДУМК о создании религиозного объединения мусульман г. Симферополя и Симферопольского района. На учредительной конференции был избран лидер означенного объединения. Только после завершения конференции ДУМК обратило внимание на религиозно-идеологическую направленность большинства лидеров мусульманских общин, присутствовавших на конференции. Через несколько недель ДУМК изменило решение относительно персоналий, одобренных конференцией в качестве лидеров нового объединения. Непоследовательная позиция ДУМК вызвала протест в среде участников учредительной конференции, в результате чего часть общинных руководителей, вошедших в состав руководства указанного объединения, приняли решение о регистрации независимых мусульманских общин.

Прецедент получил широкую огласку и приобрел характер демонстрационного эффекта. После событий 1998 г. лидеры мусульманских общин, не согласные с политико-идеологической направленностью деятельности ДУМК, стали использовать протестный опыт Симферопольской конференции, и география деятельности «автономистов» получила распространение в пределах большинства регионов Крыма.

**Количество мусульманских священнослужителей
в АР Крым на 01.01.2011 г.**

Муфтий мусульман Крыма	1
Муфтий Духовного центра мусульман Крыма	1
Имамы ДУМК	339
Имамы независимых (автономных) мусульманских общин	49
Иностранные настоятели в мечетях Крыма (Турция)	24
Всего	414

Количество упомянутых автономных религиозных организаций уже достигло критической массы, и у них назрел вопрос о необходимости создания координационных центров и управлений. Этим была вызвана регистрация в декабре 2010 г. в Крыму первой официально оппозиционной к Крымскому муфтияту организации под названием «Духовный центр мусульман Крыма», объединяющей приверженцев так называемого хабашитского течения в исламе, что усилило конфликтность внутри мусульманской уммы Крыма.

Мусульманские духовные учебные заведения (медресе).

Деятельность крымских медресе официально находится под контролем ДУМК. В программу обучения крымских медресе включены предметы по изучению основ исламской религии, религиозных обрядов, правил чтения Корана; большое внимание уделяется вопросам религиозного воспитания. Параллельно учащиеся обучаются в общеобразовательных школах I–III ступеней, вузах, техникумах (лицеях). В начальный период репатриации (1990–1995) крымские татары получали исламское образование в исламских университетах Азербайджана, России, Турции, Египта, Саудовской Аравии. Наиболее значительными были группы, отправившиеся на учебу в университеты Турции.

Со временем практика получения исламского образования крымско-татарской молодежью за пределами Крыма была признана ДУМК неэффективной, и в крымской автономии стали создаваться собственные духовные мусульманские учебные заведения. Одним из первых в Крыму было создано медресе «Сеит-Сеттар», расположенное в г. Симферополе при мечети XIX в., возвращенной мусульманской общине «Сеит-Сеттар». Действует с 1993 г.

Медресе работает в режиме воскресной школы, в которой обучаются желающие разного возраста и пола. Количество обучающихся непостоянно и составляет 12–18 человек.

Медресе «Къалай» (Азовский лицей высших исламских наук) расположено в пгт. Азовское Джанкойского района и является одним из ведущих духовных мусульманских учебных заведений Крыма. Строительство комплекса зданий мечети и лицея было начато в 1993 г. Учащимися Азовского медресе являются дети обоих полов от 13 до 17 лет. В течение года здесь проходят обучение около 110 человек, в основном дети из крымско-татарских семей. Примерно половину преподавателей медресе составляют крымские татары, получившие религиозное образование в Турции, вторая половина представлена турецкими преподавателями.

Медресе «Къурман», расположенное в Красногвардейском районе, является структурным подразделением Азовского медресе. В организационной деятельности медресе принимает активное участие местная мусульманская община «Джангара». Медресе является учебным заведением интернатного типа, в котором живут и обучаются дети от 12 до 14 лет. С целью получения выпускниками медресе среднего образования организовано их обучение в Красногвардейской средней вечерней школе II–III ступеней с заочной формой обучения.

Симферопольское высшее исламское медресе расположено в здании, выкупленном и переданном в дар ДУМК Международным Исламским банком развития; начало свою работу с 2003 г. Как и в Азовском медресе, здесь преподаются и религиозные, и светские дисциплины. Между тем учебное заведение не соответствует статусу высшего вследствие отсутствия в нем преподавательских кадров соответствующего уровня. Указанное медресе также является учебным заведением интернатного типа, в котором живут и обучаются 19 мальчиков в возрасте 15–20 лет. Учащиеся имеют возможность параллельно обучаться в различных учебных заведениях. Высшее исламское медресе имеет филиалы в симферопольских микрорайонах компактного проживания крымских татар Хош Кельды и Каменка, а также в г. Белогорске.

Медресе хафизов, расположенное в п. Давыдовка Симферопольского района, является специализированной школой, в которой проводится подготовка учащихся по цитированию Священного Корана наизусть. Школа хафизов начала свою работу в 2002 г. по инициативе Всеукраинской ассоциации общественных организаций «Альраид» и при спонсорской поддержке шейха Абдаллаха

аль-Мубарака ас-Субаха (Кувейт). Крымская школа хафизов – единственное в Украине мусульманское учебное заведение подобного профиля. Количество учащихся составляет 19 человек (исключительно мальчики), которые параллельно обучаются в общеобразовательной школе.

Таблица 3

**Мусульманские духовные учебные заведения (медресе),
зарегистрированные в АР Крым**

№ п/п	Наименование учебного заведения	Адрес
1	Высшее исламское медресе (ВИМ)	г. Симферополь, проспект Победы, 128
2	Медресе хафизов	Симферопольский район, п. Давыдовка, ул. Виноградная, 1
3	Медресе «Сейт-Сеттар»	г. Симферополь, ул. К. Цеткин, 34
4	Азовский лицей высших исламских наук	Джанкойский р-н, с. Майское, ул. Гаспринского, 1
5	Медресе	п.г.т. Красногвардейское, ул. Элеваторная, 5
6	Кораническая школа (филиал ВИМ)	г. Старый Крым
7	Медресе (филиал ВИМ)	г. Белогорск

В общей сложности в пяти крымских медресе обучаются до 200 учащихся разного пола.

Воскресные школы. При мечетях Крыма действуют около 60 воскресных школ по обучению основам ислама, в которых ведут занятия местные имамы и турецкие миссионеры. Однако, проанализировав почти 20-летний опыт возрождения ислама в Крыму, можно отметить, что с ростом благосостояния они, за редким исключением, так и не стали самостоятельными, саморегулирующимися ячейками в системе мусульманской религиозной структуры. Традиционный в мусульманских странах обычай, когда прихожане жертвуют на содержание мечетей, медресе и духовных наставников, в полной мере так и не получил своего распространения в Крыму. Расчет на помощь различных религиозных центров зарубежных стран уже укоренился в сознании крымских мусульманских общин. Поэтому возрождающаяся крымская умма оказалась восприимчивой к влиянию внешних сил и претворилась в «непаханое поле» для мусульманских миссионеров. Религиозные

проповедники прибывают в основном из Турецкой Республики. Только одна религиозная организация представляет официальный турецкий ислам – Министерство по делам религий Турции (Диянет), остальные являются представительствами различных общественных и религиозных вакфов, причем придерживающихся различных религиозных направлений. Все иностранные мусульманские проповедники прибывают в Крым по приглашению крымского муфтията.

Миссионерская работа – это всегда конкуренция, так как идет серьезная борьба за души людей, за формирование их мировоззрения, за внедрение в их души религиозной доктрины, которой придерживается зарубежная религиозная организация. Чем профессиональнее работа миссионеров, тем успешнее они достигают своих целей и тем больше вокруг них концентрируется адептов их идеологии. Результаты работы зарубежных центров сегодня налицо: в сравнительно небольшом крымском сообществе сформировалось несколько религиозных направлений и течений, в которые вовлечены десятки тысяч мусульман.

Развитие связей ДУМК и Меджлиса с зарубежными исламскими центрами, а также действующими на территории Крыма мусульманскими благотворительными организациями, и в особенности монопольный контроль Меджлиса над процессом развития этих связей, способствовали ускорению процесса политизации ислама в Крыму. За ислам в Крыму развернулась настоящая борьба между «турецкими» и «арабскими» религиозными центрами. Об этом свидетельствуют работы турецкого исследователя М.К. Чифтчиогюзея, назвавшего одну из своих статей «Столкновение Турции и Саудовской Аравии в Крыму».

Необходимо отметить, что руководство Меджлиса и Муфтията крымских татар склонно отдавать предпочтение «турецкому пути» возрождения ислама в автономии. Такой выбор, по мнению Э. Муратовой, не случаен. Светский уклад турецкого государства позволяет легко подчинять религиозное начало этническому. С Турцией крымских татар связывают тесные диаспоральные отношения. Признание монопольной роли Турции в процессе реставрации ислама в Крыму неоднократно отмечалось в выступлениях крымско-татарских лидеров. В частности, заместитель председателя Меджлиса Р. Чубаров заметил в одном из интервью, что «возрождение ислама в Крыму в том классическом виде, в котором он существовал ранее, и плюс его тесная взаимосвязь с турецкой религиозной школой – дают возможность утверждать, что

в принципе сосуществование религиозной и общественно-политической жизни будет гармоничным».

А между тем исламские традиции крымских татар заметно отличаются от религиозно-бытовых традиций Турции. Мусульмане Крыма предпочитают ношение европейской, а не традиционно исламской одежды, ставят памятники своим усопшим и т.д., что не принято в ортодоксальном исламе. Возможно, поэтому, с точки зрения миссионеров, Крымская автономия – просто культурологическая целина.

Руководство ДУМК и Меджлиса, отдавая предпочтение турецкой религиозной школе, сохраняет между тем широкий круг отношений с арабскими исламскими центрами. Это привело к тому, что при сохраняющемся доминировании турецкого влияния на крымских мусульман в Крыму укрепляется тенденция «перехвата» контроля над их духовной жизнью со стороны различных неправительственных исламских организаций, тесно связанных через различные независимые исламские фонды со спецслужбами Саудовской Аравии и Пакистана. Этот аспект деятельности «независимых» исламских фондов в Российской Федерации подробно проанализирован экспертами А. Акпадшаховым и А. Савельевым.

Деятельность зарубежных религиозных центров в Крыму создала среду для возникновения своеобразного социокультурного конкурса, заключающегося в необходимости выбора мусульманской уммой автономии наиболее приемлемой системы религиозных ценностей для решения фундаментальной задачи возрождения исламского наследия. Внутренний стержень этого выбора конфликтен не по сути, а по форме. Ведь суть социокультурного конкурса крымских мусульман в выборе исламской апологетики, а форма означенного выбора – в признании крымской уммой одной из политических моделей ее взаимосвязи с миром глобализирующегося ислама.

Сегодня мусульманская умма в Крыму разделена на несколько религиозных течений. Обычно говорится о 4–5 основных мусульманских течениях в Крыму: салафитах, хабашитах, «Хизб ут-Тахрир» и др., которые действуют в качестве автономных мусульманских общин. Хотя нередко в составе указанных религиозных течений оказываются и мусульманские общины, входящие в состав Духовного управления мусульман Крыма.

Международная деятельность ДУМК. Духовное управление мусульман Крыма традиционно поддерживает тесные взаимоотношения с религиозными организациями Турции. Муфтий му-

сульман Крыма Э. Аблаев посещает Турецкую Республику, где проводит встречи с руководством Министерства по делам религий Турции, в ходе которых обсуждаются проекты строительства мечетей, религиозного просвещения, издательской деятельности. Муфтий приглашался в офис турецкого фонда «Азиз Махмуд Худай Вакуфы», который длительное время работает в Крыму. В свою очередь представители Министерства по делам религий Турции совместно с преподавателями исламских университетов Турции посещают Крым и принимают участие в праздниках, посвященных Дню рождения Пророка Мухаммада, участвуют в конкурсах на лучшего чтеца Корана, которые проводятся среди учащихся медресе. Руководители турецкого фонда «Азиз Махмуд Худай Вакуфы» совместно с учеными – преподавателями теологических факультетов турецких университетов организуют семинары для крымских имамов. Существенную помощь в подготовке мусульманских кадров оказывают страны Арабского Востока. Например, помощь в деятельности медресе по подготовке хафизов (чтецов Корана наизусть) в г. Симферополе оказывает Всемирная организация по обучению Корану из Саудовской Аравии. Духовное управление мусульман Крыма является постоянным членом Евразийского Исламского совета, а также членом международной организации «Всемирный исламский призыв».

Совет муфтиев Украины. В последние годы государственно-мусульманские отношения в Украине потребовали своего совершенствования. Это касалось, в первую очередь, организации ежегодного паломничества (хаджа) мусульман Украины в Мекку (Саудовская Аравия), регистрации мусульманских общин, разрешения внутренних проблем в мусульманской умме. В связи с этим 15 апреля 2009 г. в г. Киеве был подписан документ о создании Совета представителей духовных управлений и центров мусульман Украины при Государственном комитете Украины по делам национальностей и религий – Совета муфтиев Украины. После переговоров с руководителями всех пяти мусульманских духовных центров и управлений оказалось, что в состав Совета муфтиев Украины выразили согласие войти Духовное управление мусульман Крыма, Религиозное управление независимых мусульманских общин «Киевский муфтият» и Духовное управление мусульман Украины «Умма». От вхождения в состав новообразованного Совета воздержались Духовное управление мусульман Украины и Донецкий центр мусульман Украины. Первым председателем Совета муфтиев Украины при Госкомнацрелигий сроком на один год был

избран муфтий мусульман Крыма Эмир-али-эфенди Аблаев. В конце 2010 г. Государственный комитет Украины по делам национальностей и религий был ликвидирован, но несмотря на это, Совет муфтиев Украины принял решение о сохранении этого объединения и продолжении его работы.

Мусульманские средства массовой информации. В Крыму издаются две мусульманские религиозные газеты. На крымско-татарском языке тиражом 3 тыс. экземпляров издается официальная газета Духовного управления мусульман Крыма «Хидает», причем материалы двух полос газеты печатаются на русском языке. Этим она стала доступнее для читателей, слабо знающих крымско-татарский язык. Газета постоянно уделяет внимание событиям в религиозной и национальной сферах в Крыму, освещает события в исламском мире. В 2009 г. Духовное управление мусульман Крыма запустило свой официальный интернет-сайт (<http://www.qirimmuftiyat.org.ua/>). Мусульманская община Духовного управления мусульман Крыма «Алушта» является учредителем Всекрымской общественно-политической газеты «Возрождение», которая выходит на русском языке тиражом 15 тыс. экземпляров. В публикациях газеты приводятся исторические материалы об исламе в Крыму, описываются новости мусульманского мира, большое внимание уделяется экономике и финансовой системе западного мира, в том числе Соединенных Штатов Америки. Публикации газеты носят информационно-просветительский характер, однако эксперты отмечают приверженность данной газеты к идеологии религиозно-политической партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Социально значащая деятельность мусульманских религиозных организаций. Одним из позитивных факторов работы мусульманских общин в Крыму являются расширение форм и направлений социальной работы. Для некоторых из них гуманитарная работа, направленная на оказание помощи больным, детям и малоимущим, стала неотъемлемой частью деятельности. Гуманитарные акции бывают приурочены к великим мусульманским праздникам Ураза-байрам и Курбан-байрам. Координатором социальных программ в Крыму является Духовное управление мусульман Крыма. Под его эгидой на протяжении длительного времени проводится благотворительная акция «Мерхамет», целью которой является сбор денежных пожертвований (фитр), направляемых детям для лечения болезней, требующих оперативного вмешательства. Кроме того, ряд собственных благотворительных проектов, направленных на оказание помощи малоимущим семьям,

детям-сиротам, многодетным семьям, осуществляет Всеукраинская Ассоциация Общественных Организаций (ВАОО) «Альраид».

Межконфессиональные отношения. Легализация и территориальное распространение в автономии ведущих религий мира – христианства, ислама, иудаизма, возрождение автохтонной религии караимов – караимизма – после семи десятилетий господства атеизма поставили Крымскую автономию перед новыми условиями – возникшими проблемами в сфере межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений. После 1995 г. в автономии появились первые признаки обострения межконфессиональных отношений между православными общинами и мусульманской уммой полуострова. Основой этого обострения явилась политизация конфессионального компонента в крымском социуме. На этом фоне в современном Крыму стало формироваться поле конфликтного взаимодействия:

- а) между православным и мусульманским сообществами;
- б) между органами государственной власти и мусульманскими религиозными организациями.

Общие причины конфликтности имели неоднородный характер и были связаны в основном с политическими, экономическими или этнокультурными аспектами. Что касается православно-мусульманских отношений, то здесь постепенно сложился резкий диссонанс между христианским большинством и мусульманским меньшинством Крыма. Отношения между мусульманской и православной конфессиями поначалу складывались достаточно толерантно. Муфтий мусульман Крыма Сеитджелил Ибрагимов совместно с архиепископом Симферопольским и Крымским Лазарем стали сопредседателями созданного в ноябре 1992 г. Межконфессионального совета «Мир – дар Божий», основной целью которого провозглашалась «координация межконфессионального диалога в Крыму».

Однако со временем достаточно отчетливо стали проявляться факторы конфликтности между этими двумя конфессиями, первые признаки которой возникли в связи с подготовкой к празднованию 2000-летия Рождества Христова. Симферопольская и Крымская епархия организовала массовые акции по установке поклонных крестов около населенных пунктов и на главных автомагистралях, не учитывая религиозные взгляды проживающего населения. Массовая установка крестов и плакатов с надписями «Крым – колыбель православия» показала явное стремление православной церкви подчеркнуть свое исключительное положение и

доминирующее влияние на полуострове, что негативно стало восприниматься мусульманским населением. Установка православных знаков продолжалась в одностороннем порядке, без проведения совместных консультаций и предполагаемого «межконфессионального диалога», что стало восприниматься крымскими татарами как демонстративный вызов мусульманам.

Затем последовали события, получившие в Крыму название «крестоповалов», которые привели к резкому обострению мусульманско-православных отношений. Правительством Крыма был сделан важный шаг в деле законодательного урегулирования межконфессионального конфликта – принято специальное постановление Совета министров АР Крым, вносящее существенные изменения в типовые правила строительства или размещения зданий и сооружений на территории автономии. Теперь размещение и установка объектов культового назначения вне территории культовых строений, мест паломничества, территории учреждений религиозных организаций, кладбищ, мест отдельных захоронений, крематориев и частных домов граждан могли производиться только по решению районных государственных администраций и исполнительных комитетов городских советов по согласованию с Межконфессиональным советом Крыма. В данном случае речь идет о Постановлении Совета министров Автономной Республики Крым от 13 февраля 2001 г. № 33 «О некоторых мерах по стабилизации межконфессиональных отношений в Автономной Республике Крым», который со временем был отменен решением судебных органов в части, касающейся процедуры согласования установки культовых знаков. Однако существующий Межконфессиональный совет «Мир – дар Божий», который, казалось бы, должен был способствовать позитивному диалогу в мусульманско-православных отношениях, явно не стремился к соблюдению задекларированной в Положении о Совете «координации межконфессионального диалога в Крыму» и своими действиями способствовал новым мусульманско-православным конфликтам на территории полуострова.

В знак протеста муфтий Крыма Эмиралы Аблаев приостановил членство Духовного управления мусульман Крыма в Межконфессиональном совете полуострова «Мир – дар Божий». Но стоит заметить, что вынужденный демарш крымского муфтията в настоящее время нельзя уже рассматривать как «приостановление» членства ДУМК в межконфессиональном совете Крыма. Отсутствие лидера крымских мусульман в межконфессиональном объединении на протяжении более десяти лет дает повод говорить о ста-

бильно существующем кризисе в православно-мусульманских взаимоотношениях в Крыму. После конфликта в с. Морское г. Судак, связанного с незаконной установкой поклонного креста, за последние годы провокационные попытки незаконных установок крестов предпринимались в Симферополе, Феодосии, Судак, Армянске, Симферопольском, Бахчисарайском, Джанкойском и Нижнегорском районах. Целый ряд имевших место инцидентов, к счастью, не вылились в серьезные межконфессиональные конфликты, однако создали в Крыму устойчивый фактор конфликтогенности по линии «православие – ислам», явившийся впоследствии причиной ксено- и исламофобских проявлений в автономии. Канувшая в Лету идеология советского коммунистического режима оставила в умах крымского обывателя, заселенного на полуостров после массовой депортации коренного крымско-татарского народа, тяжелые стереотипы прошлого, когда целые народы были поделены на «хороших» и «плохих». Этот фактор перешел в генетическое наследие новым поколениям послевоенных переселенцев, что существенно влияет на состояние современных межнациональных и межконфессиональных отношений в Крыму.

Проблемы исламофобии и ксенофобии. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, инциденты, спровоцированные на ксено- и исламофобских настроениях, стали частым явлением на полуострове. Этому фактору значительно содействовали публикации в средствах массовой информации, вызывающие межнациональную вражду. Антитатарские, антиисламские и антисемитские публикации становятся обычным явлением. Особо в этом плане выделяется газета «Крымская правда». По этому поводу в апреле 2008 г. ряд крымско-татарских общественных организаций были вынуждены обратиться в правоохранительные органы и Комиссию по журналистской этике Национального союза журналистов Украины с просьбой провести мониторинг публикаций в газете «Крымская правда», посвященных вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений. Многолетняя идеологическая работа подобных zaangażированных СМИ стала приносить свои разрушительные результаты. Автономная Республика Крым стала занимать лидерство на бывшем постсоветском пространстве по возрастающим тенденциям ксенофобии, исламофобии и антисемитизма. Эти позорные для цивилизованного XXI в. явления уже трансформируются в чудовищные акты вандализма. С 1995 г. совершено более 50 актов вандализма против этнических культурных памятников, кладбищ и культовых святынь, направленных на оскорбление са-

мых ранимых человеческих чувств. Крым уже пережил нападение на крымско-татарского подростка, которого после избиения сбросили в холодные воды Салгира, и избиение женщин-мусульманок, выделяющихся исламским одеянием. Антиисламистские и радикальные псевдоказачьи формирования, псевдороссийские «патриотические» организации и фашиствующие молодчики, на совести которых лежат указанные преступления, имеют вполне конкретную цель: дестабилизировать обстановку в Крыму путем столкновения славянского и крымско-татарского народов, православия и ислама. Провокационные действия шовинистических сил пока не получают адекватной ответной реакции, и это связано, в первую очередь, с мудростью крымско-татарского народа и миролюбием и терпимостью ислама, который он возрождает на своей исторической родине.

Государственно-конфессиональные отношения в Крыму. Значительное увеличение веса религии в информационном пространстве и общественной жизни Крыма не говорит о возрастании религиозности общества, а скорее о том, что средства массовой информации, являющиеся действенным инструментом в руках различных политических сил, стали использовать религию в своих политических целях. Авторитет религии становится инструментом легитимации определенных идеологических и политических программ. Политики стремятся подчеркнуть свою причастность к той или иной конфессии, выступают как спонсоры различных религиозных проектов, получая взамен дополнительный моральный и мобилизационный ресурс. Расширение функции религии в политике приводит к тому, что она становится не только ресурсной базой власти, а и сама по себе превращается в неформальный источник власти. Религиозные деятели становятся частью политического класса – властной элиты, от санкции которой в отдельных случаях зависит принятие тех или иных решений. Во время полевых исследований в Крыму мы узнали про случаи, когда санкция (благословление) православных иерархов и священников содействовала получению позитивного решения местных органов власти на выделение земли. Религиозные деятели совершают обряды на официальных церемониях в военных, правоохранительных органах, учебных заведениях, органах власти разных уровней, работают в пенитенциарной системе. Скорее всего, в подобных случаях религия большинства воспринимается как собственная религия. Православие играет роль религии по умолчанию. Но вполне сознательно эта самая городская власть действует, когда препятствует

возрастанию мусульманских религиозных символов в публичном пространстве. Наилучшим примером такой политики является решение городского совета Симферополя об отказе выделения земли под строительство Соборной мечети по улице Ялтинской, 22.

На протяжении более чем десяти лет нежелание удовлетворить законное право мусульман наравне с православными строить свои храмы в столице автономии продемонстрировало дискриминационное отношение симферопольских властей в отношении своих сограждан мусульманского вероисповедания. Этот факт явился причиной бессрочной акции протеста, организованной Крымским муфтием на месте будущего строительства Соборной мечети, но вызвавшей негодование со стороны заангажированной части славянского населения, от которой в адрес государственных органов власти начали поступать «коллективные жалобы» граждан против строительства Соборной мечети, а на территорию пикета крымских мусульман стали забрасывать листовки антитатарского и антимусульманского содержания.

Необходимо отметить, что противостояние «государственная власть – мусульманские общины» возникло вопреки существующим государственным законам и законодательным актам, регулирующим государственно-конфессиональные отношения, а также известному Указу Президента Украины от 21 марта 2002 г. «О неотложных мерах по окончательному преодолению негативных последствий тоталитарной политики бывшего Союза ССР, относительной религии и восстановления нарушенных прав церквей и религиозных организаций». Парадоксально, что именно государственные чиновники усугубляют ситуацию, создавая в отношении мусульманских общин искусственные препоны в получении земельных участков под строительство мечетей и возвращении культовых зданий и бывшей культовой собственности. Особенно это касается столицы и прибрежных городов автономии.

При сохранении нынешних тенденций динамики межконфессиональных инцидентов, актов вандализма в отношении мусульманских и национальных объектов, сохранения существующего противостояния между государственными чиновниками и мусульманскими общинами существует угроза обострения обстановки в регионе. Что же необходимо предпринять во избежание межэтнического конфликта в Крыму? В первую очередь в этом вопросе должна занять четкую позицию крымская власть и принять все меры по недопущению любых проявлений национальной или религиозной исключительности или нетерпимости по отноше-

нию к людям иной национальности и вероисповедания, оскорбительного отношения к чувствам граждан, разжигания враждебности и ненависти на национальной или религиозной почве. С учетом специфики Крыма одной из главных задач власти должно стать формирование реального климата и принципов мирного сосуществования на полуострове русскокультурного и этнонациональных сообществ. Политика власти в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений должна привести к четкому пониманию, что народы Крыма не представляют какой-либо угрозы друг для друга и совместное их проживание на полуострове всегда будет комфортным для каждого человека, независимо от его национальной принадлежности и вероисповедания. Эти принципы должны стать основой формирования крымского регионального сообщества. В противном случае цель ксенофобских, исламофобских и антисемитских группировок будет достигнута: Крым неотвратимо скатится к межнациональным и религиозным конфликтам. Как видим, первые шаги в этом направлении уже сделаны.

* * *

Крымские мусульмане – это не только мусульманские общины, имамы мечетей, учащиеся медресе и их наставники, но и ученые, деятели культуры, искусства и бизнеса, спортсмены, студенты вузов и просто десятки тысяч добропорядочных граждан и отзывчивых соседей. Крымско-татарский народ переживает нелегкие годы обустройства после возвращения из мест депортации. Сегодня он больше всего нуждается не только в помощи Украинского государства, но и тактичного отношения к себе простых крымчан, понимающих, что их соседи могут говорить на своем родном языке и иметь свою культуру, религию, обычаи и традиции. Известный крымско-татарский политик и общественный деятель, первый председатель правительства Крымской Народной Республики, организатор I Курултая крымско-татарского народа, муфтий мусульман Крыма Номан Челебиджихан сказал: «В Крыму много цветов, у них разные краски, разные ароматы. Эти цветы – народы, которые живут в Крыму». Только при активном участии мусульман в гражданском обществе Крым может стать процветающей республикой в составе современной правовой и демократической Украины. Крымские татары связывают свое будущее с Украиной и стремятся к стабильности, межнациональному и

межконфессиональному миру и процветанию всех многочисленных народов, проживающих на крымской земле, сохранению государственной независимости Украины как гарантии их дальнейшего развития.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что возвращающийся на свою историческую родину крымско-татарский народ с богатой мусульманской культурой стал неотъемлемой частью украинского общества. Национальное движение и религиозные управления находятся в поиске оптимальных форм самоуправления в рамках украинской государственности и Конституции Украины. За 20 лет независимости Украинского государства в условиях исключительного либерализма украинского законодательства «О свободе совести и религиозных организациях» крымские татары имели возможность заложить основы своего религиозного возрождения. С учетом исторических этнических и конфессиональных особенностей мусульман в крымской автономии создаются условия для реализации духовных потребностей граждан, исповедания своей религии и отправления религиозных обрядов, сохранения религиозной самобытности этнических групп населения. Опыт Украины по реинтеграции мусульманских репатриантов в Крым является уникальным в мировой практике и несомненно заслуживает международного внимания. Сегодня жизнь ставит перед мусульманской уммой Крыма новые задачи и подходы, необходимые для ее обновления и развития в условиях XXI в.

Духовному управлению мусульман Крыма предстоит начать процесс сглаживания существующих внутримусульманских противоречий путем диалога со своими религиозными оппонентами, отсутствие которого в настоящее время представляет опасность единству не только мусульманской уммы, но всего крымско-татарского народа. Важное значение приобретают вопросы более полного удовлетворения духовных потребностей мусульман Крыма: возвращение бывших мусульманских культовых объектов и строительство новых мечетей, в первую очередь долгожданной Соборной мечети в столице Крыма г. Симферополе. Необходим вклад мусульман Крыма в укрепление международных позиций страны в контексте евроинтеграционных устремлений Украины. Решение этих и других проблем требует прежде всего формирования и утверждения государственной стратегии дальнейшего развития мусульманского возрождения. В этом случае ислам, учитывая его миролюбивую сущность, может сыграть роль фактора стабильности в Крыму, что повысит международный имидж Украины

в глазах мирового сообщества. А для крымско-татарского народа исламская религия всегда будет фактором единства, духовности и высокой культуры.

*«Ислам в СНГ»,
М.–Н. Новгород, 2011 г., № 4 (5), с. 54–66.*

С. Колдыбаев,

доктор филологических наук

С. Турежанова,

кандидат экономических наук

(КГУ, Казахстан)

СОВРЕМЕННЫЙ КАЗАХСТАН:

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИИ

И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Фактом сегодняшнего дня является процесс реанимации и повсеместного развития на постсоветском пространстве религиозных конфессий. В то же время нельзя не видеть, что эта динамика религиозного движения поставила и определенные вопросы перед учеными и политиками. Для их правильного разрешения важно исследовать в этом процессе прежде всего теоретико-методологические вопросы, определяющие практику отношения и действия власти и общества к религии. Не претендуя на исчерпывающее изложение этих вопросов, коснемся некоторых из них.

Ведь что такое религия? Сегодня можно встретить понимание, согласно которому «любая религия включает мировоззрение, опирающееся на веру в существование Бога или нескольких богов». Но с такой точкой зрения нельзя согласиться. Ведь, например, буддизм ничего не говорит о существовании Бога, богов, но является тем не менее мировой религией. Тем более такое утверждение не относится ко многим современным религиям.

Еще с советских атеистических времен считалось, что религия – это, прежде всего, мировые традиционные религии: христианство, ислам, буддизм. И, как известно, руководствуясь основополагающими принципами демократического, светского государства, все государства постсоветского пространства объявили о том, что они придерживаются принципов свободы совести и конфессий для всех жителей своих стран.

В последнее время все более настойчиво ставится вопрос о целесообразности включения в эти границы сторонников так на-

зываемых нетрадиционных религиозных объединений. Тем самым границы религии объективно расширяются, не ограничиваясь мировыми религиями. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что «религия – есть мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), которые основываются на вере в существование (одного или нескольких) богов, “священного”, т.е. той или иной разновидности сверхъестественного». Подобное определение позволяет рассматривать феномен религии как явление, включающее в себя и мировые религии, и нетрадиционные религиозные объединения.

Справедливости ради отметим, что нетрадиционные религиозные объединения были известны и существовали еще в советское время. Их тогда дифференцировали, отделяя не только от мировых религий, но и деструктивных, наносящих вред здоровью и свободам личности. Но сегодня вопрос о том, что считать нетрадиционными религиозными объединениями и как к ним относиться, обострился. И не в последнюю очередь это связано с тем, что именно с этими объединениями власти склонны связывать бич нашего современного мира – терроризм, насилие над человеком, нарушение прав и свобод личности. И наличие такой связи нельзя отрицать. Но все ли нетрадиционные религиозные объединения являются столь однозначно отрицательными, заслуживающими только одного отношения – запрета, а их сторонники – преследования?

Так, некоторые исследователи и специалисты в области религий действующие в республике религиозные объединения условно классифицируют на три типа. Первый тип представляют религии, которые продолжительное время существуют на территории Казахстана и определяют культурно-исторические традиции доминирующего большинства населения страны. К этой группе относят ислам и православное христианство. Второй тип – это религиозные объединения, имеющие достаточно длительный исторический опыт деятельности в Казахстане. В советское время они преследовались и не получали официального признания со стороны государства. В эту группу входят объединения католического и протестантского (в основном лютеранство, баптизм, меннонизм и адвентизм) христианства. Третий тип – новые религиозные течения и направления, развернувшие свою деятельность с начала 90-х годов. Из представленной классификации видно, что к категории «традиционные конфессии» были отнесены религиоз-

ные объединения первого типа, т.е. ислам и православное христианство.

Известный казахстанский религиовед профессор А. Артемьев считает, что понятие «традиционные религии» применительно к православию и исламу в Казахстане неправомерно. По его мнению, под это понятие вполне могут попадать в стране и другие религии, например зороастризм, тенгрианство, которые были распространены в районе Центральной Азии еще до появления ислама и православия. Более того, по его мнению, к традиционной религии может быть отнесен и шаманизм, который многими воспринимается как часть ислама. Поэтому, по мнению А. Артемьева, тот факт, что в Казахстане в настоящее время последователей ислама и православия оказалось больше, чем других религиозных формирований, вовсе не означает, что эти религии стали «традиционными». И вообще термин «традиционные религии», с его точки зрения, есть не что иное, как субъективное желание усилить доминирование каких-то конфессий.

Подобная точка зрения уважаемого профессора, как нам представляется, не является убедительной. Ведь понятие «традиционные религии» включает в себя комплекс религиозных атрибутов социального и культурного наследия, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени. В качестве религиозных атрибутов выступают религиозные предания, религиозные нормы, ценности, идеи, обряды и т.д. Распространение религий имеет свои специфические особенности, которые надолго определяют характер религиозности в том или ином ареале. Взаимодействие разных культурных традиций неизбежно порождает синкретизм, который впоследствии составляет культурную основу традиционного уклада жизни общества.

Что касается других религий, которые были распространены в Центральной Азии до появления ислама и православия, – зороастризм и тенгрианство, это религии, которые на современном этапе не имеют своих приверженцев. Однако в религиозном мировоззрении казахов они составили значительный пласт, как и домусульманские реликты анимистических представлений, почитание умерших предков, шаманство и другие древние воззрения, которые соединились с исламом (народный ислам) и вошли в религиозные представления и обряды. Необходимо отметить, что успех ислама суннитского направления ханафитского мазхаба среди тюркских племен объясняется тем, что он отличается гораздо

большей, чем другие мазхабы, толерантностью по отношению к доисламским традициям.

Теперь другой вопрос, что считать нетрадиционными религиями. К нетрадиционным, например, мы можем отнести свидетелей Иеговы, мормонов, мунистов, ваххабитов, исмаилитов, кришнаитов и др. Трудная проблема, где и в каком вопросе проходит разделительная линия, отличающая нетрадиционные религиозные объединения позитивного характера от объединений, требующих запрещения. Порой, даже в официальных документах эта линия не учитывается. Так, в республиканской программе по обеспечению свободы вероисповедования, принятой постановлением правительства РК в декабре 2007 г., отмечается, что «определенную напряженность межконфессиональных отношений вызывает активизация деятельности нетрадиционных религиозных объединений... Их социальная опасность заключается в том, что, провозглашая и реализуя свои цели, они посягают на свободу личности, не учитывая сложившиеся в обществе культурные и духовные традиции, а также нормы законодательства».

На наш взгляд, подобный общий подход к нетрадиционным религиозным объединениям, не допускающий их дифференциации, в принципе, на практике вреден и с государственных позиций не совсем правилен. Ведь в том же Казахстане встречается немало религиозных объединений, которые, относясь к нетрадиционным, совершенно лояльно относятся к государству и не допускают посягательств на личность и ее свободы. Как их можно называть деструктивными, если они официально разрешены законом, зарегистрированы в установленном порядке и, образно говоря, свои молитвы начинают за здоровье правительства и процветание родного Казахстана. Скажем, к нетрадиционному религиозному объединению деструктивного характера относят свидетелей Иеговы. Но ведь их религия вполне мирная. Главное в их учении то, что они строго следуют первоначальному варианту Библии. Священное Писание — это их собственный перевод. Они претворяют в жизнь только то, что написано в Библии. Некоторые граждане возмущаются активным распространением их литературы, навязчивым предложением периодических изданий прохожим. Однако право выбора остается за человеком, и каждый решает самостоятельно, что читать и с кем заводить диалог на духовные темы. Для общества свидетели Иеговы не представляют никакой опасности, но они дистанцируются от светской власти, не принимают участия в

голосовании, что вызывает недовольство государственных чиновников.

Приверженцев некоторых «нетрадиционных» конфессий обвиняют в уклонении от участия в выборах. Но ведь государство сегодня занимает по сути дела нейтральную позицию в вопросе о явке на голосование граждан, ибо оно отменило нижний барьер при учете поданных голосов избирателей. Но тогда спрашивается, а причем здесь религиозные убеждения? Вывод напрашивается совершенно определенный: необходимо более внимательное и дифференцированное отношение к религиозным нетрадиционным объединениям. И здесь нужны совместные усилия ученых-религиоведов и государственных чиновников для того, чтобы предметно выработать некие вполне конкретные критерии, точнее их систему, которая позволяла бы если не четко, то хотя бы более определенно отделять деструктивные нетрадиционные религиозные объединения от лояльных, не наносящих вред ни государству, ни правам и свободам личности.

Можно возразить против этого на том основании, что это практически сделать сложно, если невозможно. Может быть, и так. Но тем не менее создание подобного итогового документа, на наш взгляд, создало бы некие общепризнанные принципы видового характера, которые позволили бы государству принимать меры против действительно деструктивных религиозных объединений.

*«Евразийское пространство:
Прошлое, настоящее, будущее»,
М., 2012 г., с. 131–134.*

Е. Бородин,

кандидат экономических наук (ИРП)

**КИРГИЗСТАН В КОНТЕКСТЕ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ**

Географическое расположение и достаточно слабый экономический потенциал Киргизстана определяют зависимость республики от более крупных соседей. Географическое разделение на Север и Юг, отсутствие транспортной инфраструктуры для связи регионов Киргизской Республики определяют разнонаправленный вектор экономической и политической ориентации частей Киргизстана. Север Киргизстана тесно связан с Казахстаном и Китаем. На

Юге роль главных партнеров играют соседние Узбекистан и Таджикистан.

Основными донорами Киргизстана являются Россия, США, Китай, Германия, Великобритания, Турция, Швейцария и Япония, а также Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Всемирный банк и Программа развития ООН. Важность геополитического положения Киргизской Республики определяет заинтересованность основных «игроков» в присутствии в республике, однако ни одна страна современного мира пока не берется полностью обеспечивать все необходимые для Киргизстана финансовые вливания в одиночку. Как следствие, киргизское лавирование продолжается в целях получения максимальных экономических дивидендов от всех «игроков».

Киргизстан последовательно выполнял свои союзнические обязательства в тех структурах постсоветского пространства, где доминирующее положение занимает Россия: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС. В последнее время сотрудничество Киргизстана с Российской Федерацией находится на подъеме во всех сферах общественной жизни. Руководителями, отдельными депутатами парламента и общественными деятелями Киргизстана высказываются идеи конфедерации Киргизской Республики с Россией, вхождения ее в Союз России и Белоруссии. Представляется, что подобные проекты достаточно перспективны и должны детально обсуждаться на уровне экспертных сообществ двух стран.

Интерес Киргизстана и, соответственно, его политика в отношении США за все годы независимости не выходили за пределы коммерческих пристрастий. Каких-либо политических, экономических либо иных интересов Киргизстан не конструировал. Намерения экономического сотрудничества, привлечение американских инвестиций камуфлировали стихийное стремление использовать США в качестве нового спонсора и кредитора. Персонифицированный образом и действиями президента А. Акаева и демократический выбор Киргизстана достаточно активно был поддержан США. Очевидно, что к числу акций поддержки относится и вступление страны в ВТО.

В настоящее время экономическое присутствие американцев в Киргизстане достаточно мало и вряд ли в ближайшем будущем увеличится. Американский университет Центральной Азии, открытый при поддержке правительства США и Института открытого общества, постепенно превратился в заурядное образовательное

учреждение. Он остается без внимания правительств обеих стран и не является предметом переговоров между ними.

Важнейшее место в реализации планов присутствия США в Киргизской Республике отводилось и отводится американским, международным и иным иностранным неправительственным организациям (НПО). Такие организации, как Корпус мира, Международный республиканский институт США, «Восточноевропейский демократический центр» (ВЕДЦ), «Каунтерпарт Консорциум», «Корпус мира», «Фонд Евразия», Институт по освещению войны и мира, осуществляют свою деятельность на территории республики «в целях развития демократии», а по сути, сотрудники данных организаций исполняют роль «инструкторов революций». Национальный демократический институт США оказывал финансовую, техническую и методическую помощь практически всем оппозиционным партиям и организациям Киргизской Республики.

Взаимоотношения Киргизстана с США во многом зависят от российско-американских отношений, деятельности региональных международных организаций, участником которых является Киргизская Республика; сотрудничества с международными экономическими и финансовыми организациями, в первую очередь с МВФ и Всемирным банком, которые находятся в значительной степени под американским контролем. Полностью отказаться от сотрудничества с данными организациями современное правительство Киргизской Республики не может, поэтому единственный возможный выход – в совместной работе при жесткой защите интересов киргизского общества.

К этому же фактору относится и проблема государственного долга Киргизстана, основной объем которого приходится на МВФ и Всемирный банк. Списание или реструктуризация долга зависят от позиций стран-доноров. Очевидно, что абсолютная масса долга не так уж и велика. Однако в условиях финансово-экономического кризиса давление фактора долга возрастает, прежде всего в психологическом плане. Для решения проблемы долга необходим не только диалог с позиции национальных интересов с США, МВФ и ВБ, но и развитие собственной экономики Киргизстана.

Продвижение связей с Европейским союзом (включающим в свой состав 25 стран), особенно с Германией как ведущим партнером и донором, остается выгодным направлением внешней политики Киргизстана. На сегодняшний день ЕС является важным торговым и инвестиционным партнером Киргизской Республики. После распада СССР ЕС начал оказывать помощь молодым неза-

висимым государствам, в том числе и Киргизстану. Была создана специальная программа технической помощи ТАСИС, в рамках которой осуществляются различные программы и проекты по развитию стран СНГ, в том числе Киргизской Республики.

ЕС является крупнейшим донором и доверительным партнером Киргизстана, оказывающим помощь в сфере экологии, демократизации и прав человека, социально-экономических, гуманитарно-образовательных реформ, усиления безопасности границ и борьбы с наркотрафиком, а также обеспечения продовольственной безопасности. За годы партнерства с ЕС Киргизстан получил около 200 млн. евро на реализацию различных программ и проектов. Сохраняется ежегодная техническая помощь Киргизской Республике в размере 10 млн. евро.

Имеются перспективы для осуществления совместных киргизско-европейских инвестиционных проектов, направленных на освоение перспективных месторождений, создание энерго-транспортных структур, которые станут существенным вкладом в развитие процесса экономического и энергетического развития Киргизской Республики. Перспективной также является возможность привлечения европейских инвестиций для развития гидроэнергетического потенциала Киргизстана.

Принимая во внимание особую важность проблемы недостатка водных ресурсов в Центральной Азии, Министерство иностранных дел Киргизской Республики проводит работу по осуществлению обмена опытом и передовыми технологиями в области рационального и эффективного использования водных ресурсов, имеющих у стран ЕС. Помощь в данной области осуществляет программа ЕС по управлению водными ресурсами и сельскохозяйственным производством в Центральной Азии «WARMAP».

Сотрудничество между Киргизстаном и Китаем, начавшееся в постсоветский период с нулевой отметки, в настоящий момент достигло достаточно высокого уровня. Оно характеризуется устойчивой динамикой визитов на различных уровнях государственной власти. На протяжении последних лет развивается транспортная инфраструктура, связывающая Китай и Киргизстан, устойчиво растет товарооборот между странами.

У руководства КНР серьезные опасения вызвали события «революции тюльпанов» 2005 г. в Киргизстане, приведшие к неожиданной смене высшего руководства страны и приходу к власти оппозиционных сил. Китай занял выжидательную позицию, отдав в определенной степени дипломатическую инициативу новым вла-

ствиям Киргизской Республики. Несмотря на то что отдельные киргизские политики продолжали выступать за пересмотр отношений с Китаем, и прежде всего киргизско-китайских соглашений по границе, президент Киргизстана К. Бакиев вернул отношения двух стран в привычный формат. Вновь были налажены контакты между министерствами и ведомствами, участились взаимные визиты на всех уровнях, начал расти товарооборот, который достиг рекордной отметки в 3,5 млрд. долл. в 2007 г. КНР не рассматривает Киргизстан в числе главных экономических партнеров в регионе. Приоритетные для Киргизской Республики экономические проекты – строительство железной дороги Китай–Киргизстан–Узбекистан и экспорт киргизской электроэнергии в КНР – не находят реальной заинтересованности у китайской стороны. По мнению китайской стороны, оба проекта являются спорными с точки зрения экономической и финансовой эффективности и достаточно затратными (в общей сложности необходимо более 2 млрд. долл.). Киргизская сторона не смогла предоставить убедительных доказательств наличия необходимого резерва мощностей для стабильных экспортных поставок электроэнергии.

Правительствами обеих стран осуществляются проекты по реабилитации автомобильных дорог Ош–Сары–Таш–Иркештам и Торугарт–Нарын–Бишкек. Китай возобновил оказание ежегодной грантовой помощи Киргизстану на социально-экономическое развитие в размере 50 млн. юаней в год. Активизировались и предприниматели обеих сторон, реализуя многочисленные, малые и средние, проекты в различных областях.

В современном мире Индия является одной из великих мировых держав. В начале 90-х годов XX в. во внешнеполитической стратегии появилось новое направление – Центральная Азия. Для достижения своих политических целей Индия стремится к укреплению и экономических связей со странами региона, которые являются огромным потенциальным рынком сбыта промышленной продукции, а также перспективным источником топливно-энергетических ресурсов и полезных ископаемых, прежде всего цветных и драгоценных металлов. Киргизская Республика известна своими запасами золота, а Индия, являющаяся крупнейшим мировым потребителем золота, может инвестировать значительные средства в модернизацию золотодобычи. Кроме того, Центрально-Азиатский регион является весьма удобным «коридором» для транспортировки индийских товаров в Россию, страны СНГ и государства Европы.

Очевидно, что в обозримой перспективе укрепление связей со странами Центральной Азии будет оставаться приоритетным направлением внешней политики Индии, причем ее интересы в этом регионе не будут ограничиваться только экономической сферой, в дальнейшем все большее значение будут приобретать соображения безопасности и стратегические интересы. Индийский истеблишмент убежден, что американское присутствие в регионе объясняется, прежде всего, желанием установления своего контроля над энергетическими ресурсами Центральной Азии и Ближнего Востока. Индия с одобрением восприняла предложение Киргизстана о проведении международной конференции по мирному урегулированию в Афганистане. Стороны выразили убеждение, что без этого невозможны мир и стабильность в Юго-Восточной и Южной Азии.

Индия заинтересована в развитии малого и среднего бизнеса в Киргизстане. Наибольший интерес она проявила к организации туризма на озере Иссык-Куль в самое жаркое время года. Есть у индийцев и предложения по разработке в республике информационных технологий – создание Индо-Киргизского центра информационных технологий в Бишкеке, а также по созданию предприятий по переработке сельхозпродукции. Наиболее плотное сотрудничество осуществляется в сфере образования. Несколько лет в Ошском государственном университете обучаются юноши и девушки из Индии, открыт индийский центр исследования, где работы ведут по программам индийских ученых. Существует заинтересованность киргизской стороны в скорейшем решении вопросов, связанных с реализацией проектов по строительству картофелеперерабатывающего завода в Таласской области и созданию Горно-медицинского центра в Бишкеке.

Киргизстан является, пожалуй, наиболее светской из всех стран региона Центральной Азии. Это не является препятствием для многогранного сотрудничества Киргизской Республики с рядом мусульманских государств, в том числе и теократическим Ираном, где большинство населения исповедует ислам шиитского толка. За последние годы взаимоотношения Киргизской Республики и Ирана вышли на новый уровень, в особенности в сфере экономического взаимодействия. Значительно возросло число иранских предпринимателей, работающих в Киргизстане, свой бизнес на территории центральноазиатской республики осуществляют более 180 совместных киргизо-иранских и иранских фирм. Предметами совместного производства киргизских и иранских бизнес-

менов являются электротехническое оборудование, инкубаторы, осветительные приборы, керамика, упаковка для пищевых продуктов, автошины. Известно, что в Иран осуществляются регулярные поставки электрических лампочек из Киргизстана.

Турецкая Республика была фактически первым мусульманским государством, которое признало независимость всех центральноазиатских государств в 1991 г. К 2009 г. Киргизстан надежно укрепил свои взаимоотношения с Турцией. К настоящему времени Турция является для Киргизской Республики одним из важных внешнеполитических партнеров, заметно уступая, однако, России, Китаю, Казахстану и Узбекистану, США, Японии, странам ЕС. Тем не менее можно наблюдать определенные всплески этой активности по отдельным вопросам или проблемам. Так, руководство Турции проявляет особый и настойчивый интерес к оборонным отраслям промышленности республики, откровенно предлагая свои услуги и участие в деятельности ВПК. Традиционными являются подготовка в Турции военных кадров для Киргизстана и оказание ей гуманитарной и военно-технической помощи.

Особое значение для обеих стран имеет сфера военнотехнического сотрудничества. Так, 10 июля 2008 г. в Анкаре был подписан протокол между Министерством обороны Киргизстана и Генеральным штабом Турции о предоставлении материальнотехнической помощи для Вооруженных сил Киргизстана, предусматривающий реализацию соглашения между правительством Киргизстана и правительством Турции о безвозмездной военнотехнической помощи на 2008–2009 гг. в размере 1 млн. 190 тыс. новых турецких лир. Средства использованы для закупки имущества для Минобороны и на приобретение оборудования для Национальной гвардии Киргизстана, оборудования образцовой пограничной заставы и закупки имущества для внутренних войск Министерства внутренних дел. Всего за 15 лет военного сотрудничества Турецкая Республика оказала Киргизстану военнотехническую помощь на сумму более 3 млн. долл. США. Военнослужащие Министерства обороны Киргизстана проходят обучение на курсах подготовки офицеров специального назначения в училище сухопутных войск и военно-медицинской академии Турецкой Республики. При этом расходы на обучение и содержание киргизских военных несет турецкая сторона. В Киргизстане под руководством турецких инструкторов ежегодно проводится обучение киргизских военнослужащих по горной, специальной и снайперской подготовке.

Российская Федерация и Киргизская Республика последовательно развивают сотрудничество в различных сферах. Одной из наиболее развитых сфер сотрудничества являются военно-технические контакты. База российско-киргизского военного сотрудничества заложена Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Российской Федерацией и Киргизстаном и конкретизирована подписанным 5 июля 1993 г. Договором о сотрудничестве в военной области. К настоящему времени с Киргизстаном заключено более 30 двусторонних документов в военной области.

Россия и Киргизстан успешно взаимодействуют в военной сфере и на многосторонней основе – в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. В Бишкеке дислоцирован орган управления Коллективными силами быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона Совета коллективной безопасности (КСБР ЦАР). В октябре 2003 г. была открыта российская авиабаза в городе Кант – авиационный компонент КСБР ЦАР. База в Канте стала первым российским военным объектом, развернутым за пределами ее национальной территории со времени распада СССР. Российская авиационная база на территории Киргизстана создана в соответствии с решением Совета коллективной безопасности от 25 мая 2001 г. А 22 сентября 2003 г. в Москве состоялось подписание Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизстана.

Руководители внешнеполитических ведомств России и Киргизстана практически по всем важнейшим международным вопросам занимают идентичные или весьма близкие позиции, тесно взаимодействуя в ООН, ОБСЕ, а также в региональных структурах – СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

В ситуации мирового финансово-экономического кризиса страны-партнеры стараются помогать друг другу для поддержания жизнедеятельности на высоком уровне. Так, Россия предоставила 30 апреля 2009 г. Киргизской Республике льготный кредит на 300 млн. долл. со ставкой 0,75% годовых сроком на 40 лет и семилетней отсрочкой выплаты. Данные средства должны были пойти на поддержание и развитие многих сфер производства в республике, которые в условиях финансовой нестабильности испытывают определенные трудности в своей деятельности. Кроме того, Российская Федерация планировала вложить 1,7 млрд. долл. в строительство Камбаратинской ГЭС-1 и предоставить Киргизстану без-

возмездную финансовую помощь в размере 150 млн. долл. В свою очередь Киргизская Республика брала на себя обязательства по закрытию американской военной базы «Манас» и по передаче России 48% акций предприятия «Дастан», а также здания под культурный центр Российской Федерации в Бишкеке. Первые 450 млн. долл. киргизская сторона получила весной 2009 г. Однако в связи с нецелевым использованием данных средств Фондом развития Киргизской Республики и невыполнением К. Бакиевым своих политических обязательств по ликвидации базы «Манас» данный проект был заморожен, а революционные события 2010 г. приостановили на время все договоренности.

Киргизстану в рамках современных реалий Центральной Азии необходимо тесное сближение с Россией. Соседи Киргизстана – Казахстан, Таджикистан, Узбекистан – постоянно ужесточают пограничные претензии к республике. Противостоять более сильным в экономическом и военном отношении странам, которые предъявляют жесткие территориальные ультиматумы, возможно только в союзе с Российской Федерацией.

Структура экономики и номенклатура товаров большинства стран региона идентичны, поэтому интеграция объективно заменена конкуренцией. Казахстан – это 65% всей региональной экономики. Исходя из своего экономического потенциала, он претендует на роль лидера в Центральной Азии.

Взаимоотношения Киргизстана и Казахстана формируются под влиянием особых культурных и исторических связей. Духовная и языковая близость киргизского и казахского народов являются общепризнанным фактом. Две страны активно сотрудничают в рамках таких международных организаций, как СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС. В январе 2000 г. Киргизстан и Казахстан подписали договор о совместном использовании воды рек Чу и Талас. Несмотря на то что свергнутый в результате политической революции 2005 г. А. Акаев бежал сначала в Казахстан, отношения между двумя странами не стали кризисными. Удалось договориться об упрощенном порядке трудовой миграции из Киргизстана в Казахстан, было образовано совместное предприятие «Казкиргаз», создание которого «сняло угрозу необеспечения Киргизстана узбекским газом зимой».

Однако киргизско-казахские отношения далеки от идеальных. Казахские власти ужесточают меры в отношении киргизских граждан, проезжающих по территории Казахстана. Так, например, дорога из Таласской области Киргизстана протекает через терри-

торию Казахстана. Пассажиры-киргизы ежедневно подвергаются унижительным проверкам на пограничных постах Казахстана. Казахские пограничники ввели новое правило, согласно которому легковым автомобилям с киргизскими номерами после 12 часов ночи запрещается проезд по казахской территории.

Известно о ряде экономических проектов центральноазиатских стран и Китая, в которых заинтересована участвовать Киргизская Республика. Киргизстан в свое время просил Китай импортировать природный газ из Туркмении по киргизской территории, а не через Казахстан, и был готов инвестировать в этот проект средства. Киргизская Республика, которая, как и Казахстан, имеет общую границу с Китаем, полностью зависит от единственного источника поставок газа – Узбекистана – и хочет диверсифицировать импорт.

Киргизстан, Таджикистан и Туркмения подписали рамочную конвенцию об охране окружающей среды. Это стало одним из итогов многолетней работы Межгосударственной комиссии по устойчивому развитию Международного фонда спасения Арала. Конвенция предполагает единые требования в сфере осуществления природоохранной деятельности для всех стран Центральной Азии. Особое внимание в документе отведено научно-техническому сотрудничеству в решении экологических проблем и выработке совместных действий по сохранению биологического разнообразия. Разработанная и принята схема сотрудничества в чрезвычайных экологических ситуациях. По данным этого фонда, с 1960 по 2004 г. площадь водного зеркала Аральского моря уменьшилась в четыре раза. Из 115,6 км³ суммарного стока рек Аральского бассейна на хозяйственные нужды сегодня забирается 104,9 км³ воды. Обнажено 45 тыс. км² бывшего дна, из-за чего население Приаралья потеряло 600 тыс. га угодий.

Отношения между Киргизстаном и Узбекистаном на дипломатическом уровне носят преимущественно дружеский и взаимовыгодный характер. После приостановки Узбекистаном в 2008 г. своего участия в Евразийском экономическом сообществе обе страны остались членами влиятельных региональных организаций ШОС, СНГ и ОДКБ.

Одним из проблемных вопросов между Киргизстаном и Узбекистаном является территориальный. Граница между двумя государствами в настоящее время делимитируется. Произведена делимитация большей части совместной киргизско-узбекской границы, протяженность которой составляет около 1300 км. По всему

же ее периметру существует, по разным данным, от 70 до 100 спорных участков. По отдельным ее пунктам не было достигнуто какого-либо соглашения. Межправительственная комиссия, созданная для решения данного вопроса, сталкивается со множеством трудностей в своей работе, исходящих во многом из взаимных противоречий. Узбекская сторона отстаивает принцип проведения границы, основываясь на карте 1924 г. Киргизстан же выдвигает в качестве базы для переговоров как окончательный документ карту 1955 г.

На территории Киргизстана имеется два узбекских анклава – Сох и Шахмардан численностью, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. В свою очередь и в Узбекистане имеется киргизский анклав – село Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области с населением 589 человек. Все вышеперечисленные анклавы оторваны от основной территории своих государств, что создает значительные трудности для их населения. В этой связи узбекским руководством была предпринята в свое время попытка заключить с киргизскими коллегами соглашение об обмене территориями, с тем чтобы анклав Сох был присоединен широкой полосой земли к «материковой» части Узбекистана. В обмен Киргизстану предлагалось передать южную часть Соха. Киргизская сторона посчитала для себя невыгодным заключать подобное соглашение, так как в этом случае два района страны – Лейлекский и Баткенский – почти полностью будут отрезаны от остальной территории. Анклавы являются мощным инструментом давления Узбекистана на Киргизстан. Известно, что в Сохе находились подразделения Вооруженных сил Республики Узбекистан, хотя в мировой практике содержание в анклавах какой-либо военной силы является недопустимым.

Характерно, что недостаточная готовность киргизской армии противостоять вооруженным отрядам боевиков заставляет узбекское руководство предпринимать активные односторонние меры для защиты своих рубежей. Известна практика узбекских властей по минированию своих границ с Киргизстаном. Таким образом, киргизско-узбекское межэтническое равновесие на современном этапе отличается некоторой нестабильностью. Учитывая же, что оба государства соприкасаются друг с другом в самом центре Центральной Азии, можно говорить о том, что напряженность здесь теоретически угрожает стабильности региона в целом.

Киргизская Республика поддерживает дипломатические, военно-технические, торгово-экономические, культурные и гума-

нитарные отношения с большим количеством стран. В этой связи можно отметить особые отношения Киргизстана с Белоруссией, Украиной, Японией и др. Но именно великие державы и государства Центрально-Азиатского региона определяют основные тенденции внутреннего и внешнего развития Киргизской Республики.
«Мир и политика», М., 2012 г., № 2, с. 105–111.

Александр Шустов,
кандидат исторических наук (МГСП, Ярославль)
ИСЛАМИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ТАДЖИКИСТАН, КИРГИЗИЯ, КАЗАХСТАН)

Центральная Азия – регион, с которым Россию объединяют многочисленные политические, экономические, военные, культурные и семейно-родственные связи, – после распада СССР испытывает растущее влияние радикального ислама. Исламизация Центральной Азии для России – вопрос не только военной безопасности, которая окажется под угрозой в случае дестабилизации ситуации в одной или нескольких странах региона, но и внутривнутриполитической стабильности, тесно связанной с постоянно растущей трудовой миграцией.

Влияние ислама в государствах Центральной Азии всегда было различным. В Узбекистане и Таджикистане – странах с древней земледельческой культурой, оседлым населением и городской цивилизацией, ислам занимал гораздо более сильные позиции, чем в посткочевых обществах – Казахстане, Киргизии и Туркмении. Северная Киргизия и Казахстан были раньше включены в состав Российской империи, испытав более сильное влияние русской культуры. На этих территориях гораздо выше была численность славянского населения, широкое распространение получил русский язык, вследствие чего уровень русификации коренных этносов оказался более значительным.

В постсоветский период республики Центральной Азии стали позиционировать себя как светские государства, исламские – по культуре, историческому и духовно-религиозному наследию. В результате светская идентичность стала быстро вытесняться мусульманской. На территории Центральной Азии были построены сотни мечетей, мектебов, медресе. Однако интересы ислама в политической системе представлены не были. Местные политиче-

ские режимы боялись возрастания политического влияния ислама и всячески блокировали проявления его общественной активности.

Единственной страной, где ислам оказался институционально представлен в политической жизни, стал Таджикистан. После заключения соглашений 1997 г. Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ) была легализована и вошла в парламент, где до сих пор имеет представительство. Гражданская война и последовавшая за ней интеграция исламской оппозиции в политическую систему и силовые структуры привели к тому, что по уровню исламизации общества Таджикистан оказался лидером в регионе Центральной Азии.

В республике официально функционируют 27 центральных, 325 соборных мечетей и 3 тыс. 334 мечети для пятничных молитв. В среднем одна мечеть приходится на 2 тыс. жителей. Некоренные – европейские – этносы с началом гражданской войны почти полностью покинули Таджикистан. Из 388,5 тыс. русских, проживавших в республике, по данным переписи 1989 г., осталось не более 30 тыс. человек. В итоге Таджикистан стал одной из наиболее однородных в этноконфессиональном отношении стран СНГ. Ислам исповедуют 99% населения. Абсолютное большинство из них – сунниты ханафитского толка, около 200 тыс. исповедуют исмаилизм, распространенный в Горном Бадахшане.

К усилению влияния ислама власти относятся настороженно. Опасения усиливаются распространением радикальных мусульманских течений – ваххабитов, «Хизб ут-Тахрир», «Джамоати Таблиг». За два последних года более 100 активистов «Хизб ут-Тахрир» и «Джамоати Таблиг» были приговорены к различным срокам заключения. В Таджикистане представители «Джамоати Таблиг», возникшей в конце 1940-х годов на территории Индии, появились в 1997 г., после завершения гражданской войны. Главная цель организации – привести к «истинному» исламу всех «заблудших» мусульман, а в идеале – исламизировать всю планету. Обеспокоенность ростом влияния радикальных религиозных течений вынудила власти принять ряд мер. В июле 2010 г. нижняя палата парламента Таджикистана (мажлис) одобрила проект закона об ответственности родителей. В соответствии с ним дети не могут быть членами религиозных объединений и имеют право посещать мечети только в религиозные праздники, объявленные выходными днями, – Рамадан и Курбан-байрам. В августе президент Таджикистана выступил с инициативой вернуть домой студентов, обучающихся в зарубежных религиозных образовательных учреж-

дениях, после чего на родину вернулось около 1000 человек. Регулярно проводятся операции по закрытию нелегально действующих религиозных школ. Если в 2010 г. было закрыто 20 незаконно действующих медресе, то лишь в мае-июне 2011 г. – 58. На законных основаниях в республике действуют 19 медресе и Исламский университет, где образование можно получить как на платной, так и на бюджетной основе.

Киргизия в отличие от Таджикистана традиционно была менее исламизированной. В недавнем прошлом киргизы были кочевниками, в связи с чем ислам, особенно на севере страны, не получил среди них широкого распространения. Почти втрое выше в республике была и численность славянского населения. Однако влияние ислама на киргизское общество в последние годы также заметно возросло. В настоящее время мусульманами считают себя более 80% киргизов, которые составляют почти 3/4 населения страны. За полтора десятилетия количество мечетей в республике удвоилось. В Киргизии официально действуют более 1700 мечетей, девять исламских вузов, около 60 медресе и целый ряд различных мусульманских центров и объединений. Только за 2010 г. регистрацию прошли около 100 новых мечетей. Несколько сотен мечетей действуют неофициально. Многие из них строятся за счет мусульманских, главным образом арабских стран. Число постоянных прихожан, регулярно посещающих пятничные намазы, оценивается более чем в 250 тыс. человек.

Исламизация заметна и в Казахстане. В последние годы республика столкнулась с распространением радикальных мусульманских течений и, как результат, ростом террористической угрозы. В 2011 г. в Казахстане произошло несколько крупных терактов. Наиболее широкий резонанс получили события в поселке Шубарши Актюбинской области, где члены местной общины салафитов в отместку за задержание их товарища в начале июля расстреляли двух полицейских. В ходе операции по их преследованию казахстанские силовики попали в засаду, был убит спецназовец. Власти были вынуждены начать в Актюбинской области полномасштабную войсковую операцию с привлечением тяжелой бронетехники, авиации, спецподразделений МВД Казахстана «Сункар» и «Беркут». Девять из 11 салафитов были обнаружены и ликвидированы в одном из домов поселка Кенкиак, где они оборонялись всю ночь.

Распространение ислама в Казахстане заметно и на внешнем уровне. Женщины в традиционной мусульманской одежде на ули-

цах городов стали обычным явлением. Без имамов или мулл не обходится ни одно более или менее значимое общественное мероприятие. Распространение получили течения не только традиционного для Средней Азии ханафитского толка. Наблюдатели отмечают рост интереса к нетрадиционным направлениям ислама, особенно в Южном и Западном Казахстане, где преобладает казахское население. Среди имамов мечетей встречаются, в частности, салафиты и кораниты.

Обострение общественно-политической обстановки в таких условиях во многом является неизбежным. По мере роста числа сторонников радикальных мусульманских движений их борьба со светскими режимами переходит из религиозно-идеологической в военно-политическую плоскость.

*«Проблемы идентичности: Кросс-культурный диалог»,
Ярославль, 2012 г., с. 162–168.*

Дина Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**АФГАНСКИЙ ЭНДШПИЛЬ
И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

2014 год станет последним в длящейся с 2001 г. международной военной операции в Исламской Республике Афганистан (ИРА), что и подтвердил состоявшийся в Чикаго 20–21 мая 2012 г. саммит НАТО. Предстоящий переходный период именуют часто в духе современной политико-шахматной терминологии как эндшпиль (конец игры), и на этой стадии в регионе разворачивается острейшая конкурентная борьба, внешне напоминающая «Большую игру», которая велась в XIX в. между двумя империями – Британской и Российской. Только теперь она перешла при участии других стран и коалиций на очередной уровень сложности. Но как бы ни называть разыгрываемую ныне в ИРА финальную партию, ее исход – вне зависимости от того, какой он будет – важен с точки зрения обеспечения в Южной и Центральной Азии (ЦА) безопасности.

Станет ли «конец игры» в ИРА началом безопасного развития этих регионов, зависит в известной мере от стратегии, избранной на переходный период США, остающихся пока еще главным действующим лицом афганской эпопеи. Военная операция США в ИРА, получившая название «Несокрушимая свобода» (The Enduring Freedom), началась в октябре 2001 г. в ответ на теракты 11 сентября, которые, как утверждали американцы, были спланированы на территории ИРА. Формально американский контингент действовал отдельно от военной миссии НАТО, направленной в ИРА на основании резолюции СБ ООН от 20 декабря 2001 г. Но с 11 августа 2003 г. Альянс принял на себя в Афганистане командование Международными силами содействия безопасности – ИСАФ (The International Security Assistance Force, ISAF), что говорило о

выходе Организации Североатлантического договора на новый, глобальный уровень и о том, что Альянс больше не ограничивал себя пределами одного только Евро-Атлантического региона.

С тех пор как НАТО приняла на себя командование ИСАФ, район проведения афганской операции постепенно расширялся: осуществлявшаяся первоначально только в Кабуле, она охватила постепенно всю территорию ИРА и частично даже Пакистана, вследствие чего американский политический лексикон обогатился термином «АфПак». Увеличилась и численность контингента ИСАФ – с первоначальных 5 тыс. до 80 тыс. военнослужащих, представляющих 44 страны, в том числе и все 28 стран – членов НАТО. 24 июня 2011 г., через полтора месяца после рейда спецназа США на пакистанский город Абботабад, результатом чего стало убийство «террориста № 1» Усамы бен Ладена, президент Б. Обама отдал приказ о начале вывода из ИРА американских войск. Они должны будут окончательно покинуть эту страну в 2014 г. Некоторые участники ИСАФ намерены сделать это еще раньше. Так, военнослужащие Франции, Канады, Нидерландов уйдут из ИРА в 2012 г., а Австралии – в 2013.

Главной проблемой для США и ИСАФ на переходный период становится безопасный и, желательно, не слишком дорогой вывод из ИРА их воинского контингента. Это осложнено тем, что пакистанский (южный) маршрут оставался до последнего времени закрытым после ошибочного авиаудара 26 ноября 2011 г. ВВС США по блокпостам пакистанской армии близ границ с ИРА, в результате чего там погибли военнослужащие. Обвинив тогда США в преднамеренном нападении и назвав это «частью заговора, направленного на дискредитацию пакистанской армии», пакистанские власти перекрыли все идущие через их страну пути снабжения американских войск в ИРА. И в целом Исламабад приступил к пересмотру своих отношений с США. По имеющейся информации переговоры с Пакистаном о возобновлении транзита уперлись для США в финансовую сторону вопроса. Исламабад настаивал на выплатах по 5 тыс. долл. за каждый перевезенный контейнер, что почти в 30 раз дороже, чем до закрытия транспортного маршрута. Вашингтон, в свою очередь, считал запрашиваемую цену неприемлемой. Кроме того, Пакистан требовал официальных извинений от США за гибель своих пограничников. Между тем расчеты пакистанских генералов на то, что США не смогут обойтись без Пакистана как транзита для поставки военных грузов в ИРА и ухода оттуда, оказались не вполне просчитанными. К примеру, в ответ на

приговор пакистанского суда к 33 годам тюрьмы доктору Ш. Аффриди, обвиненному в том, что он помог американцам разыскать Усаму бен Ладена, США урезали на 33 млн. долл. помощь Пакистану. А достигнутая осенью 2011 г. договоренность с Россией о транзите позволила перевозить через ее и центральноазиатскую территорию до 75% грузов в ИРА и обратно. В июле 2012 г. транзит через территорию Пакистана возобновился. В США рассчитывают на нормализацию отношений с Пакистаном, без которой невозможно будет достичь прочного мира в ИРА и во всей Южной Азии. Американо-пакистанские отношения остаются сложными.

Предполагается, что основные обязанности по обеспечению безопасности в ИРА будут постепенно передаваться от ИСАФ и США к Национальным силам безопасности ИРА (The Afghanistan National Security Forces) и Афганским специальным операционным силам (The Afghan Special Operation Forces). Сама миссия Альянса в ИРА частично сохранится и после 2014 г., но она «не будет носить боевого характера». В настоящее время армия ИРА насчитывает около 350 тыс. военнослужащих, подготовку и логистику которых обеспечивают США совместно с НАТО. У талибов под ружьем намного меньше (35 тыс. человек), однако они умудрялись до недавнего времени удерживать инициативу.

Переломить ситуацию в пользу правительственных войск – задача, которую ставят, рассчитывая на поддержку многонациональных сил, власти ИРА, и именно на это нацелено подписанное в Кабуле 1 мая 2012 г. президентами Б. Обамой и Х. Карзаем «Соглашение о стратегическом партнерстве между США и Исламской Республикой Афганистан (ИРА)». Согласно этому документу, США, называющие ИРА своим «главным не входящим в НАТО союзником», обещают предоставлять ему помощь «в рамках долгосрочного сотрудничества в сфере безопасности и обороны» на протяжении десяти лет после вывода войск международной коалиции, т.е. до 2024 г. Вместе с тем некоторые предварительные итоги афганской кампании США / НАТО не внушают особого оптимизма относительно того, что предпринимаемые действия будут эффективными. Проблематичной, в частности, видится способность афганских военных структур самостоятельно противостоять талибам, особенно если принять во внимание этническое, племенное и клановое деление ИРА. Ведь даже куда более мощным ИСАФ не удалось упорядочить ситуацию в этой стране, и своей главной цели – ликвидации материально-технической базы талибов, уничтожения их лидеров и изоляции оставшихся в живых ко-

мандиров движения от подконтрольных им вооруженных повстанческих отрядов – союзникам добиться удалось лишь частично. Не предотвращена и радикализация Пакистана, где обосновались связанные с влиятельной пакистанской Межведомственной разведкой главные силы афганского вооруженного сопротивления – «Талибан» с его руководящим органом «Кветта шура», «сеть Хаккани» и Исламская партия ИРА. Есть, правда, и признаки усиливающегося неприятия самими пуштунами политической практики «Талибана», усталости от этого движения, что проявляется в попытках предложить новый политический проект национальной консолидации пуштунов в преддверии скорого ухода сил США и НАТО из ИРА.

На этом непросто фоне американцы вычеркнули многих талибов из черного списка террористов, позволили движению «Талибан» открыть штаб-квартиру в Дохе для ведения с ними переговоров о будущем «Хаосистана», как называют некоторые американские журналисты ИРА. Такая политика, как бы ни называли ее оппоненты Б. Обамы («сделка с дьяволом» и т.п.), является признанием существующей реальности – того, что война не смогла лишить талибов их ведущей роли в политическом раскладе ИРА и что именно они почти обладают реальной властью в этой стране. Что касается другой основной задачи военной операции США в ИРА – разгрома международных террористов, то и ее нельзя считать полностью осуществленной. Террористические группировки типа «Аль-Каиды» покинули в основном ИРА и Пакистан, но они не исчезли, а сделали средой своего обитания ряд стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВ и СА). Более того, ливийская авантюра НАТО 2011 г. открыла «Аль-Каиде» возможность развить в этой североафриканской стране свою инфраструктуру и распространить ее затем на светскую Сирию, где боевики «Аль-Каиды» действуют фактически заодно с ополчившимися против режима Б. Асада странами Запада во главе с США, умеренно-исламистским турецким режимом и аравийскими консервативными монархиями. Поменяв место жительства «Аль-Каида» по-прежнему имеет в своем арсенале сильнейший заряд антиамериканизма и антизападничества, и она привносит повсеместно в жизнь стран региона религиозную и этническую нетерпимость, хаос, кровопролитие, индивидуальный террор, ставший для организации практически единственным способом решения политических задач. Это угрожает стабильности Ближнего и Среднего Востока (БиСВ), его немногочисленным светским режимам, а также –

объективно – интересам как США, так и всего цивилизованного мира.

Но какими бы неутешительными ни были итоги «Несокрушимой свободы», США и их союзники по НАТО, по всей вероятности, не хотят повторения ошибок СССР, который, выведя в 1989 г. из Афганистана свои войска, фактически бросил президента Наджибуллу на произвол судьбы. Несколько видоизменяется и американская стратегия, которая призвана наполнить большим экономическим содержанием военное присутствие США. Оно будет не столь масштабным, как в 2000-е годы, но больше нацеленным на решение геополитических задач в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который определен в повестке дня будущего США как «ключевой двигатель глобальной политики». Своего рода «дорожной картой» для продвижения интересов США в регионе становится стратегия «Нового Шёлкового пути», представленная госсекретарем США Х. Клинтон во время ее визита в Индию летом 2011 г. и презентованная затем в сентябре в рамках 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Разработчики «Нового Шёлкового пути» предполагают объединить в перспективе ИРА, страны ЦА, Пакистан и Индию в рамках регионального сообщества, осью которого станет ИРА. Новацией проекта является планируемое выведение за скобки региональной экономики и политики Ирана, Китая и России. Их предложено отсечь и от сферы безопасности Южной и ЦА, которую постараются поставить под контроль США / НАТО, и от энерготранспортных проектов в этом регионе. Особого внимания в этой связи заслуживает такой важный элемент стратегии «Нового Шёлкового пути», как амбициозный геополитический проект под названием «Трансафганский трубопровод», или ТАПИ (аббревиатура начальных букв стран – участниц проекта: Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии), который превращен в приоритетную стратегическую инициативу США в регионе Южной и ЦА.

Своей историей проект ТАПИ уходит в середину 90-х годов прошлого века, когда только еще создавалось совместное пакистано-саудовско-американское «предприятие» под названием «Талибан». Это движение должно было упорядочить ситуацию в Афганистане, погрузившемся с начала 90-х годов в хаос и внутренние разборки. Предполагалось также, что на «Талибан» будет возложена охрана Трансафганского трубопровода, с идеей прокладки которого выступила американская энергетическая компания Unocal (Union Oil Company of California). С ней, кстати, в качестве

консультанта сотрудничал и будущий президент ИРА Х. Карзай. В 1995 г. Unocal и саудовская компания Delta Oil Company подписали с Туркменией контракт на строительство трубопровода. В его реализации должен был принять участие и российский «Газпром», который, впрочем, в 1998 г. вышел из этого проекта, ставшего бесперспективным из-за затянувшейся войны в ИРА. США же от идеи строительства газопровода из Туркменистана не отступили, и с начала 2001 г. возобновили нефтяную игру, вступив с лидерами «Талибана» в переговоры. Они прошли в марте 2001 г. в Вашингтоне при посредничестве Р. Хашими, являвшегося в то время главным помощником «теневого» руководителя «Талибана» муллы Омара. Переговоры, однако, провалились из-за непомерной суммы транзитных сборов, которую затребовал «Талибан», а затем, после вторжения в 2001 г. войск США и их союзников в Афганистан, контакты с талибами и вовсе были прерваны.

Но уже в октябре 2001 г., когда еще шли бомбежки ИРА, новый лидер страны Х. Карзай, президент Пакистана П. Мушарраф и президент Туркменистана С. Ниязов подписали соглашение о прокладке через территории их стран газопровода. Индия, которая занимает второе место в мире (после Китая) по импорту углеводородов, вследствие чего доступ к источникам энергии является для нее вопросом национальной безопасности, не сразу подключилась к соглашению по Трансафганскому газопроводу. Она некоторое время отдавала предпочтение другому газотранспортному проекту – ИПИ (Иран–Пакистан–Индия), где Иран должен был стать поставщиком энергосырья, а Индия и Пакистан – его потребителями и транзитерами. Договоренность о строительстве ИПИ после многолетних споров была достигнута в 2008 г. Если бы этот проект удалось тогда реализовать, а Китай вложил бы деньги в трубопровод, связывающий Персидский залив и Пакистан с дальневосточной частью Китая, как то предлагал Мушарраф, это могло бы превратить не имеющий энергоресурсов Пакистан в мощный энергокоридор, что послужило бы стабилизации пакистанской части афгано-пакистанского театра военных действий, и, возможно, даже несколько приглушило бы соперничество Пакистана с Индией. Но американскую администрацию не устраивал ни сам проект ИПИ, поскольку он формировался без участия США, ни перспектива возрастания, благодаря этому проекту, региональных возможностей Пакистана и Ирана, тем более что иранцев Вашингтон намеревался максимально изолировать.

США частично преуспели в своих попытках не допустить строительства газопровода в Пакистан и Индию из Ирана. И в апреле 2008 г. Индия, на которую как на своего альтернативного Пакистану стратегического союзника США стали делать ставку, присоединилась к соглашению о строительстве (с участием Туркменистана, ИРА и Пакистана) газопровода, превратившегося после этого в ТАПИ. В 2010 г. по нему было подписано рамочное соглашение. Туркменская сторона, являющаяся потенциальным поставщиком газа, представила тогда отчет независимой британской консалтинговой компании Gaffney, Cline and Associates (GCA) о сертификации запасов месторождения Южный Иолотань. Этот отчет подтверждал способность Туркменистана обеспечить долгосрочные поставки природного газа на мировые рынки. Стоимость проектируемого трубопровода ТАПИ, строительство которого поддержал Азиатский банк развития (АБР), была оценена в 7,6 млрд. долл. США. Его протяженность от туркменского месторождения Довлетабад до населенного пункта Фазилка в Индии на границе с Пакистаном должна составить 1680 км.

Следующим этапом стал состоявшийся 11 декабря 2010 г. в Ашхабаде четырехсторонний саммит, участники которого – президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, президент ИРА Х. Карзай, президент Пакистана А.А. Зардари и министр нефти и природного газа Индии М. Деора – подписали межправительственное соглашение о практической реализации проекта газопровода ТАПИ. Вслед за этим 23 мая 2012 г. на III Международном газовом конгрессе в городе Туркменбаши (Туркменистан) индийская компания Gas Authority of India и пакистанская компания Inter State Gas Systems подписали с государственной компанией Туркменгаз соглашения о купле-продаже газа. Одновременно был подписан Меморандум о взаимопонимании ИРА и Туркменистана по вопросам долгосрочного сотрудничества в газовой сфере. Сырьевой базой для нового трубопровода, как заявил официальный Ашхабад, может стать газовое месторождение Галкыныш, которое, по оценкам компании GCA, содержит запасы в 13,1–21,2 трлн. м³/год, что делает его вторым крупнейшим месторождением газа в мире после Южного Парса, расположенного в центральной части Персидского залива в территориальных водах Ирана и Катар (его газовые запасы оцениваются от 14 до 28 трлн. м³/год). Теоретически ТАПИ – этот «трубопровод мира», как его высокопарно именуют функционеры АБР и некоторые американские политики, – выгоден всем: Туркменистану, распола-

гающему, согласно его собственным заверениям, огромными запасами газа и стремящемуся диверсифицировать экспорт своих энергоносителей и ослабить таким путем зависимость от России; Пакистану и Индии, стремящимся удовлетворить на внешних рынках свои немалые энергетические потребности; ИРА, которая, благодаря проекту ТАПИ, оказывается в центре важной энергетической артерии. Главному спонсору проекта, США, ТАПИ видится превосходным «противоядием» от иранского проекта ИПИ и одновременно серьезным ограничителем китайской экспансии в Центральную и Южную Азию. Так что цели США, поддерживающих ТАПИ, равно как и другие проекты диверсификации экспорта каспийских энергоносителей, многоплановы. Это – усиление противоречий между «Газпромом» и странами – экспортерами энерго сырья в ЦА, развитие партнерства с Индией с помощью поощрения ее энергетических интересов, нагнетание напряженности в Китае. Российский исследователь А. Фененко в связи со всем этим подчеркивает: «Вашингтон создает ощущение (не важно – реальное или иллюзорное), что каспийские энергоресурсы могут пойти не на восток, а на юг – в сторону Индийского океана. Это усиливает региональное соперничество Индии и КНР».

Однако парадокс ТАПИ состоит в том, что при всей видимой выгоде, которую несет проект, он может стать достаточно рискованным предприятием из-за того, что вторгается в конфликтную зону ИРА, Пакистана и Индии (Кашмир), в то время как участников проекта разделяют порой непримиримые противоречия. Проблемы возникают и из-за непомерных размеров ТАПИ, к которому проявил уже интерес Бангладеш, что увеличивает протяженность и без того длинного маршрута до 2500 км. Растет и стоимость проекта: его прогнозируемые расходы, подсчитанные АБР (даже без учета возможного продления трубопровода в Бангладеш), также увеличились с первоначальных 7,6 млрд. до 12 млрд. долл. США. Есть и нерешенные технические вопросы: Туркменистан категорически настаивает на продаже топлива у своих границ, а это значит, что другим участникам проекта придется договариваться о транзите газа между собой. Поэтому, скорее всего, шансов стать реальностью имеет не этот амбициозный проект, а относительно скромный и более рентабельный с экономической точки зрения газопровод ИПИ. Он выгоден Пакистану и Индии, возможно, не меньше, чем ТАПИ. К тому же, как Индия, так и Пакистан (а также и ИРА) заинтересованы в повышении уровня своего взаимодействия с Шанхайской организацией

сотрудничества (ШОС). А там лидируют Россия и Китай, не скрывающие своей озабоченности ТАПИ, который расценивается ими не столько как энергетический, сколько как «идеологический» американский проект, имеющий много общего с экономически неэффективным, но зато геополитически значимым для США нефтепроводом Баку–Тбилиси–Джейхан.

Так и ТАПИ, превращенный в инструмент американской энергоэкспансии, позволит США в случае реализации этого проекта (а ведь трубопровод обязательно потребует еще и охранять) закрепить и расширить свое политическое, военное и экономическое присутствие на стратегически важном афганском плацдарме, с которого обеспечиваются выходы на ЦА, Россию, Иран, Индию, Пакистан и Китай. Возвращаясь к итогам военной операции в ИРА, отметим, что самая большая ее неудача видится даже не в том, что не удалось победить талибов, разгромить «Аль-Каиду» или обуздать наркотрафик. Никто и не надеялся, что эти задачи будут решены в короткие исторические сроки. Главная проблема в том, что США и их союзники, полагаясь исключительно на себя и не доверяя полностью даже своим азиатским стратегическим партнерам, не сумели достичь консенсуса со странами региона по проблемам обеспечения безопасности. Своей прежней стратегии, судя по всему, они намерены придерживаться в финале «игры» в Афганистане и по ее завершении. Но при этом сложности, уже возникшие в связи с необходимостью снабжения ИСАФ всем необходимым и созданием безопасных условий для вывода из ИРА живой силы, военной техники и грузов, показали: без взаимодействия с Россией, государствами ЦА, другими соседями ИРА выполнить большую часть «технических» и логистических задач оказывается чрезвычайно трудно, а порой и невозможно. Нереальной может стать и стабилизация ИРА без привлечения к разворачивающимся там экономическим и политическим процессам других стран региона, включая и подвергающийся остракизму со стороны США Иран.

Такое пренебрежение интересами региональных игроков, сопровождающееся попытками стравить и рассорить их (Индию с Пакистаном, всех остальных с Китаем и Ираном, государства ЦА с Россией и пр.), делает миссию США в ИРА заведомо невыполнимой. Между тем объективно все региональные игроки, так или иначе причастные к решению афганской проблемы, разделяют озабоченность США будущим ИРА, и они, как и американцы, заинтересованы в стабильном, предсказуемом ИРА, лишенном воз-

возможности вновь стать прибежищем для международного терроризма. Другое дело, что расстановка сил в регионе, подходы основных участников ведущейся здесь геополитической «игры» к проблемам достижения безопасности, взаимоотношения между самими региональными игроками достаточно сложны.

Взять Россию. Она, как и США, не заинтересована в чрезмерном усилении Китая ни в ИРА, ни в ЦА, ни в АТР в целом. Но Россия как стратегический союзник Китая, с которым она формирует в Совете Безопасности ООН, в ШОС, БРИКС солидарные подходы к решению многих важных международных проблем, не пойдет на создание вместе с США гипотетического антикитайского альянса. Как нереальным представляется и образование дуумвирата в составе Китая и США, объективно направленного против России и крайне невыгодного ей, поскольку он привел бы к ослаблению позиций Москвы в регионе ЦА и в мире в целом. С союзником Китая – Пакистаном отношения у России складывались до недавнего времени непросто. Во-первых, по причине того, что имеющий атомные бомбы Пакистан не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, а это, по мнению ряда российских экспертов, создает угрозу безопасности региона; во-вторых, Пакистан в 90-е годы поддерживал религиозно-террористические группировки, активно проявившие себя на Северном Кавказе (СК). В последние годы, однако, российско-пакистанские отношения имеют тенденцию к нормализации. Это связано с возросшим взаимодействием в решении большинства региональных и международных проблем между Россией и главным стратегическим союзником Пакистана в регионе – Китаем. Кроме того, Москва рассматривает Пакистан, наряду с Индией, как ключевого участника региональных проектов, в которые Россия уже вовлечена и к которым она хотела бы присоединиться (например, ТАПИ). Так, Москва инициировала четырехсторонние переговоры по Афганистану с участием президента этой страны, а также руководителей Таджикистана, Пакистана и ИРА. Многие из прошлых и нынешних проблем ИРА связаны с неурегулированностью отношений с Пакистаном, от которого ИРА во многом зависит.

Сам Пакистан заинтересован в территории соседнего государства как транзите для прокачки ресурсов (нефтяных и газовых). Очевидно также и то, что афганские боевики, нападающие время от времени на контингент международных сил в ИРА, пользуются поддержкой определенных военных и политических кругов в Пакистане. Нет также уверенности в том, что даже если какие-то

фракции талибов вступят в мирные переговоры, остальные, включая и участников базирующейся в Пакистане «сети Хаккани», согласятся с достигнутыми на этих переговорах условиями. В целом же Пакистан стремится к тому, чтобы после ухода ИСАФ из ИРА играть ведущую роль и в политическом урегулировании в этой стране, и в ее последующем развитии. Ряд политиков в Пакистане высказываются при этом в пользу создания в ИРА коалиционного правительства из представителей «Талибана» и непуганых этнических общностей, т.е. такого правительства, которое бы пользовалось широкой поддержкой основных этносов и политических сил страны.

В США многие политики и военные согласны с тем, что без Пакистана афганское урегулирование невозможно. По словам одного из них, «Пакистан будет играть центральную роль в любых усилиях, направленных на достижение мира и примирения в ИРА вне зависимости от того, нравится или не нравится международному сообществу подобная роль Пакистана в решении афганской головоломки». Обращает на себя внимание и то, что Россия, невзирая на резко ухудшившиеся с 2011 г. американо-пакистанские отношения, предпринимает активные дипломатические усилия к тому, чтобы не выводить Пакистан из региональной игры. Так, в конце мая 2012 г. специальный представитель Президента РФ по ИРА З. Кабулов (занимавший с 2004 по 2009 г. пост посла РФ в ИРА) провел в Пакистане совместно с министром иностранных дел КНР Янг Йечи консультации, касающиеся в числе прочего и перспектив нормализации афганской ситуации. Значимости этой встречи придало то, что она прошла в промежутке между двумя важными событиями – саммитом НАТО в Чикаго и саммитом ШОС в Пекине (6-7 июня 2012 г.).

Благоприятствует достижению регионального консенсуса в отношении афганской проблемы постепенная нормализация отношений между Индией и Пакистаном. Начало хрупкому индо-пакистанскому взаимодействию было положено в 2004 г., и лишь на время оно было прервано из-за террористического акта, совершенного в ноябре 2008 г. в индийском городе Мумбаи сторонниками военизированной группировки «Ополчение правоверных» (Lashkar-e-Taiba), базирующейся в Пакистане, но запрещенной там местными властями. Однако уже в июне 2009 г. президент Пакистана А.А. Зардари и премьер Индии М. Сингх встретились в Екатеринбурге на саммите ШОС (оба государства имеют там статус наблюдателей), что положило начало процессу возобновления

диалога. Индия призвала тогда пакистанское руководство к «демонтажу террористической сети», а пакистанцы – «к решению сложных вопросов» в межгосударственных отношениях.

Возобновив переговоры с Индией, Исламабад в дальнейшем приложил много усилий в этом направлении, поскольку крайне заинтересован в нормализации отношений с Индией.

Во-первых, демократически избранная гражданская администрация Пакистана стремится улучшить имидж страны на международной арене.

Во-вторых, Исламабад, оказавшись вовлеченным в широко-масштабный военный конфликт с боевиками в Северо-Западной пограничной провинции и на Территории федерального управления племенами (The Federally Administered Tribal Areas, FATA), передислоцировал туда с пакистано-индийской границы для успешного ведения военной кампании несколько военных частей. А потому руководство страны прилагает усилия к тому, чтобы избежать потенциальных столкновений на границе с Индией.

Другое дело, что официальный Исламабад с большой долей заинтересованности относится к укреплению американо-индийского военно-технического сотрудничества, а также к подписанию Индией договоров в области ядерных технологий, в которых Пакистану американским Белым домом в прошлом было отказано.

В стабилизации обстановки в ИРА заинтересованы как Пакистан, так и Индия. Последняя, однако, опасается того, как бы Пакистан после вывода войск США / НАТО из ИРА не обрел там слишком большого влияния и не опередил Индию в получении доступа к природным ресурсам ИРА, отношения с которым с 2001 г., т.е. со времени падения режима талибов, Индия существенно улучшила. Индийское руководство подписало с Афганистаном в ноябре 2011 г. договор о стратегическом партнерстве; Дели оказывает Афганистану значительную экономическую поддержку, притом что 23% афганского экспорта приходится на Индию. Параллельно с экономическим влиянием растет и политическая роль Индии в этой стране во многом благодаря расширению контактов с «северными» народами ИРА. Пока же, поскольку отношения Индии с Пакистаном недостаточно налажены, а отношения США с Пакистаном испорчены, Вашингтон нуждается в поддержке Индии и готов пойти на углубление сотрудничества. Оно, однако, имеет для Индии свои пределы – для нее пока еще не открыты наземные торговые маршруты через Пакистан в ИРА, и Индия зависит как от транзита через Иран, так и от его энергоресурсов. В этом – одна из

основных причин отказа Индии присоединиться к санкциям Вашингтона в отношении Ирана.

Настороженно относятся в Индии и к идее поддержки американских усилий по уравниванию (после выхода ИСАФ из ИРА) растущей военной мощи Китая в регионе, несмотря на то что в отношениях с Китаем у Индии есть проблемы. Одна из них, в частности, не так давно возникла из-за соперничества в богатом биоресурсами Южно-Китайском море, через которое проходят важнейшие морские коммуникации из Тихого океана в Индийский. Индия готова развивать сотрудничество с Ираном, который она рассматривает как государство, способное внести конструктивный вклад в стабилизацию обстановки в ИРА в транзитный период. Многие непустунские народы ИРА (таджики, узбеки, хазарейцы) также длительное время ориентировались на Тегеран. Однако иранский вектор сотрудничества перестает быть надежным из-за нарастающего международного давления на эту страну и ее собственных многочисленных проблем, которые в обозримом будущем будут только нарастать. В этих условиях более предпочтительным для афганских непустунских общностей выглядит ориентация на Индию, чему благоприятствует и позиция США, которых больше устраивает усиление на Севере ИРА индийского, а не иранского фактора. Другими потенциальными союзниками непустунских групп могли бы стать государства ЦА, а также Китай, Турция и Россия.

Итоги иностранного военного присутствия в ИРА свидетельствуют о том, что оно осуществлялось не столько в интересах развития этой страны, сколько в интересах сил, вовлеченных в афганский конфликт. Таким образом, значительное сокращение присутствия нерегиональных держав и их военных структур в ИРА привело бы, скорее всего, к снижению напряженности в этой стране и «конец афганской игры» стал бы началом безопасного развития всей Южной и ЦА. Важным фактором, который позволил бы снизить напряженность в ИРА и предотвратить возможность распространения оттуда нестабильности на соседние страны и регионы, может стать передача больших полномочий (равно как и иностранной помощи) местным властям.

Поможет поддержанию региональной безопасности преимущественное вовлечение во внутриафганское урегулирование, наряду со структурами ООН, стран Южной и ЦА, их региональных организаций, нацеленных на политико-экономическое, а не военное взаимодействие с ИРА. В этой связи большие возможно-

сти открываются перед теми экономическими, энергетическими, дорожно-транспортными проектами, в которых могут принять участие вместе с ИРА центральноазиатские государства, Россия, Китай, Пакистан, Индия, Иран, т.е. страны, так или иначе объединенные в ШОС, БРИКС, «G 20». Искусственное отстранение США / Западом по идеологическим и геополитическим соображениям некоторых из них (России, Ирана либо Китая) за пределы таких проектов (ТАПИ, например) не позволит им заработать в полную силу, не будет способствовать нормализации обстановки в регионе. В преддверии окончательного вывода из ИРА иностранных войск от всего регионального сообщества, где неформально лидируют динамично растущие Россия и Китай, потребуются консолидированные усилия, направленные на то, чтобы не допустить изоляции ИРА либо превращения его в объект внешнего давления и манипуляций. Шанхайская организация сотрудничества, несмотря на объективную ограниченность ее возможностей, является ныне единственной структурой в Азии, в которой на тех или иных условиях присутствуют почти все влиятельные в регионе игроки. А потому в среднесрочной перспективе именно ШОС будет призвана давать ответы на усиливающиеся угрозы безопасности. Участие в ШОС ИРА в качестве наблюдателя позволит участникам организации более детально заняться этой проблемой. Если же для ее решения не будет выработано эффективных подходов, то в сфере региональной безопасности Россию и ее азиатских партнеров ждут новые и, скорее всего, плохие сюрпризы.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2012 г., № 11, с. 16–23.*

П. Шлыков,

политолог

**ВОЕННАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ
В ТУРЦИИ 2000-х ГОДОВ:
СМЕНА ПАРАДИГМЫ?**

Социально-политические процессы в странах Ближнего и Среднего Востока после завоевания ими политической независимости и начала строительства национальных государств объективно способствовали усилению роли военных в политической сфере. Это в прямом смысле стало одной из отличительных черт новейшей истории ближневосточного региона в целом. Наиболее существ-

венные изменения в содержании и структуре политической власти в этих странах происходили в большинстве случаев при прямом использовании или активном участии национальных вооруженных сил. Военные свергали монархов и президентов, распускали парламенты и политические партии, формировали правительства и т.д. Фактически они составляли «стратегическую элиту», если следовать терминологии американского социолога Сьюзан Келлер, т.е. «особую социальную группу, чьи решения, суждения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества».

Процесс политического развития Турецкой Республики в этом плане чрезвычайно показателен и репрезентативен. Турция – страна, где на протяжении XX в. вооруженные силы играли доминирующую роль в политической жизни. В начале XX столетия младотурецкая и кемалистская революции положили начало активной роли военной элиты в усилении централизованного государственного правления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости. А после окончания Второй мировой войны и перехода страны к многопартийности военная элита, вопреки желанию многих политиков «поубавить спеси гордому офицерству», не только не оставляет свои позиции «стратегической элиты», но и заметно укрепляет свой политический вес.

Особое значение имеют институциональные и правовые основы политического влияния военной элиты. Во времена Ататюрка начальник Генерального штаба был подчинён непосредственно президенту. После 1945 г. Исмет Инёню в рамках мер по «углублению демократии» понизил статус начальника Генштаба, подчинив его министру обороны. Но предпринимая этот шаг, который покончил со следами особого положения офицеров внутри государства, он не принизил почетного статуса военной профессии. Тем не менее заговорщическая деятельность в армии против возможного злоупотребления политической властью началась именно в период президентства Инёню. В результате этого «турецкого эксперимента в демократии» (Фероз Ахмад) роль армии в политике не ослабла, а возросла.

Конституция 1961 г., принятая после военного переворота 27 мая 1960 г., повысила де-юре статус Генштаба и де-факто степень его автономности, выведя из подчинения министру обороны и переподчинив его непосредственно главе правительства. В рамках иерархии государственного протокола начальник Генштаба

занял четвертое место после президента, премьера и председателя меджлиса. По Конституции 1961 г. в качестве консультативного органа при правительстве был создан Совет национальной безопасности (СНБ), включавший ключевых министров и высшее командование ВС. СНБ стал важнейшей площадкой для регулярных контактов гражданского и военного руководства, где армия излагает свою позицию по наиболее острым вопросам в сфере политики. 4 января 1961 г. был принят знаменитый Закон № 211 «Устав внутренней службы ВС Турции», определивший главную обязанность армии как «защиту и сохранение Турецкого Отечества и Турецкой Республики» (ст. 35).

Поэтому у турецких военных никогда не было сомнений в отношении своего права на вмешательство: будь то военный переворот или же предъявление «меморандума», они всегда ссылались на «Устав внутренней службы». В 1960 г. это была ст. 34 Закона № 2771 от 1935 г., а в 1980 г. – ее новая редакция (ст. 35 Закона № 211). «По закону наша задача охранять и оберегать режим, когда с ним что-то случается. Мы не являемся врагами ни политики, ни политиков. Мы лишь стражи режима. Вооруженные силы находятся выше любых политических движений и вне их», – комментировал эту статью уже после своей отставки с поста начальника Генштаба Хильми Озкёк. Однако после 1983 г. военная элита стала менее склонна прибегать к угрозе силой, предпочитая использовать более тонкие методы и средства, чтобы гарантировать политику правительства в тех границах, которые виделась ей допустимыми.

В 1980-х – первой половине 1990-х годов, после возвращения к гражданскому правлению, Генштаб редко вмешивался в политику правительства. Генералы предпочитали давать рекомендации. «Переворот перестал быть “выходом”, – отмечает генерал Озкёк. – Лучший выход – доведение до общественности мнения начальника Генштаба». В тех сферах, где военная элита играет ключевую роль в детальном формулировании политики, она стремится использовать официальные каналы в рамках госаппарата, самым важным из которых является СНБ.

Действующая Конституция 1982 г., принятая в условиях прямого военного правления, сохраняла основные принципы своих предшественниц, при этом она серьезно повысила статус СНБ. Он перестал быть просто консультативным органом – впредь кабинет министров при рассмотрении государственных вопросов должен был отдавать приоритет рекомендациям СНБ (ст. 118). Вступив-

ший в силу в 1983 г. Закон № 2945 «О СНБ и Секретариате СНБ» еще больше усилил роль СНБ, превратив его в важнейший инструмент влияния военной элиты на политическую жизнь страны. Закон предоставил генеральному секретарю СНБ право неограниченного доступа к любому гражданскому органу управления для мониторинга реализации рекомендаций, представленных СНБ кабинету министров.

Рабочий орган СНБ – его секретариат, в задачи которого входили подготовка и разработка под руководством генерального секретаря директивных и рабочих документов СНБ и составление различного рода справок для его членов. На пост генсека СНБ всегда назначался действующий полный генерал или адмирал, а в составе секретариата СНБ (более 400 человек) доминировали действующие и отставные офицеры, которые могли и определять повестку дня заседаний СНБ, и задавать вектор дискуссии. Все это превратило СНБ в достаточно влиятельный инструмент формулирования политики правительства в сфере безопасности (в широком смысле).

Армия могла также отслеживать действия гражданских властей, участвуя в деятельности ряда других правительственных органов, таких как Коллегия судов госбезопасности, Совет по высшему образованию или же Высший совет по радио и телевидению. Кроме того, установилась практика еженедельных встреч с премьер-министром и президентом, где на высшем уровне начальник Генштаба мог довести озабоченность армии до сведения политического руководства страны.

Еще одним источником влияния военной элиты является Организация взаимопомощи армии, или ОЯК (Ordu Yardımlaşma Kurumu – ОУАК). Созданная после военного переворота 27 мая 1960 г. по инициативе Комитета национального единства (КНЕ) с целью «избавления кадрового состава армии от беспокойства в отношении своего будущего и обеспечения его морального и материального спокойствия» ОЯК призвана была помочь офицерам, утратившим при режиме Баяра-Мендереса былой высокий социальный статус. ОЯК начала функционировать как пенсионный фонд и фонд взаимопомощи кадрового состава ВС Турции, обеспечивающий своим членам помимо предусмотренных Конституцией целый ряд дополнительных социальных гарантий. Источниками формирования фондов ОЯК, у истоков которого стояли такие крупные бизнесмены, как Вехби Коч и Кязым Ташкент, стали ежемесячные 10%-ные отчисления из жалования действующих

офицеров, унтер-офицеров и некоторых категорий гражданских служащих. Постепенно ОЯК расширяла сферу своей деятельности, принимая на себя функции механизма накопления капитала для экономического развития страны, и стала «выступать одновременно и как организация, управляющая пенсионным фондом, и как структура, осуществляющая инвестиции предпринимательского капитала».

Вплоть до 2001 г. деятельность ОЯК (благодаря положениям специального Закона № 205) была непрозрачной, а ее финансовая структура оставалась закрытой. Никакой информации о своей деятельности ОЯК не предоставляла. Лишь в 2001 г. в связи с требованиями ЕС о конкуренции и прозрачности компаний был обнародован «Отчет о деятельности Группы», поразивший турецкую общественность своими финансово-экономическими показателями. Газеты того времени пестрели громкими заголовками: «С кризисом она (ОЯК. – *П. Ш.*) выросла»; «Тактика борьбы создала чудо»; «Турция для ОЯК становится тесной». ОЯК напрямую контролирует 29 компаний и в 60 принимает долевое участие, ее интересы простираются от промышленности, финансов и строительства до сферы услуг и внешней торговли (крупный металлургический холдинг АТАЭР (ATAER Holding A. Ş.), компания ОЯК «Рено» (OYAK Renault Otomobil Fabrikalari A. Ş.), транспортная компания «Омсан» (OMSAN Lojistik A. Ş.), телекомпания «ОЯК Телеком» (OYAK Telekomunikasyon Hizmetleri A. Ş.) и целый ряд других, включая дочерние компании в ряде европейских стран). На предприятиях, принадлежащих ОЯК, занято свыше 29 тыс. человек, а сама группа ОЯК является третьим по объему активов холдингом в Турции, уступая лишь холдингам Коч (Koç Holding A. Ş.) и Сабанджи (Hacı Ömer Sabancı Holding A. Ş.). В 2009 г. объем продаж компаний группы ОЯК составил 19,1 млрд. тур. лир, объем активов – 28,3 млрд. тур. лир, а чистая прибыль, несмотря на мировой финансовый кризис, – 1 млрд. 187 млн. тур. лир, снизившись, правда, по сравнению с 1 млрд. 911 млн. тур. лир в 2008 г. Ведущие позиции в руководстве ОЯК принадлежат представителям военной элиты. Так, Совет представителей (около 100 человек), контролирующей деятельность ОЯК, целиком состоит из военных, из 40 членов Генерального совета лишь девять являются гражданскими лицами. Аналогичное соотношение и в Руководящем совете ОЯК (пять человек): его председатель Йылдырым Тюркер является корпусным генералом запаса, а еще два члена – действующими дивизионными генералами. В Ревизионной

комиссии из 10 членов пятеро являются действующими генералами, а еще один – генералом запаса.

В распоряжении армии имеется также ряд неформальных каналов для трансляции своих проблем и зондирования настроений как в обществе в целом, так и среди невоенной элиты. Это и частные контакты между влиятельными генералами и министрами, и публичные заявления «в официальном качестве» для СМИ. Хотя подобные высказывания и комментарии часто кажутся спонтанными, непосредственными, они никогда не являются выражением личного мнения и неизменно заранее одобрены начальником Генштаба. При этом круг лиц, которые могут высказываться «от лица армии» в СМИ, очень ограничен и включает только высшее командование ВС.

Начало 2000-х годов ознаменовало новый этап в деятельности СНБ. Административные реформы правительств Абдуллаха Гюля и Реджепа Эрдогана января – июля 2003 г. отменяли обязательное условие того, чтобы генеральный секретарь СНБ был действующим генералом (первый гражданский генсек был назначен в октябре 2004 г.), так же как и его право неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью мониторинга выполнения рекомендаций СНБ, а фактически – осуществления контроля за работой государственного аппарата. Правила, касающиеся назначений в секретариат, были сделаны более прозрачными, что привело к увеличению доли гражданских служащих и сокращению персонала СНБ на 25%. Самым же наглядным свидетельством намерений руководства ПСР в отношении военной элиты явилось изменение регулярности заседаний СНБ: из ежемесячных они стали проводиться раз в два месяца, что существенно осложнило использование СНБ в качестве инструмента давления на гражданское правительство. В это же время, с активизацией процесса вступления Турции в Евросоюз и последним десятилетием относительной политической стабильности, стало изменяться и отношение общества к политической активности военной элиты.

В этом смысле показателен один из популярных лозунгов массовых демонстраций апреля – мая 2007 г.: «Нет шариату – нет военным переворотам». При этом значительная часть турецкого общества (как либерально, так и консервативно настроенные круги) не готова полностью поддержать вытеснение военной элиты из сферы политики. При очевидном росте доверия к политической системе и демократическим институтам, широкой поддержке ре-

форматорских инициатив правительства, необходимость в военной элите как гаранте стабильности и безопасности – на уровне общественного сознания пока не отпала. Однако, как показывает ход общественной дискуссии последних лет, существует понимание того, что охранительный характер воздействия военной элиты на модернизацию и реформы в конечном итоге может стать одной из основных причин торможения и стагнации общественного развития. Все это ставит перед обществом вопрос, насколько оно готово консолидироваться вокруг существующей политической элиты и идеи низведения армии, а соответственно, и военной элиты, до «инструментального уровня», а также насколько сама военная элита готова принять на себя роль защитницы государства лишь от внешних угроз и смириться с подчинением политическому руководству страны.

В последние 10–15 лет в среде военной элиты возникли две условные группировки. С одной стороны – консервативное крыло («ястребы»), объединяющее большинство членов военной корпорации, с другой – их оппоненты – сторонники перемен, генералы умеренно либеральных взглядов («голуби»). Консервативное большинство выступает за сохранение политической системы, основные параметры которой были заложены во времена Кемаля Ататюрка: секуляризм, унитаризм, приоритет принудительно-силовых методов управления над политическими. Идеология этой группы своими корнями уходит в начало XX столетия – время распада Османской империи и крушения надежд на реставрацию бывшего имперского величия, когда на повестке дня с особой остротой стоял вопрос о физическом выживании турецкой нации, а стране угрожала полная потеря государственного суверенитета. В подобных условиях обоснованность централизации власти и ресурсов не вызывала вопросов.

Либеральное меньшинство, наоборот, ратует за превращение армии в одного из главных защитников модернизации турецкого общества и государства (несмотря на то что эти процессы ведут к серьезным реформам внутри самих вооруженных сил и сокращению влияния военных на политическую жизнь). В этих условиях роль армии в общественной жизни должна претерпеть существенные изменения, стать более восприимчивой к политическим и экономическим реформам, однако это требует и серьезной перестройки в сознании военной элиты.

Надо учитывать, что в Турции существует ряд внутриполитических проблем, решение которых требует вмешательства воен-

ных. Прежде всего, это эскалация волнений, развязанных на юго-востоке Турции в 1984 г. Рабочей партией Курдистана (РПК) (к началу 1990-х годов борьба переросла в гражданскую войну низкой интенсивности, а основная ответственность за борьбу с РПК перешла к регулярной армии, и фактически большая часть юго-восточной Турции стала управляться военными). Поэтому вопрос стратегии обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности для военной элиты Турции оказывается приоритетным.

Насколько далеко правительство может зайти в своих реформах, в том числе и в области расширения гражданских свобод, чтобы это не ставило под угрозу национальные интересы (и насколько армия может поддерживать эти реформаторские инициативы или, по крайней мере, им не противостоять) – вот вопрос, который определяет уровень политической активности военной элиты в настоящее время.

Важно отметить, что обе условные группировки военной элиты едины в своем видении конечной цели эволюции государственно-политической и общественной системы страны – превращение Турции в современное европеизированное государство. Разница между «консерваторами» и «либералами» лежит в плоскости принятия или непринятия реформ как таковых, вернее, готовности идти на риск в их осуществлении. Либеральная группа военной элиты считает, что Турция готова к продолжению и углублению модернизации государства и общества, завершению демократизации политической системы, выступает за большее доверие к публичной политике и ее субъектам, считает возможным сведение роли армии во внутренней политике к минимуму. В то же время консервативное крыло военной элиты сохраняет свое настороженное отношение как к демократии, так и к публичной политике, не считает ее субъектов достаточно твердыми и последовательными в отстаивании государственных интересов, а главное – уверено в необходимости сохранения присутствия армии во внутренней политике (в том числе и для поддержания «заданного Ататюрком» направления общественно-политической модернизации Турции).

Либеральная группа военной элиты долгое время ассоциировалась с генералом Хильми Озкёком (начальник Генштаба, 2002–2006) и его сторонниками, выступающими за расширение интеграции Турции в мировое политико-экономическое сообщество и вступление страны в ЕС. В качестве оптимальной стратегии сохранения достижений кемалистской революции они предлагали

продолжение структурных преобразований, а не просто поддержание существующего внутривластного порядка. На этом была основана их последовательная поддержка «пакетных реформ» первой половины 2000-х годов, направленных на приведение турецких законов в соответствие с европейскими нормами и стандартами (Копенгагенские критерии). Именно Хильми Озкёк публично заявил, что военная элита «всегда будет поддерживать вступление в ЕС и проводимые правительством реформы». С его точки зрения конфликты, подобные тому, что существуют между Турцией и Грецией из-за Эгейского моря, после серьезных шагов в сторону евроинтеграции могут быть решены «в течение недели», а само по себе движение за вступление в ЕС – есть «требование турецкого народа», которое будет способствовать развитию Турции как социального государства, ускорению экономического роста, повышению жизненных стандартов и качества жизни. По мнению Озкёка, вступление Турции в ЕС будет также способствовать снижению уровня внутривластной напряженности в стране, поскольку в этих условиях «общественная поддержка таких организаций, как РПК, резко снизится».

В свою очередь, консервативно настроенная часть военной элиты исходит из наличия значительной политико-идеологической фрагментации турецкого общества, напряженных и даже антагонистических отношений между разными социальными слоями и этноконфессиональными группами. По ее мнению, проведение глубоких преобразований, затрагивающих все слои населения, при отсутствии «активной страховки» со стороны армии может привести к социальной катастрофе. Для «консерваторов» понятие «защита государства» трактуется не просто как защита государственных границ, а как отстаивание национальных интересов внутри страны и за ее пределами. При этом главную задачу армии они видят в сохранении достижений кемалистской революции – поддержании стабильности режима. Изменения, по их мнению, должны осуществляться в рамках существующих структур.

Различны позиции либералов и консерваторов и по вопросу вступления Турции в ЕС. Если первые видят в евроинтеграции залог продолжения модернизации и готовы принять практически все требования Брюсселя, то вторые скептически настроены в отношении многих из них, особенно тех, которые касаются прав религиозных и этнических меньшинств. Показательно интервью генерала Хюсейна Кырыкоглу, которое он дал в 2005 г. Бывший начальник Генштаба (1998–2002) увязал угрозу усиления курдско-

го национализма с продвижением Турции на пути к членству в ЕС: «Брюссель постоянно твердит “курды, курдская нация, образование на курдском языке”... Однако если курдский станет языком преподавания в школах, что тогда будет служить сохранению национального единства страны? В этом случае существующая структура турецкого общества просто распадется. А подобным требованиям нет конца. Если пойти на уступки, то вслед за первым шагом навстречу придется делать еще и еще. Сегодня они говорят, что курды должны признаваться в Конституции в качестве одной из национальностей, населяющих Турцию. За этим последуют требования предоставить им автономию, превратить страну в федеративное государство и т.д. А все это значит, что Турция в конечном итоге просто развалится».

Существование внутри военной элиты групп, придерживающихся противоположных взглядов на фундаментальные вопросы внутривластного развития страны, носит латентный характер и не приводит к открытому внутриэлитному конфликту, но вынуждает руководство турецкой армии проводить сбалансированную кадровую политику, уравнивая в руководящих постах представителей либерального крыла сторонниками «жесткой линии». Так, когда в 2002 г. консервативные турецкие генералы не смогли воспрепятствовать назначению Хильми Озкёка на пост начальника Генерального штаба, генерал Кыврыкоглу назначил на ключевую должность командующего сухопутными войсками генерала-«ястреба» Айтача Ялмана (на тот момент возглавлявшего жандармерию, а в 2008 г. обвиненного в подготовке заговора против правительства ПСР) и фактически отправил в отставку более либеральную фигуру – генерала Эдипа Башера. Этим шагом Кыврыкоглу, покидавший высший военный пост, намеревался уравновесить реформаторские инициативы Хильми Озкёка и его лояльное отношение к политическому истеблишменту. Он не скрывал, что в его представлении взгляды Озкёка «слишком близки гражданским политикам», что делало нового начальника Генштаба недостаточно твердым в борьбе с исламистами. Тем самым высветилось главное противоречие между двумя группами военной элиты – разные подходы к выстраиванию отношений армии и гражданской власти. В свою очередь Озкёк публично отвечал, что «история покажет», какая линия и «тактика была более верной и действенной» в борьбе с главными угрозами национальной безопасности – курдским сепаратизмом и радикальным исламом.

Превалирование консервативных взглядов и незначительная доля сторонников реформ внутри армейской элиты – все это не выглядит неожиданным, если принять во внимание жесткие принципы внутрикорпоративной солидарности и особую атмосферу в высшем армейском руководстве, не поощряющую плюрализма мнений. Члены военной элиты фактически изолированы от внешнего мира. Начиная с учебы в военных училищах они пребывают в специфическом социальном окружении, которое не только отделяет их от гражданской жизни, но и формирует особую психологию поведения и самоидентификации – установку на то, что военная корпорация должна сохранять свою закрытость, относиться с недоверием к гражданской бюрократии и политикам и всегда занимать жесткую позицию в отношении «рискованных» политических инициатив.

После отставки многие генералы и кадровые офицеры уходят в политику, бизнес, на дипломатическую службу и в различные аналитические структуры, становятся колумнистами общенациональных газет и занимают руководящие должности в СМИ, но при этом остаются членами военной корпорации (причем даже по формальным критериям – они продолжают жить на казенных квартирах, пользоваться армейской социальной инфраструктурой и т.д.). Отставники не исключаются из военной элиты, оставаясь ее полноправными членами и сохраняя свое влияние, а благодаря новым позициям в гражданской жизни осуществляют связь военной элиты с миром политики и бизнеса, что является свидетельством ее вхождения в состав правящего класса Турции. В этом также заключается особое положение военной элиты среди других «отраслевых» правящих элит (ведущих политиков, крупных бизнесменов и руководителей национальных СМИ): ее представители могут войти в любую из этих внутриэлитных группировок, в то время как границы военной элиты являются непроницаемыми.

Десятилетие относительной экономической и политической стабильности, укрепление демократических институтов и рост активности гражданского общества ставят на повестку дня пересмотр устоявшейся парадигмы военно-гражданских отношений. Причем этот вопрос одинаково остро стоит как перед ястребами-консерваторами, так и либеральными членами военной элиты, поскольку параметры этой модели, по-видимому, задаются уже не армией, а самим обществом. Прежняя парадигма колебательной

конфронтации между политическим классом и военной элитой постепенно уступает место новой, более компромиссной.

Наиболее красноречивым показателем того, что военная элита переживает серьезную трансформацию, а ее политическая роль за последнее время сильно изменилась – это, вероятно, позиция, занятая армейским руководством в отношении дела «Эргекон».

Когда в середине 2006 г. еще только пошли первые разговоры о возможном участии ряда армейских руководителей в подготовке военного переворота, возглавлявший в то время Генштаб генерал Хильми Озкёк публично заявил, что по решению суда он готов давать показания в отношении подозреваемых в заговоре, кем бы они ни были (что впоследствии он и сделал в рамках закрытых процессов с участием государственных обвинителей). Когда в 2008 г. начались первые аресты среди высокопоставленных отставных военных, обвиняемых в подготовке антиправительственных выступлений и заговоров, Генштаб никак не заступился за «своих», а Яшар Бююканыт продолжил тактику своего предшественника – сотрудничество со следствием не прекратилось, и вскоре последовала вторая волна арестов без каких-либо протестов со стороны высшего руководства армии, что в прежние времена было трудно себе даже представить.

Аналогичный процесс продолжился и при генерале Башбуге. Уже при нем следствием были раскрыты планы подготовки трех антиправительственных заговоров: «План действий по борьбе с реакцией» (İrticayla Mücadele Eylem Planı); «План клетка» (Kafes Planı); операция «Кувалда» (Balyoz), ставшие достоянием широкой общественности благодаря публикациям Мехмеда Барансу в независимой газете «Тараф». Все это свидетельствовало о том, что «ястребы» не утратили вкуса к военным переворотам.

События 2009–2010 гг. серьезно подпортили общественный образ вооруженных сил и в очередной раз поставили под вопрос обоснованность политических амбиций военной элиты. Это во многом объясняет, почему правительство Турции 4 февраля 2010 г. пошло на отмену «Протокола о безопасности, общественном порядке и взаимопомощи» (EMASYA – Emniyet, Asayiş, Yardımlaşma Protokolü), подписанного еще в 1997 г. вслед за отстранением от власти правительства Неджметтина Эрбакана и долгое время вызывавшего ожесточенные споры. Этот документ, санкционировавший «при необходимости» установление режима

военного правления в беспокойных провинциях, фактически под-
водил правовую базу под возможный военный переворот.

Сдвиги в поведении военной элиты, переосмысление роли армии в политике и содержания военно-гражданских отношений в Турции показывают снижение влияния консервативного генералитета, теряющего свои преобладающие позиции в военной элите. Линия на тесное сотрудничество с гражданской властью и содействие судебному расследованию дела «Эргенекон», которой придерживались все три последних начальника Генерального штаба, — это показатель того, что часть военной элиты, придерживающаяся реалистических взглядов, стремится всеми средствами оттеснить консервативный военный истеблишмент на второй план, создав благоприятные условия для дальнейшей эволюции позиции армии и военно-гражданских отношений в стране.

Анализируя линию поведения трех руководителей Генерального штаба, можно уже говорить о проявлении определенной тенденции в действиях высшей военной элиты. Если генерал Хильми Озкёк изначально считался либералом, то его преемники, Яшар Бююканыт и Илькер Башбуг, относились к числу «ястребов». Однако, оказавшись у руля Генштаба, они вынуждены были отказаться от своей прежней позиции в отношении гражданского правительства (в данном случае правительства ПСР) и «наступать на горло своей песне». Если генерал Бююканыт еще пытался активно вмешиваться в политику (его резкие выступления и интервью, «интернет-ультиматум» и митинги «в защиту республики»), то Илькер Башбуг подобной активности уже не проявлял. По всей видимости, и новый начальник Генштаба, которым в августе 2010 г. стал командующий сухопутными силами Ышык Кошанер, продолжит линию своих предшественников.

Как пишет известный политический обозреватель Али Биранд, тонко чувствующий общественные настроения, «армии нужно понять, что прежние времена уже прошли... сейчас ей уже не избежать контроля гражданских властей и СМИ... и в своих действиях она уже не может этого не учитывать». Действительно, если в 2007 г. за публикацию информации о предотвращенном военном перевороте либеральный журнал «Нокта» заплатил тем, что прекратил свое существование (на следующий же день после выхода скандального номера в редакции журнала прошли обыски, а его журналисты подверглись репрессиям), то в 2009 г. вслед за аналогичными публикациями в газете «Тараф» обыски стали проводиться уже на квартирах попавших под подозрение отставных

офицеров и генералов, а репрессиям подверглись бывшие военачальники.

* * *

Существующую в Турции модель взаимоотношений общества и военной элиты невозможно осмыслить и понять в отрыве от специфического социального контекста. Возникшая при младотурках традиция тесных военно-государственных связей продолжилась и в период Республики, предоставив вооруженным силам исключительную роль в общественной жизни. Армия стала устойчиво восприниматься не только защитницей Республики, но и стражем светского характера государства и шести принципов кемализма. Героический образ армии и ее комплиментарное отображение в СМИ и учебниках по национальной истории, наличие внешних военных угроз в регионе – все это в комплексе облегчило заметное присутствие военных в политической сфере.

Скандалы последних лет («Эргенекон», «Кувалда», «Даглыджа» и т.д.) серьезно испортили репутацию армии и подорвали авторитет военной элиты, но все это не имеет столь большого значения, как реформы, на проведении которых настаивает Брюссель. Именно эти преобразования, которые ПСР сделала одним из приоритетных направлений своей политики, постепенно подтачивают влияние военной элиты на общественную и политическую жизнь в стране. Вот почему позиция генералитета, на словах поддерживающего вступление Турции в Евросоюз, по этому вопросу довольно амбивалентна.

Вместе с тем, чем больше турецкое общество способно контролировать свои фобии относительно внешних и внутренних угроз социально-политической стабильности, чем больше оно доверяет политической власти и верит в эффективность турецкой демократии, тем настойчивее становятся требования деполитизировать военную элиту и сузить возможности политического маневрирования для армии, подчинив ее гражданской власти. Тенденция к такой трансформации неизбежно затрагивает и саму природу военно-гражданских отношений в Турции. Более того, реалистически мыслящая часть военной элиты, высшее руководство армии, по-видимому, прекрасно осознает императивы текущего момента и готово сократить свою политическую активность, если этим удастся сохранить высокий авторитет вооруженных сил и лояльность к ним со стороны населения.

Насколько необратимыми являются процессы снижения политического влияния военной элиты, покажут предстоящие парламентские выборы, намеченные на 2011 г. Если по их результатам ПСР сохранит свое положение «доминантной партии», то наступление на позиции, скорее всего, будет продолжено. Косвенное подтверждение тому – кадровые чистки высшего руководства армии в августе 2010 г. В случае же, если к власти придет коалиционное правительство, этот процесс может повернуться вспять, и военная элита постарается вернуть утраченное влияние. А пока в Турции полным ходом идет запущенная правительством ПСР долгосрочная программа по дискредитации военной элиты – открываются новые уголовные дела, выдаются ордера на аресты все новых фигурантов «антиправительственных заговоров». И хотя многие, если не большинство, из инициированных против видных представителей военной элиты судебных процессов на сегодняшний день имеют довольно туманные перспективы, в качестве инструмента подрыва авторитета «старых» генералов и армии как государственного института, пользующегося наибольшим доверием населения, они доказывают свою эффективность.

*«Мусульманское пространство по периметру
границ Кавказа и Центральной Азии»,
М., 2012 г., с. 403–415.*

Руслан Курбанов,
кандидат политических наук (ИБ РАН)
ЧТО ЖДЕТ ДОМ САУДОВ?

На фоне «арабской весны», которая распространилась как минимум на шесть арабских стран, вызвав революции, восстания и даже полномасштабную гражданскую войну, не заметно ни малейших признаков того, что протестный дух перекинется на Королевство Саудовская Аравия (КСА). Академические и правительственные круги на Западе и вовсе отрицают такой вариант развития событий, ссылаясь на особенности политической культуры королевства и незыблемость дома Саудов. Однако очевидно, что даже у столь устойчивого режима нет иммунитета от внутренней нестабильности.

Саудия накануне «весны»

В 2000-е годы к исламскому Востоку, несмотря на его консерватизм и периферийность по отношению к современным социально-политическим процессам, подступила реформаторская волна. В Кувейте женщинам разрешают голосовать, в Катаре принята масштабная программа преобразований, в Бахрейне терпимо относятся к массовым демонстрациям, а в Объединенных Арабских Эмиратах появилось подобие свободной прессы. На этом фоне изменения, происходящие в Саудовской Аравии, оплоте исламского консерватизма, не столь масштабны. Эта монархия по-прежнему с глубокой подозрительностью относится к любым новшествам. Правящий дом Саудов настолько боится поколебать статус-кво, что даже запрещает использование во внутренней политике и публичных обсуждениях самого слова «реформа» («ислях»), поскольку оно предполагает, что существующая политическая и общественная системы несовершенны. Предпочтение отдается термину «развитие» («татаввур»).

Однако, несмотря на противодействие и даже преследование, реформаторское движение набирает обороты. Под давлением западных патронов и внутренних процессов саудовская элита все же решается на некоторые корректировки политической системы, как, например, проведение первых муниципальных выборов. При этом власти по-прежнему не допускают никакого влияния независимого общественного мнения на перспективы развития и реформирования политической системы.

Саудовское общество далеко не однородно. Его основной составляющей являются верующие, т.е. большая часть населения глубоко ориентирована на ислам, но политически пассивна. Следующий важный элемент – корпорация улемов (исламских ученых), проповедников, имамов и судей. Особо стоит выделить так называемых «придворных улемов», прежде всего членов Совета высших улемов, назначаемых королем. Этот орган служит опорой правящего режима, а верховный муфтий издает фетвы, как правило, в поддержку политического курса королевского двора.

Особую группу в общественной и даже политической системе Саудовской Аравии составляют оппозиционно настроенные религиозные деятели. Оппозиционность неравномерна и колеблется от несогласия с некоторыми мерами правительства до его полного неприятия. Две основные категории оппозиционных религиозных деятелей, с которыми сегодня сталкивается правящий режим, –

это консервативные исламисты («аль-ислямийюн») и либеральные реформаторы. Наиболее решительная часть либералов сформировала одно из самых активных ответвлений оппозиции, которое находится за пределами страны, в частности в Великобритании. Здесь сформировались достаточно активные и эффективные структуры, выступающие за исламскую реформу.

Третью и наиболее решительную часть оппозиции составляет религиозное антиправительственное подполье, относящееся враждебно к режиму и Соединенным Штатам и практикующее крайние формы борьбы, в том числе терроризм. Ее активность может расти по мере обострения обстановки в других странах, как, например, это происходило во время войны в Афганистане, боевых действий в зоне Персидского залива, Чечне, Ираке.

От изоляции и невежества к просвещению

Долгое время саудовское общество было изолировано не только от Запада, но и от остального исламского мира. Внутренняя Аравия не имела представления о событиях в мусульманских странах, о крупных реформаторских движениях и культурно-историческом потенциале других государств. Традиционное религиозное образование оставалось примитивным и ограниченным, сужало потенциал самого ислама, подвергая забвению всесторонний и универсальный характер и широкие возможности шариата с его способностью давать положительные ответы на события современного общества.

Король Абд аль-Азиз, основатель государства, не был заинтересован в расширении системы образования, опасался появления политической оппозиции и возможности восстания против власти. Его сыновья, управляющие страной до сих пор, унаследовали эту стратегию и любую критику воспринимали как угрозу единству и безопасности королевства.

Неуклонный рост уровня образования населения, укрепление связей с Западом являются наиболее значимыми факторами, влияющими на формирование и развитие саудовской оппозиции. В 1980-е и 1990-е годы многие воспользовались возможностями получить высшее образование в университетах королевства или в престижных учебных заведениях США и Западной Европы. В основном это было академическое образование с глубоким изучением религии. Появилось новое поколение молодых улемов, которые

осваивали традиционные программы обучения наряду с получением университетского образования. В этом они в известной степени следовали примеру зарубежных богословов из числа «Братьев-мусульман» в Египте и различных деятелей движения исламского возрождения конца XX в. Кроме того, многие улемы делали вполне светские карьеры. Они не только глубоко понимали фундаментальные религиозные дисциплины, но и были способны анализировать современные события, осознавать характер вызовов, стоящих перед исламским сообществом. Серьезных оснований для проявления инакомыслия или ереси между мусульманскими учеными нового и традиционного толка не было. Это обстоятельство защищало молодых ученых от преследования государством.

Большой интерес представляет форма оппозиционного противодействия, избранная молодыми религиозными реформаторами. Речь идет о посланиях. В прежние времена богословы обращались к правителям со своеобразными наставлениями и увещеваниями. Конечно, в условиях современной Саудовской Аравии эти послания несколько по-иному составлялись, а главное – совершенно неадекватно были восприняты властями. В начале 1990-х годов было обнародовано несколько обращений к королю. Наибольший резонанс получил так называемый «Меморандум о наставлении» («Музаккарат ан-Насиха»), представленный королю Фахду в мае 1991 г. и распространенный по всей стране.

Меморандум и реакция

Меморандум поддерживал идею создания Консультативного совета и открытия его филиалов на местах. Говорилось о необходимости более независимых и открытых средств информации, гарантирования личных и общественных свобод, начала открытого и свободного диалога в мусульманском обществе. Важной темой стало открытое и справедливое функционирование судебноправовой системы, основанной на шариате, обеспечение равенства и гарантий каждому его прав, чтобы «наше общество было благородным отражением современного исламского государства». В королевстве «отсутствует серьезность» в соблюдении норм шариата, при выработке стратегических решений улемы рассматриваются как второстепенные люди, их независимость ограничивается. Авторы считали необходимым ввести независимую экспертизу финансовой и экономической деятельности, не соответствующей требованиям шариата, повысить эффективность ра-

боты правительственных служб. Подписавшие документ лица требовали создания истинно независимых религиозных организаций с негосударственными источниками дохода и с правом лишать силы любой закон или соглашение, нарушающие установления шариата.

В меморандуме содержался ряд критических замечаний относительно ситуации после войны в Персидском заливе – вторжение в Ирак сил международной коалиции во главе с США зимой 1991 г. Например, подчеркивалась необходимость искоренить практику предоставления займов «неисламским» режимам типа «баасистской Сирии и светского Египта», указывалось на недопустимое финансирование Ирака в ходе его войны с Ираном. Характерно, что правительство осуждалось не за поддержку исламских движений за пределами страны, а за помощь государствам, которые воюют против таких движений, например, Алжиру. Власти критиковались и за тесные отношения с западными режимами, «которые ведут борьбу против ислама», в особенности за контакты с Соединенными Штатами «в процессе разрядки с иудеями».

Авторы требовали извлечь уроки из войны в Заливе, увеличить армию до 500 тыс. человек (т.е. по меньшей мере на 400%), ввести обязательное военное обучение, диверсифицировать источники закупок вооружений и принять меры для создания собственной военной промышленности.

По свидетельствам очевидцев, получив меморандум, король испытал, вероятно, наиболее сильный удар в жизни. Шок вызвало не столько содержание документа, сколько количество подписантов, представлявших находящиеся далеко друг от друга области королевства. Невозможно было вообразить, как столь масштабное и организованное действие могло произойти при полном отсутствии информации от спецслужб. Власти сразу же назначили встречу с несколькими авторами – докторами Ахмадом ат-Тувейджри, Тауфиком аль-Кассером, шейхами Абд уль-Мухсином аль-Убайканом и Сайидом Зуайром. Однако она не состоялась, поскольку стало известно, что послание уже распространено по всей стране.

Публичный характер документа стал вторым серьезным ударом по правящему клану. Король издал указ, запрещающий всем поддерживавшим меморандум выезд из страны. Так власти пытались предотвратить утечку копий письма за пределы королевства. Это решение свидетельствовало о непонимании правящей элитой характера современного мира, сравнимого с «глобальной деревней», где невозможно ограничить распространение информации. Текст послания оказался за границей еще до его массового распростра-

нения в Саудовской Аравии. Зато запрет на выезд лишний раз показал характер правящего режима, ориентированного на ограничения и репрессивные меры.

Совет высших улемов обнародовал заявление с резкой критикой меморандума, который «противоречит шариатским нормам уведомления». Полиция и силы безопасности проводили аресты, ограничивали передвижения активистов оппозиции, ужесточали над ними контроль, запрещали собрания и встречи, задерживали распространителей меморандума. В сентябре 1994 г. были арестованы два главных лидера оппозиции Сальман аль-Ауда и Сафар аль-Хавали, а вместе с ними, по неофициальным данным, около 1300 человек. Кроме того, власти предпринимали активные попытки объявить деятельность оппонентов нелегитимной, характеризуя их действия как запрещенное новшество (бид'а). Тем не менее само широкое обсуждение в прессе письма реформаторов даже в форме нападок сделало наличие оппозиции публично подтвержденным фактом.

Король Фахд дал понять, что власти больше не будут воспринимать критику и предложения. Однако меморандум и предшествовавшие ему инициативы достигли социальной, политической и культурной цели. Многие в королевстве осознали, что активность улемов и исламских интеллектуалов мотивировалась защитой их законных прав. Список людей, подписавших меморандум, свидетельствовал о широком согласии интеллигенции с выдвинутыми требованиями. Вместе с тем проявилась и готовность масс к восприятию давно назревших реформ. И режим не мог игнорировать изменения ситуации.

К примеру, отвечая на вызов необходимости увеличения открытости политической системы, король Фахд в 1993 г. создал Консультативный совет («Маджлис аш-Шура»), предоставил различным слоям населения больше гражданских прав, а правительственные назначения стали осуществляться в зависимости от конкретных заслуг кандидатов. В феврале 2000 г. в Мекке саудовские власти провели Международный симпозиум по правам человека в исламе. Почти 200 делегатов из 43 стран попытались в историческом контексте выявить особенности соблюдения прав человека в исламе и предложить уточнения в действующее в этой области международное законодательство. Кроме того, Эр-Рияд пошел на организацию и проведение первых в стране муниципальных выборов.

Последствия давления оппозиции на саудовский режим еще будут сказываться, противостояние реформаторов и клана Саудов, вероятно, продолжится и обострится. В прежние годы саудовские монархи просто уничтожали своих противников, сегодня это практически невозможно. В современных условиях, когда существуют организации по защите прав человека, независимые средства информации, рычаги внешнего давления, например, через зарубежных исламистов, проведение такой политики не только сомнительно, но и опасно.

Основные оппозиционные группы

Движение, известное как «Ас-Сахва аль-Исламийя» («Исламское возрождение»), является, пожалуй, самым передовым и в то же время самым влиятельным модернизационным движением в королевстве. «Ас-Сахва» зародилась в 1970-е годы в университетах и других элитных институтах, но ее корни уходят еще глубже, как минимум в 1960-е годы. Тогда Саудовская Аравия испытывала влияние из-за рубежа – в особенности через идеи египетских «Братьев-мусульман», которые начали прибывать в КСА в 1950-е и 1960-е годы, спасаясь от преследований в своей стране. Эксперты характеризуют идеологическую силу, стоящую за движением, как сплав традиционного саудовского мышления и философии «Ихван аль-Муслимин» (т.е. «Братьев-мусульман»).

«Ас-Сахва» раздроблена на несколько конкурирующих течений, не поддающихся структуризации. Ее можно охарактеризовать как неоднородное социорелигиозное (а начиная с 1990-х годов и политическое) движение, состоящее из так называемого «ваххабитского» религиозно-культурного ядра и сильных модернизационных течений «салафитского» типа, выборочно придерживающихся методов «Братьев-мусульман». Последняя черта обрела первостепенную важность, когда активисты движения вышли на политическую арену и начали устанавливать и поддерживать отношения с партнерами за пределами королевства.

В то же время способность «Ас-Сахвы» к сплоченным действиям остается под вопросом. По мнению экспертов, это движение оказалось в тисках «ваххабитской» теологии и завязло в решении «частных вопросов» вместо призывов к «реальным политическим изменениям».

Еще одна заметная категория оппозиционеров, возникшая после первой войны в Персидском заливе 1991 г., – организован-

ные исламисты. Это явление связано с именами Саада аль-Факиха и Мохаммада аль-Массари, находящихся в эмиграции. Оба сыграли важную роль в подготовке меморандума. В 1993 г. Факих и Массари сформировали Комитет защиты легитимных прав – пожалуй, первую организованную оппозиционную группу исламской ориентации в Саудовской Аравии. После высылки в Соединенное Королевство в середине 1990-х годов Факих и Массари ненадолго возродили Комитет, но вскоре повздорили и пошли каждый своей дорогой.

Факих, чья политико-религиозная философия представляет собой смесь идеологии «Братьев-мусульман» и ключевых идей «салафитов», является одним из самых убежденных и несгибаемых оппонентов дома Саудов, придерживающихся ненасильственной тактики. В 1996 г. он создал «Движение за исламские реформы в Аравии», открыто противопоставившее себя саудовским властям. В одном из интервью Факих заявил, что стремится к свержению режима Саудов и установлению исламской республики.

Массари стал одним из ключевых лидеров «Хизб ут-Тахрир» на Аравийском полуострове. «Хизб ут-Тахрир», с самого начала имевшая «неместное» происхождение, представляет собой еще одну организованную оппозиционную группировку. Согласно некоторым данным, «Хизб ут-Тахрир» тесно сотрудничала с активистами «Ас-Сахвы» в 1960–1980-е годы, а во время первой войны в Персидском заливе всецело использовала открывшиеся политические возможности. Группировка пустила корни в университетах Эр-Рияда, Дахрана и Джидды. С точки зрения саудовских властей, «Хизб ут-Тахрир» является опасной подрывной организацией. Любые акции, предпринятые ею, вызывают жесткие ответные действия. Последний раз они имели место в 1995 г., когда саудовская разведка арестовала шестерых активистов группировки во главе с доктором Мохаммадом Саифом ат-Турки. За этим последовала серия арестов, на этот раз направленная против сети в Университете Короля Сауда в Эр-Рияде. Саудовцы опасаются «Хизб ут-Тахрир» не столько из-за ее организационного потенциала, сколько за ее способность толкать к радикальности более умеренные течения.

Значение приобретает и такое маргинальное явление, как «либерализм» (при этом, конечно, следует понимать, что его саудовское понимание далеко не всегда совпадает с западной трактовкой). Это течение возникло в 1990-е годы, когда в стране появилась открытая оппозиция. Многие активисты, которых западные

ученые и журналисты называют «либеральными», начинали свою карьеру в движении «Ас-Сахва», а многие, как ни странно, придерживались радикально салафитских взглядов. Одними из ключевых деятелей этого течения являются Абдулла аль-Хамед (70-летний профессор арабского языка, отбывающий тюремное заключение), ученый Хассан аль-Малики и Мансур аль-Нукайдан, который в юности за особую радикальность получил прозвище «Хариджит» (т.е. человек, отвергнутый всем исламским сообществом за крайние религиозные взгляды).

«Либералы» стремятся не только к реформам общества, но и к реформированию самого ислама в Саудовской Аравии. Некоторые, подобно Абдул Азизу аль-Касиму (ранее «оппозиционеру-салафиту», теперь, по саудовским меркам, считающемуся «либералом»), хотят придать так называемому ваххабизму более либеральное звучание, настаивая на «внутреннем многоголосии ваххабитской традиции». Многие из этих мыслителей и активистов просто придерживаются гибкой позиции по религиозным и политическим вопросам.

В глазах закоренелых оппозиционеров «либералы» не заслуживают доверия – отчасти из-за их неорганизованности и идеологического разброда, но главным образом из-за подхода к реформам, который совпадает с риторикой режима. «Либералы» выступают за преобразование, не заходя за политическую черту, определенную властями. Это неизбежно ограничивает их влияние на политическую жизнь, какими бы оригинальными и инновационными ни были идеи. Тем не менее в долгосрочной перспективе «либералы» могут стать катализатором социокультурных изменений и, сами того не ведая, подготовить почву для более бескомпромиссных оппозиционеров.

Шииты в Саудовской Аравии, по большей части сконцентрированные в Восточной провинции, часто становятся объектами внимания из-за жесткой дискриминации со стороны властей и общества. В последние месяцы шииты Восточной провинции вышли на улицы, бросая вызов силам безопасности и выражая солидарность с духом восстания, охватившего арабский мир. Аравийские шииты черпают особое вдохновение в потерпевшей крах миниреволюции в соседнем Бахрейне, конец которой положила военная интервенция возглавляемого саудовцами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Шиитская оппозиция тесно связана с именем шейха Хассана ас-Сафара, лидера «Исламского движения за реформы». В 1993 г. он заключил с саудовским

режимом сделку, позволившую ему и его окружению вернуться в Восточную провинцию. Однако ни одно из условий сделки не было выполнено, вместо этого власти попытались внести раздор в ряды шиитских активистов, усилив группировку Сафара в ущерб другим организациям. В 2008 г. образована новая оппозиционная структура под названием «Халас» («Избавление»), многие ее участники раньше входили в группу Сафара. Саудовский режим не только искусно расколол шиитскую оппозицию, но и, что более важно, продолжает использовать шиитскую проблему для подавления других оппозиционных движений, лишая их массовой общественной поддержки. Апеллируя к страхам суннитского большинства, опасющегося усиления шиитов на Аравийском полуострове, саудовцы дискредитируют и лишают легитимности призывы к серьезным реформам.

Саудия в международном контексте

Роль КСА в современной системе глобальных и региональных отношений в исламском мире необычайно велика. Историческое положение и наличие главных мусульманских святынь сделали Саудовскую Аравию центром ислама, что во многом определяет ее внешнеполитический курс и претензии на лидерство в мусульманском мире. КСА является по существу главным полицейским в регионе. Его способность использовать принудительную власть, пожалуй, не имеет аналогов в этой части мира.

В водовороте революций одной из важных задач стало устранение режимов, ориентированных на Иран (Башар Асад в Сирии), подрыв секуляристских режимов (Хосни Мубарак и его возможные последователи в Египте) и отстранение от власти непредсказуемых самодуров (Муаммар Каддафи в Ливии). Как пишет Геворг Мирзаян, у КСА, а также у некоторых малых стран Персидского залива был и более прагматичный интерес в поддержке смены светских арабских правителей. Долгое время светские националистические режимы (прежде всего Египет, Ливия и Сирия) не только оспаривали у той же Саудовской Аравии главенство в арабском мире, но и пытались организовать «социалистические революции» в ней и других монархиях Залива. После свержения Мубарака, Каддафи и Асад оставались единственными преградами на пути к практически безграничной власти теократии Залива на всем пространстве от Марокко до Иордании.

С другой стороны, революции в арабском мире вызывают опасения у руководства Саудовской Аравии: усугубление внутри-политической ситуации в соседнем Бахрейне привело к вспышке антиправительственных настроений среди шиитов, которые жестким образом были подавлены введенными туда саудовскими войсками. Призрак политической власти шиитов, замаячивший в Бахрейне, потребовал срочного превентивного вмешательства.

Благодаря обширным нефтяным запасам, центральной роли в исламском мире и большому геополитическому весу в регионе КСА сохраняет первостепенную важность для процветания Запада и поддержания западного, особенно американского, политического влияния на Ближнем Востоке. Именно ввиду этой значимости для западных политических и экономических интересов за событиями в Саудовской Аравии следит обширный круг западноевропейских и североамериканских экспертов, а также публика в целом. Опасения по поводу долгосрочной стабильности КСА и ее роли инкубатора для антизападных боевиков получили особенно драматическую окраску на фоне событий 11 сентября 2001 г. Кроме того, международные правозащитные организации высказывают опасения по поводу самой природы саудовского общества.

Отчасти в качестве реакции на растущее давление извне саудовские правители начали осторожные преобразования и поддерживали призывы к расширению дебатов и диалога. Процесс реформ тесно связан с именем короля Абдаллы, который наследовал престол в августе 2005 г. Однако, несмотря на широкомасштабные дискуссии обо всех аспектах национальной и публичной жизни и некоторые изменения, в стране отсутствуют политические партии и профсоюзы, религиозные меньшинства (особенно шииты) продолжают испытывать дискриминацию, а на социокультурном уровне жесткие ограничения наложены в самых разных сферах, в частности, женщинам по-прежнему запрещено водить автомобиль.

«Арабская весна» не достигла саудовской улицы, несмотря на активные усилия самых убежденных противников дома Саудов. Но если Эр-Рияд и Джидда не так уязвимы для массовых восстаний, как Тунис, Каир или Сана, это еще не гарантирует долгосрочной стабильности и благополучия саудовской правящей системы. Саудовский режим стоит лицом к лицу с рядом религиозных оппозиционных движений, группировок и отдельных активистов. В стране усиливаются разногласия по поводу всех аспектов жизни. На этой стадии непонятно, сможет ли официальный реформистский настрой властей преодолеть их.

Дом Саудов нельзя недооценивать. Эр-Рияд занимает особое место и в планах Вашингтона по «переформатированию» Ближнего Востока: после падения Ирака Саудовская Аравия как наиболее последовательный союзник американцев в регионе стала единственным противовесом Ирану. Как считает политолог Андрей Маноило, этим КСА дает пример и сигнал «братским» государствам Персидского залива и всему исламскому миру (или, по крайней мере, суннитской его части). Нужно следовать параллельным курсом с политикой Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, поскольку в целом это отвечает задачам мусульман-суннитов по расширению влияния.

Имея обширные нефтяные запасы и тесный стратегический альянс с Соединенными Штатами, монархия не раз искусно справлялась с оппозиционными настроениями и массовым недовольством. Посредством изощренной комбинации принуждения, подавления, взяток, приспособленчества и переворотов режим сумел уничтожить или вытеснить на обочину политической жизни самых опасных оппонентов, одновременно создавая отдушину для выражения «безопасных» протестных настроений. Хотя религиозная оппозиция значительно окрепла за последние два десятилетия, четкий водораздел между лояльными и нелояльными режиму течениями так и не оформился. Большинство оппозиционеров можно по-прежнему считать «лояльными», поскольку они не выступают с публичными заявлениями о нелегитимности правящего дома. На данном этапе падение дома Саудов сложно себе представить ввиду полного доминирования королевской семьи во всех аспектах жизни.

Стоит ли вообще желать такого исхода? Ведь коренные сдвиги, смещения и перераспределение власти и ресурсов неизбежно повлекут за собой непредсказуемые сценарии, вплоть до гражданской войны. Центробежные силы, бурлящие на Аравийском полуострове, могут привести и к распаду страны.

Более вероятный сценарий предполагает медленное расширение политического пространства и постепенную потерю Саудами способности контролировать общественную полемику. Таким образом, долгосрочной задачей оппозиции фактически становится не свержение или обезвреживание дома Саудов, а адаптация повестки дня и программы к растущим социокультурным и политическим амбициям аравийской общественности. Тем более что смена поколений во власти – вопрос уже недалекого будущего в силу естественных причин, ведь королевством до сих пор управляют

сыновья его основателя. Как пишет Игорь Алексеев, саудовский ваххабизм, о котором сейчас столько говорят, будет неотвратимо сдвигаться в более либеральную сторону под влиянием реформ, которые медленно, но неуклонно проводит правящая династия. В этой связи неизбежным кажется обострение конфликта между властями королевства и радикальными салафитами.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 4, июль-август, с. 143–153.*

М. Саттиев,
востоковед
(Ташкентский государственный
институт востоковедения)
**ПРОБЛЕМЫ КОНФЕССИОНАЛИЗМА
В ЛИВАНЕ**

Пятнадцатилетняя гражданская война в Ливане окончилась в 1990 г. подписанием Тайфского соглашения, которое несколько перераспределило политическую власть среди религиозных общин страны и наметило политические реформы в системе управления государством, что было зафиксировано в Хартии национального примирения Ливана. Было принято решение взять курс на постепенное упразднение конфессионализма в органах власти как основной причины их неэффективного функционирования, а также дестабилизирующего фактора в ливанском обществе. Количество депутатов парламента было увеличено с 99 до 108. Начиная с парламентских выборов 1996 г. количество депутатских мандатов доведено до 128. За христианами и мусульманами было закреплено равное число мест (64) в парламенте. Сохранив традицию, парламент избирает президентом маронита, а своим спикером – шиита.

Суть реформ в области государственного управления заключалась в том, что исполнительная власть передавалась от президента (маронита) правительству. Министерские портфели делились поровну между христианами и мусульманами. Однако прерогативой президента оставалось назначение премьер-министра (суннита) при проведении соответствующих консультаций с Национальной ассамблеей и председателем парламента. По конфессиональному признаку также распределены посты в правительстве, административном аппарате и армии. Важной чертой внутривнутриполитической жизни Ливана еще с 1976 г. было присутствие

сирийских войск, оказавших поддержку некоторым мусульманским организациям, прежде всего организации «Хизбулла», а также усиление исламского фактора в политической жизни страны.

«Хизбулла» была основана в 1979 г., что, по мнению многих аналитиков, непосредственно связано с исламской революцией в Иране. Толчок ее развитию дало вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. После вывода израильских войск из Ливана в 2000 г. многие считали, что «Хизбулла» должна сложить оружие и передать контроль над своей территорией ливанской армии. Однако Сирия в своих интересах блокировала эти требования. Убийство бывшего премьер-министра и мультимиллионера, много сделавшего для своей страны, Рафика Харири в феврале 2005 г. привело к началу массовых демонстраций против Сирии, в результате чего ей пришлось вывести войска из страны. Однако вопреки надеждам противников Сирии в Ливане «Хизбулла» не только не ослабла, но и оказалась в центре политической жизни Ливана, возглавив антиамериканскую коалицию в противовес антисирийской. Место Сирии, как силы, напрямую контролирующей «Хизбуллу», занял Иран. Накануне войны 2006 г. Ливан очутился в политическом тупике.

Когда началась война, некоторые члены антисирийской коалиции подозревали, что «Хизбулла» сознательно спровоцировала ее, чтобы вызвать в Ливане политический кризис и захватить власть. «Хизбулла», со своей стороны, подозревала в провоцировании войны антисирийскую коалицию, которая добивалась ликвидации «Хизбуллы». Однако когда под удары Израиля стали попадать гражданское население и гражданская инфраструктура, ливанское общественное мнение переложило главную вину на Израиль и США. Ливанское правительство вынуждено было разработать и предложить условия, на которых можно было бы заключить перемирие. По этим предложениям была смоделирована резолюция ООН № 1701, которая еще долго обсуждалась США и другими членами международного сообщества. За это время человеческие и материальные потери удвоились.

Резолюция № 1701 продумана тщательно и ясно. Она призывает к прекращению боевых действий, за которым должно последовать развертывание ливанской армии и сил ООН к югу от р. Литани. Резолюция также призывает Ливан разоружить все негосударственные вооруженные группы. Ливанская армия и силы ООН развернулись на юге страны, а «Хизбулла» согласилась соблюдать резолюцию. Многие ливанцы подозревают, что амери-

канцы сознательно затянули принятие резолюции, чтобы дать Израилю шанс «выйти сухим из воды». Во всяком случае, ответ на вопрос «кто победил?» по-разному интерпретировался политиками.

Лидер «Хизбуллы» шейх Насралла поспешил объявить победителем «Хизбулла», так как, в отличие от всех предыдущих арабо-израильских войн, эта не принесла победы Израилю. Телевизионные каналы арабских стран показали явно деморализованных израильских солдат, возвращающихся домой. Но надо помнить о том, что Ливан (особенно южные районы, населенные шиитами) понес огромный урон: 1200 гражданских лиц погибло, 4 тыс. ранено, почти 1 млн. стали беженцами. Экономические потери оценивают в 7 млрд. долл., что составляет 30% ливанского ВВП. «Хизбулла» также понесла тактический и политический урон: передала контроль над Югом ливанской армии и ООН и согласилась передать им контроль над границей с Сирией. Группировка потеряла от 300 до 600 боевиков. Кроме того, был дезавуирован миф о том, что именно «Хизбулла» сдерживает Израиль.

«Окончательный ответ на вопрос, усилилась или ослабла “Хизбулла”, будет зависеть от дальнейшего развития событий в Ливане и регионе. Если резолюция № 1701 будет соблюдаться и ливанское правительство будет серьезно выполнять взятые обязательства относительно безопасности, влияние “Хизбуллы” ослабнет, а Ливанское государство окрепнет. Резолюция ООН дает возможности ливанскому правительству привести экономическое состояние страны к довоенному уровню и укрепить свою государственность. Способность правительства реализовать намеченные планы будет зависеть от конкретных шагов по упрочению национальной безопасности, экономическому возрождению и политическому развитию».

Однако резолюция ООН не обеспечила механизма разоружения «Хизбуллы», что является ключевой внутренней проблемой Ливана. Здесь предложен ряд решений – от прямого разоружения до включения отрядов «Хизбуллы» в структуру национальной обороны в виде лиги гражданской обороны или Национальной гвардии. Многое, правда, зависит от позиции ее главного спонсора – Ирана. В экономической сфере ливанское правительство должно быстро заняться восстановлением хозяйства, возобновить притягательность страны для туристов и инвесторов, а также справиться с долговыми обязательствами. В политической сфере правительству следует не ограничиваться заботой о сохранении власти, а доказать свою способность к политическим реформам. Это означает

более полное осуществление Таифского соглашения, активизацию борьбы с коррупцией и улучшение гражданской и военной службы.

П. Салем, директор Ближневосточного центра Карнеги (Бейрут), отмечает, что «все ключевые игроки стоят перед важным выбором. “Хизбулла” должна решить, действительно ли она хочет интегрироваться в ливанское государство. Поддерживающая ее шиитская община должна сделать выбор между двумя взаимоисключающими целями: либо единый и независимый Ливан, либо “создание двух государств”». Государство должно помочь шиитам выбрать первое, создав двухпалатное Законодательное собрание, в нижней палате которого не было бы конфессиональных квот. Подобное решение должно быть выгодно шиитской общине, так как может позволить шиитам получить больше мест в нижней палате. Когда сирийские войска присутствовали в Ливане, шиитские правительства обладали значительной властью. Уход сирийцев обеспокоил шиитов. Однако, по мнению аналитиков, зависимость шиитов от внешних союзников (Сирии и Ирана) уменьшится, если им удастся укрепить свои позиции в правительстве.

Не последнюю роль играет и желание международного сообщества достичь мира в Ливане. Оно должно твердо соблюдать резолюцию № 1701 и выполнить свое обещание выделить 2 млрд. долл. на восстановление ливанского хозяйства. Реформы в сфере государственного управления (переход от Национальной палаты к Национальной ассамблее, пересмотр доли конфессий в парламенте) не обеспечили коренных социально-политических сдвигов. К сожалению, ливанский опыт становления и развития независимого конфессионального государственного устройства показывает, что здесь не удалось предвидеть нынешнюю ситуацию и оценить проблемы, угрожающие безопасности страны. Анализ происходящих событий в Ливане демонстрирует: активизацию политической и военной составляющих конфессий в ливанском обществе («Хизбулла», «Амаль»); влияние жесткой политической борьбы на основы фанатичных убеждений (сепаратизм христиан на востоке Ливана и мусульман на западе в 80-е годы XX в.), а также на развитие национальной демократии; усиление межконфессиональной нетерпимости (покушение на жизнь государственных и общественных руководителей Рафика Харири, Висама Аида и др.); усиление дифференциации между социальными группами при резком увеличении внешних долгов государства (40 млрд. долл. США); обесценивание чувства толерантности в обществе.

Таким образом, ситуация в Ливане все еще остается хрупкой, сложной. Очевидно, что такое положение будет сохраняться и в будущем. В то же время растет необходимость чувства ответственности перед завтрашним днем. Государственное переустройство страны должно решить стратегические проблемы достижения стабильного развития по пути прогресса. Принятая по инициативе США и Франции резолюция в СБ ООН № 1559 требовала вывода всех иностранных войск (прежде всего Сирии) из Ливана, разоружения нерегулярных военных формирований и осуждала иностранное вмешательство в выборы президента Ливана. В результате ливанская оппозиция добилась вывода из страны сирийских войск, но это не дало ожидаемых результатов. Присутствие таких организаций, как «Хизбулла», показывает, что Сирия по-прежнему играет значительную роль в принятии Бейрутом важных политических решений.

Сегодня, когда в самой Сирии обострилась ситуация и в Ливан перебрались сотни беженцев, среди населения усилилось чувство страха перед непредвиденным ходом развития событий. Эти новые обстоятельства, несомненно, затрудняют процесс восстановления государственности Ливана, его экономики, вносят разлад в межконфессиональные отношения. Очевидно, что только в условиях сохранения на Ближнем Востоке стабильной безопасности и геополитического равновесия Ливан сможет стать для мирового сообщества достойным партнером.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 263–266.

Л. Пахомова,

политолог

ИСЛАМСКИЕ БАНКИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Формирующийся исламский сектор в индонезийской и малазийской экономике состоит из нескольких сегментов: банковское дело (banking shariah); страхование банковских депозитов (takaful shariah); выпуск облигаций (obligasi shariah – sukuk; reksa dana shariah), производство халяльных продуктов.

Специфической чертой исламского бэнкинга является учет норм и этики шариата. В странах ЮВА, в которых преобладают мусульмане (Индонезия, Малайзия и Бруней Даруссалам), основы такой банковской системы разрабатывались с середины 1960-х годов. Малайзия стала первой страной этого региона, учредившей в 1963 г. исламский банк (Bank Islam Malaysia Berhad), деятельность которого активизировалась после издания в 1983 г. Закона «Об исламских банках». Первый исламский банк, оказывавший услуги для свершения хаджа (tabung haji), был учрежден в 1969 г. Дело пошло успешно, и вскоре был издан Закон «Об исламской системе» Он определял основу легитимности банковского исламского дела в Малайзии. В странах ЮВА исламский сектор развивался высокими темпами (15–20%).

Быстрому росту и диверсификации нового сектора экономики, а также его интеграции в индонезийскую и малазийскую кредитно-банковскую систему способствовали как традиционные устои шариата, так и внедрение современных методов ведения дела, включая интернет-бизнес, систему контроля и отчетности, введение единых стандартов. Особое внимание заслуживает диверсификация сферы услуг (такафул, выпуск облигаций шариа и др.).

В конце первого десятилетия XXI в. в Малайзии было 20 исламских банковских учреждений, что составляло треть от всех исламских банков в различных районах мира. Эти банки имели различный статус и оказывали широкий круг услуг своим клиентам. Доля активов 20 банков (90 млрд. долл. США) составляла пятую часть всех активов банковской системы страны.

Именно Малайзия разработала совместно с экспертами Саудовской Аравии новый вид исламского страхования активов, исходя из принципов шариата и инструментов шариатского капитала – takaful. В конце 1990-х годов был создан Шариатский консультативный совет. Дальнейшая разработка законов, регулирующих работу и действие механизмов исламских банков, велась экспертами малазийского Центробанка.

Упрочившиеся позиции нового сектора в банковском деле позволили в условиях двух кризисов – азиатского и глобального, в какой-то степени, даже поддерживать мировые финансы.

В 1990 г. Совет улемов Индонезии и Союз интеллигенции (Ikatan Cendekiawan Indonesia) инициировали создание исламского банка – Mualamat. Правительство поддержало эту инициативу и издало Закон № 72 от 1992 г. В мае 1992 г. в Индонезии был открыт первый исламский банк – Bank Mualamat Indonesia. Прави-

тельство поддержало эту инициативу, создав юридическую основу для оперирования исламского банка. После почти десятилетнего периода изучения перспектив развития шариатского банкинга в Федерации Малайзии и в Индонезии, в 1997 г. Банк Малайзии создал еще один шариатский банк. Одновременно был учрежден ряд социальных фондов, в том числе Muslim Pilgrim Fund. Это стимулировало интеграцию шариатского капитала в экономику стран региона.

Исламские банки создали новый сегмент страхования активов на основе принципа *takaful* – взаимная выгода. Затем последовала разработка норм деятельности венчурных фирм, приемлемых для мусульман. В 2008 г. регламентирование деятельности венчурной индустрии определялось Законом «О венчурном капитале». Был создан также Институт независимых советников по вопросам соблюдения норм шариата в новом секторе финансовых услуг. Малайзия добилась не только международного признания как современное и прогрессивное исламское государство, но и вышла на внешний рынок с разрешенным нормами шариата продуктом.

Рост исламского сектора происходил не только в этих, но и во многих других государствах, где не было численного преобладания мусульман. По мере развития исламского банковского сектора усиливалась его интеграция в систему как национальных, так и мировых финансов. Это признают крупнейшие финансовые центры мира – Лондон, Нью-Йорк, Гонконг и Сингапур. К 2010 г. общее число исламских банков в 75 странах мира превысило 300. Объем совокупных операций составил 1 трлн. долл. США. В Малайзии оперирует (2011) 21 исламский банк с совокупными активами 351 млрд. ринг. В их числе 11 малазийских исламских банков, шесть иностранных банков и четыре международных исламских банка.

Оперирующие в условиях открытой экономики и хорошей конкурентной среде банки рассматриваемых стран не только смогли противостоять вызовам азиатского финансового кризиса (1997–1998) и глобального кризиса (2007–2008), но и успешно выходить из затянувшейся рецессии. Интересно заявление замминистра финансов Малайзии Др. Аванга Адека Хуссина, который полагает, что в Малайзии может состояться премьера открытия нового финансового центра. После финансового кризиса в Индонезии был издан закон от 1998 г., в котором утверждалась легитимность

шариатского бэнкинга и признавалось образование в стране дуальной финансовой системы.

Следующим шагом к созданию правовой основы исламского бэнкинга стало опубликование в 2002 г. Генерального плана развития исламского банковского дела. В нем излагались основные положения, регулирующие деятельность нового института. В частности, допускалась возможность предоставления обычному банку статуса шариатского. При этом иностранным банкам, в сотрудничестве с местными исламскими, разрешалось принимать участие в процессе слияния банков. При конверсии государственного банка или банка правительства провинции разрешалось придавать новому банку статус шариатского.

Относительно дальнейшего роста нового сектора в экономике Индонезии в 2010 г. было разработано три варианта прогноза развития шариатского бэнкинга. Пессимистический прогноз исходил из возможности роста активов до 67,4 млрд. рупий (2,95% от активов всей банковской системы); умеренный вариант сценария предполагал рост активов до 77,2 млрд. рупий (3,4%). Оптимистический вариант считал возможным рост активов до 87 млрд. рупий (3,9%). Наряду с упорядочением состояния наличных средств, продолжалась работа по выработке консенсуса толкования ряда положений шариата, часть из них входит в группу ЗИСВАФ – закят, инфак, седеках и вакаф. Не исключено появление новых инструментов шариатского рынка капитала наряду с такими, как *saham syariah* – облигации шарирах; *Reksa Dana Syariah* – Исламская биржа и др.

По состоянию на июнь 2009 г. в Индонезии число контор, обслуживавших шариатскую банковскую систему, составило 1440, число банков – 20; их общие активы – 55 238 млрд. рупий; число служащих – 10 709. Особое внимание заслуживает диверсификация сферы услуг (такафул, выпуск облигаций шарирах и др.). В 2006 г. сеть контор составляла лишь 636, в 2010 г. их число возросло до 1440. При этом, если учесть все подразделения, то рост числа различных сетевых и локальных подразделений исламского бэнкинга за три-четыре последних года достиг 400%.

Совет улемов и правительство Индонезии в 1991 г. одобрили план создания первого в республике исламского банка. Одновременно в ряде обычных банков стали открываться «окна» для обслуживания мусульман. Появились и дочерние финансовые институты. В 1999 г. правительство разрешило создавать мусульманские банки уже на всей территории страны. В этом же году был издан

закон, обеспечивающий правовую основу деятельности исламского банковского дела, определяющую принципы и механизмы его работы. После учреждения Bank Syariah Mandiri начался бум притока клиентов. В целях ускорения обслуживания потока клиентов традиционным банкам было разрешено открывать отделения и «окна» для обслуживания правоверных.

На начальных этапах становления системы исламского бэнкинга обычные банки открывали отделения и «окна» в сельских районах, что как бы подчеркивало близость банков к народу, особенно к малоимущим. Вместе с тем создавались возможности политических деятелей для расширения своей деятельности на местах и работы с электоратом. Набиравшие популярность банки ускорили распространение исламского бэнкинга в аграрных районах, где еще сохранялись атавизмы ростовщичества.

В течение нескольких последних лет темпы роста активов исламских банков доходили до 60% в год. Столь высокие темпы частично объяснялись стартовым началом деятельности банков. В 2010 г. было уже пять банков и 25 отделений, обслуживавших клиентов-мусульман. Число отделений банков составляло около 3 тыс. Операции с шариатскими денежными средствами и валютой осуществляли тысячи различных подразделений. Не менее впечатляющим был рост операций по страхованию банковских вкладов (исторический потолок – 65% в год). В 2003–2004 гг. данный тренд утвердился. Многие слияния и поглощения в странах ЮВА осуществляются в национальных валютах. Свыше 250 совместных фондов оперируют с национальными валютами исламских государств. Общие активы этих учреждений превышают 300 млрд. долл. США. Выпуск исламских облигаций – *sukuk* начался в Индонезии в 2002 г., а к 2009 г. рыночная капитализация в местной валюте, т.е. в индонезийских рупиях, значительно возросла. В 1997 г. Совет улемов Индонезии выработал принципы деятельности рынка капитала шариата. В 2003 г. эти принципы были одобрены Фондовой биржей Индонезии (*Bursa efek Indonesia*), а также был определен механизм купли-продажи акций.

В Малайзии до сих пор продолжаются дебаты по определению шариатского рынка капитала. В частности, улемы полагают, что рынок капитала не противоречит нормам ислама. Но одновременно они придерживаются сохранения строгого запрета на допущение получения процентов и азарта (*riba*, *maysir*, *gharar*). По всей вероятности, в перспективе шариатский рынок капитала будет определяться как рынок капитала, использующий ценности шариата

как основу всей своей деятельности. Эти положения шариата действительно и для других сегментов сектора исламской экономики. Еще в 2000 г. Danareksa Investment Management опубликовала Джакартский исламский индекс (Jakarta Islam Index – JII), что ускорило становление биржи. Первой государственной компанией выпустившей облигации, стала PT Indosat Tbk, занимающаяся спутниками. Для этого был использован принцип *mudharabah*. Согласно заключенному контракту, банк является собственником капитала. Но одновременно он доверяет свои средства для их эффективного использования предпринимателю, обладающему возможностями, солидным опытом и безупречной репутацией. Банк не имеет права требовать у своих клиентов залога. Такой вид контракта обычно применяется для финансирования краткосрочных и среднесрочных проектов. Контракты на основе принципа *мудхараба* являются аналогом доверительного финансирования в обычной финансовой системе.

Дальнейшая диверсификация инструментов оперирования на рынке проявилась в выпуске акций индонезийской частной компании *Matahari Putra, Prima Tbk*. Вместе с тем считалось необходимым придать работе банков транспарентность, которой требует современное гражданское общество, формировался и особый подход к источнику людских шариатских ресурсов (*Sumber Daya Manusia Syariah*). В своем большинстве это были малоквалифицированные работники со скромным достатком, но именно они и составили основу для развития шариатской экономики.

Позиции индонезийских шариатских банков все еще остаются не слишком сильными. Считается, например, что Индонезия припоздала с учреждением шариатских банков. Более успешными в создании шариатского банкинга считаются Египет и Малайзия.

В Малайзии и Индонезии финансовые институты работают на основе религиозной этики, норм и законов шариата. Обязательным элементом шариатской банковской системы является наличие Религиозного наблюдательного совета. На этот орган возложены: сертифицирование допущенных финансовых инструментов, подсчет и уплата закята, проверка банковских операций, определение их соответствия законам шариата. Данный орган может вырабатывать рекомендации по распределению доходов и издержек. Кроме того, разработана специальная программа для обычных банков, в которых открыты окна по обслуживанию клиентов-мусульман в сельских районах, где еще остаются атавизмы ростовщичества. Совет улемов заявил, что принципы работы шариатских банков не

противоречат рыночным механизмам. К 2008 г. в Министерстве кооперации и малых предприятий в Индонезии было зарегистрировано почти 2,5 тыс. небольших финансовых институтов и их подразделений, включая кооперативы. Они предоставляли кредиты местному населению для совершения хаджа, страхования и других целей.

Важной вехой в развитии Bank Muallamat Indonesia было предоставление ему лицензии на операции с иностранной валютой. Следующим важным шагом в развитии исламского банкинга было его вхождение в число акционеров Исламского банка развития. По мере становления шариатского банкинга, менялась и его клиентура. Заметно усилился приток капитала не только из Малайзии и Сингапура, но и из стран Ближнего Востока, прежде всего из Саудовской Аравии.

Созданный при Джакартской фондовой бирже Совет индонезийских улемов контролирует списки компаний, числящихся в листинге. Их задача определять, есть ли в их деятельности во взимании ростовщического процента (*riba*) или азарте (*gharar*). Мнение Совета улемов весьма важно для потенциальных инвесторов из стран Ближнего Востока. Но в то же время оно позволяет воздействовать и на бизнесменов своей страны. Предъявляемые требования к компании, проходящей сертификацию через Совет, весьма строги. В 2000 г., например, положительная характеристика была дана лишь немногим более трети от общего числа компаний-заявителей.

Потенциально Индонезия представляет большие возможности для развития исламского банкинга. Население Индонезии в 2010 г. составляло 233,5 млн. человек, 85–86% из них исповедуют ислам. Такого количества правоверных нет ни в одной стране мира. Перспективным направлением работы таких банков является их подключение к программам развития людского потенциала. При этом утверждается, что такие принципы содействуют формированию гражданского общества (*masharakat madani*).

В 2008 г. правительство Индонезии издало Закон № 21 «О шариатских банках», расширяющий перспективы нового сегмента банковского дела. Прежде всего, банкам разрешалось оперировать на всей территории Республики Индонезия. Был определен и порядок стандартизации нового продукта. Одновременно отвергалась возможность использовать запрещенных исламом видов деятельности, связанных с получением процента или «лихвы»

(riba), спекуляцией и азартом (gharar, maisir) и др. В настоящее время правительство Сусило Бамбанг Юдхойоно вырабатывает «Большую стратегию развития шариатского банковского дела» (Grand Strategy Pengembangan Pasar Perbankan Syariah). Механизм деловой деятельности финансовых институтов и банков формировался постепенно с учетом, хотя и с различной степенью строгости, норм шариата. В 2005 г. в Индонезии был принят Генеральный план развития рынка капитала (2005–2009). Согласно данному документу необходимо продолжать усиление легитимности деятельности банка с учетом возможностей механизмов рынка капитала, уделять особое внимание производству шариатской продукции, изыскивать методы производства нового шариатского продукта, завоевывать доверие своих и иностранных клиентов, расширять связи со странами Ближнего Востока с целью привлечения ПИИ.

Совместное предпринимательство (musyarakah) относится к совместному проекту банка и предпринимателя на основе договора, в котором определяется пропорционально сделанным вложениям разделение прибыли и потерь. Этот вид контрактов имеет место при финансировании долгосрочных инвестиционных проектов. Еще один новый продукт – idjarah во многом аналогичен лизингу, практикуемому в обычной банковской системе. Его отличие заключается в приданной банку возможности определять, кто именно несет издержки, связанные со страховкой и амортизацией. Разработка концепции «народной экономики» находила отклик и в индонезийской умме. Появление нового сектора в индонезийской экономике, а именно: шариатских финансов (kewangan syariah), и его быстрый рост наблюдаются не только в экономике Индонезии и Малайзии, но и в Сингапуре и Таиланде.

Новая финансовая система совершила за последние 30 лет прорыв в глобальный банковский мир и становится интегральной частью мировой финансовой системы. Впечатляет и стремительный рост другого сегмента исламского сектора – выпуск ценных бумаг и исламских облигаций – sukuk. Операции с ними осуществляются повсюду в мире. В 2008–2009 гг. было выпущено исламских облигаций на общую сумму примерно в 28 млрд. долл. США. Следует отметить, что саудовским банкирам принадлежит 85% всех облигаций. В 2011 г. малазийское правительство намерено выпустить облигации сроком на 5 и 10 лет. Их распространением займются крупнейшие финансовые институты страны (HSBC Amanah Malaysia Bhd, Citigroup, CIMB Investment Bank Bhd).

Оживленно проводятся операции с деривативами, т.е. с вторичными финансовыми документами. Это повлекло за собой свопы и поглощения в шариатской валюте. Общие активы 250 фондов, действующих на основе принципов шариата, превышают 300 млрд. долл. США.

В сегменте исламской финансовой системы также действует запрет на получение прибыли за счет получения банковского процента. Представление правоверных о социальной справедливости, равенстве и правах собственности требует, чтобы заемщики и кредиторы получали вознаграждения и несли убытки на паритетных основах. Считается также, что процесс накопления и создания богатства должен отражать реальный вклад экономических агентов в экономическое развитие. На начальном этапе учреждения исламских банков весьма важно было добиться компромисса относительно принципа разделения убытков и прибылей всеми участниками экономического процесса. Сторонники данной парадигмы инварианта «народной экономики» считали, что на начальном этапе ее развития необходимо расширить границы совместной экономической деятельности мусульман (santri). Следует отметить, что трактовка «народной экономики» в Индонезии обретает в этом контексте несколько иные нюансы. В 2010 г. доля активов исламских банков составляла лишь 2,9% от всех обычных индонезийских активов (67,4 млрд. рупий).

Шариатские банки во время азиатского финансового кризиса не только проявили устойчивость системы, но и обрели доверие клиентов к новым акторам финансового рынка. Произошедшие реальные изменения в банковской системе потребовали тотального пересмотра всей их деятельности. При этом значительное внимание было уделено исламским банкам. Закон № 10 от 1998 г. уточнял статус и функции банка, в котором уже не говорилось о принципе совместного участия. В постановлениях от 1999 г. утверждалось, что одной из основных целей исламских банков является поддержание стабильности финансовой и банковской системы. В 2002 г. Исламский банк издал Генеральный план, целью которого было открыть в стране 10 исламских банков. В 2008 г. был принят закон № 21 «О шариатских банках», который укрепил правовую базу исламского бэнкинга. Банк получил право выпускать ценные бумаги и облигации (sukuk). Наряду с местными обычными банками шариатским банкам разрешалось участвовать в капитале исламских банков других стран, в основном в странах Ближнего Востока. Обычные банки могли изменять свой статус и

становиться шариатскими банками после 15 лет работы в качестве исламских банков и участия (не менее 50%) в капитале банка. Энергично утверждался и другой инструмент рынка капитала – шариатские облигации, которые торгуются на бирже. Впервые они были выпущены и правительством.

Индонезийские исламские круги после длительного обсуждения и острых дискуссий смогли добиться принятия «Хартии совместного владения» (сокращенно «Хартия Гонтор» – Piagam Gontor). Она исходила из отрицания парадигмы развития, основанного на либеральных и капиталистических принципах. Положения, содержащиеся в Хартии, были призваны стать механизмом выравнивания экономического и социального развития.

Такая позиция достаточно широко распространена в Индонезии даже среди молодежи. В частности, директор «Института свободы» (неофициально считающегося «мозговым центром»), Ризал Малларангенг отмечал, что «идеологически радикальные мусульманские студенты и рабочие всегда были против приватизации, дерегулирования и глобализации». Инвариант системы страхования представлен принципом солидарности и взаимопомощи в случае ущерба (takaful). Считалось категорически неприемлемым взимание процента, что приравнивалось к ростовщичеству (riba). Не допускаются азарт (meisir) и неопределенность (gagar). На основе этих принципов определялись условия специальных соглашений, финансирования долевого участия в совокупной прибыли, полученной в результате экономической деятельности. К их числу относились и операции, известные как «хорошая ссуда» (kadrul hasan). При предоставлении юридическому или физическому лицу ссуды оговаривается срок ее возвращения, но проценты как таковые не начисляются. При этом такой кредит может рассматриваться как форма благотворительности.

Приведенные выше виды инструментов шариатского банкинга далеко не единственные, но они являются наиболее востребованными на данном этапе развития. При обсуждении соответствия вида деятельности и норм шариата в мусульманских кругах выявляются различные подходы. Наряду с утверждением, что ислам создает основу для побуждения к экономической деятельности, чрезмерное накопление богатства считается недопустимым. Именно поэтому запрещается использовать процент в целях получения прибыли, так как при этом не создается продукт и не улучшается благосостояние общества. Либеральная позиция части правоверных по отношению к исламу в Индонезии проявляется

достаточно четко. Например, доктор Саид Сираджа считает допустимым отхождение от норм ислама при осуществлении экономической деятельности. При этом он полагает, что не следует всецело воспринимать западные экономические учения. С подобными оценками в Джакарте выступил и глава Торгово-промышленной палаты Индонезии доцент Шариф Хидьятуллах. Наряду с развитием шариатского банковского сектора в Индонезии набирает темпы рост и другого сектора – производство halal продукта.

Таким образом, малые и средние предприниматели-мусульмане активно включаются в создающиеся структуры и формируют особый социальный слой. Исламский сектор в экономике страны становится не только важным фактором экономического роста, но и его генератором.

За последние три десятилетия роль шариатских денег значительно возросла не только в экономике отдельных стран, но и во всемирной экономике. Стремительному прорыву в финансовой и деловой сферах содействовали новые подходы к диверсификации рисков и содействию поддержанию финансовой стабильности. В настоящее время, считают индонезийские эксперты, шариатские деньги стали интегральной частью мировых финансов.

Бурное развитие новых структур привело к значительным изменениям и в социуме, начиная от низших укладов, где наряду с открытием тысяч отделений и «окон» обслуживания правоверных все еще сохраняются атавизмы ростовщичества, и кончая появлением банкиров, обслуживающих новую экономику. Усиление взаимных деловых интересов финансовых бизнес-сообществ Индонезии, Малайзии и Саудовской Аравии и других стран Северной Африки вызывает беспокойство ряда стран АСЕАН, которые опасаются, что новые контакты отодвинут сроки создания общего рынка АСЕАН.

Наряду с расширением и укреплением деловых связей происходят и значительные изменения в социуме и усиление тренда модернизации ведущих институтов стран Юго-Восточной Азии и арабского мира.

*«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации»,
М., 2012 г., с. 111–119.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Петрищев,

политолог

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО ПРОТИВ ЭКСТРЕМИЗМА

Исламский экстремизм, крайним выражением которого выступает терроризм под лозунгом ислама, с середины 90-х годов XX в. оказывает заметное влияние на политическую жизнь многих стран, включая Россию. Этой проблеме посвящено огромное число публикаций, появившихся в том числе и в России. Если к этому добавить исследования, принадлежащие перу мусульманских авторов и западных экспертов, то литература по исламскому экстремизму оказывается поистине безбрежной. Можно выделить три основных направления в изучении обсуждаемой тематики в России. Первое касается анализа причин и факторов, рождающих и стимулирующих исламский радикализм. Второе представлено работами, авторы которых раскрывают политические, организационные, финансовые, информационные и иные стороны деятельности соответствующих экстремистских организаций и движений, а также угрозу, которую они представляют для безопасности и национальных интересов различных стран, в том числе и России. Наконец, третье направление нацелено на изучение идейных аспектов обсуждаемого феномена, непосредственно связанных с исламом. Бросается в глаза, что российские авторы (И.П. Добаев, Б.В. Долгов, А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланда) наиболее глубоко анализируют деятельность различных группировок мусульманских радикалов. Что же касается причин исламского радикализма и способствующих ему факторов, то, как правило, отмечается, что эта угроза объясняется комплексом обстоятельств, среди которых выделяют нерешенность острых социально-экономических, политических, национальных и некоторых иных проблем мусульманского мира. В обобщенном виде наиболее полно этот аспект проблемы раскрыт в статье А.М. Васильева, который привел немало аргу-

ментов в пользу оценки исламского экстремизма как выражения общего кризиса мусульманской цивилизации.

Различные взгляды высказываются при ответах на вопросы, какие политические силы стоят за этой угрозой и какие цели они преследуют. В частности, если одни авторы связывают распространение исламского радикализма в нашей стране преимущественно с внешними факторами, антироссийской деятельностью зарубежных террористических центров, то другие полагают, что корни данного явления надо искать внутри России. Что касается исследования идейной составляющей исламского экстремизма и противодействия ему, то его актуальность трудно переоценить. Ведь в точном смысле данное явление может называться именно исламским, прежде всего потому, что оно базируется на неких исламских догмах. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться с часто повторяемым тезисом, будто у терроризма нет ни религии, ни национальности. Такое суждение лишь означает, что экстремизм и терроризм не характерны только для какой-либо одной веры, государственной принадлежности или этнической группы. Однако в целом связь с ними является реальностью.

С серьезными оговорками можно допустить, что в строгом смысле терроризм непосредственно не связан с исламской религией. Да и то лишь в том случае, если сводить религию к догматике и культу. Но даже на этом уровне заметны признаки зависимости экстремизма от некоторых исламских догматических постулатов – например, от идеи «такфир» (обвинения в неверии). Очевидно, что ислам как система идей и житейских правил, несомненно, имеет отношение к терроризму. Во всяком случае, влияние руководителей и вдохновителей исламского экстремизма во многом определяется тем, что они выдают себя за последователей истинного шариата, борцов за воплощение в жизнь его идеалов, касающихся политических и правовых вопросов. Можно спорить о том, связан ли этот феномен с религией ислама, насколько собственно религиозные постулаты служат его идейной базой. Однако не подлежит сомнению тот факт, что исламские представления составляют стержень идейного обоснования экстремизма. Вывод об ориентации деятельности мусульманских радикалов на исламские постулаты, в частности правовые концепции, трудно опровергнуть, поскольку любые проявления радикализма под знаменами ислама, вплоть до террористических актов, опираются на исламские концепции.

Террористическая деятельность отдельных мусульман или исламских организаций может по-разному быть связанной с идеями ислама, но она всегда прямо подчинена исламскому политико-правовому обоснованию. Исламских радикалов мало беспокоит проблема отсутствия подлинной демократии в мусульманских странах. Главное для исламских экстремистов – неисламский, по их мнению, характер этой власти и ее сотрудничество с неисламскими, атеистическими силами за пределами мусульманского мира. Да и Запад они ассоциируют прежде всего с неверием, а значит – с главным врагом ислама. Для них не очень актуальна нерешенность социально-экономических проблем мусульманских стран, хотя именно она создает благоприятную почву для пополнения рядов террористов. Интеллектуальные лидеры экстремистов не всегда формулируют в четкой развернутой форме свои стратегические планы. Но они обращаются к исламским постулатам как для определения общих целей и ближайших мишеней терактов, оправдания используемых при их совершении средств, так и ради мобилизации отрядов экстремистов, привлечения на их сторону новых союзников из числа мусульман. Иными словами, современный исламский экстремизм – это в значительной мере идейное явление. Прочность позиций исламского экстремизма заключается в его теоретической базе, ориентирующей на исламские политико-правовые концепции. Поэтому одной из самых важных сторон борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом является идейно-теоретический аспект. Противостоять исламскому экстремизму надо не только силами спецслужб, но и с помощью аргументации, основанной на исламских идейных концепциях.

Между тем российские исследователи редко обращаются к анализу идейных аспектов исламского радикализма. Лишь А.А. Игнатенко подробно разработал эту тему в своих публикациях. Другие авторы чаще всего ограничиваются повторением его выводов и оценок. Таким образом, анализ этой проблемы носит односторонний характер, поскольку сводится к изложению позиций идеологов исламского экстремизма. Что же касается взглядов их оппонентов, то они практически не затрагиваются. Трудно отделаться от впечатления, что российские эксперты больше озабочены воспроизведением концепций исламских радикалов, нежели анализом альтернативных оценок, развиваемых современной умеренной исламской правовой и политической мыслью. На такой вывод не могут серьезно повлиять отдельные публицистические материалы или подготовленные мусульманскими деятелями изда-

ния сугубо пропагандистской направленности, а также документы, отражающие позицию исламских духовных центров по отношению к терроризму (например, принятая в 2002 г. фетва Совета муфтиев России и научное приложение к ней). Прежде всего, потому, что в этих материалах исламская идейная альтернатива радикальному исламу подается поверхностно, без необходимой подробной и главное – убедительной аргументации. Содержащийся в них анализ отдельных тезисов, лежащих в основе идейных предпосылок исламского радикализма, не заменяет глубокой всесторонней разработки исламской позиции по отношению к указанному явлению. Подобный взгляд на проблему не позволяет составить целостной картины современной исламской мысли и ее позиций по отношению к экстремизму и терроризму. Очевидно, по меркам научной объективности такое положение вещей нельзя считать нормальным.

Если по другим направлениям противодействия этому опасному явлению (военному, финансовому, организационному, информационному) уже предприняты достаточно эффективные меры, в том числе при опоре на широкое международное сотрудничество, то идейно-теоретическая сторона явления пока остается вне внимания российских властей – как на уровне ее общего осмысления, так и в плане принятия практических шагов. В итоге сегодня исламские политические и правовые концепции стоят на вооружении не у Российского государства, а у сепаратистов, экстремистов и террористов. Поэтому без включения позитивного идейного потенциала ислама в арсенал государственных средств борьбы с терроризмом окончательно подорвать влияние исламских радикалов невозможно. Актуальность этой задачи определяется также тем, что российские духовные управления мусульман и иные исламские центры не проявляют достаточной активности и умения в идейном противоборстве исламскому терроризму, уходят от прямой полемики с исламскими радикалами по ключевым проблемам исламской правовой теории. Следует также учитывать, что в идейном противостоянии исламскому экстремизму и терроризму нельзя ограничиться поддержкой так называемого традиционного российского ислама, который на Северном Кавказе (СК) представлен суфизмом, а в Татаро-Башкирском регионе ассоциируется с джадидизмом (исламским модернизмом). Как показывает практика, эти формы исламской мысли пока не готовы предложить действенную, убедительную, конкурентоспособную, основанную на правовой аргументации и главное – разделяемую большинством

российских мусульман идейную альтернативу взглядам исламских экстремистов. Поэтому крайне важно анализировать позиции традиционной исламской юриспруденции и наработки современной исламской правовой и политической мысли. Надо учитывать, что альтернативные идеологии экстремизма взгляды отстаивают не просто известные и пользующиеся влиянием мусульманские деятели, а самые авторитетные институты исламской мысли.

Возникает принципиальный вопрос: действительно ли в идейном багаже ислама можно обнаружить лишь оправдание терроризма или там есть и его решительное опровержение? На протяжении веков исламская политическая и правовая мысль накопила огромный набор внешне противоречивых идей и представлений по всем ключевым вопросам, имеющим прямое отношение к современному терроризму. Они, в частности, касаются трактовки основ власти и права, взаимосвязей государства и индивида, статуса иноверцев и отношений с немусульманскими странами, обоснования допустимых методов политической борьбы. Неоднозначный подход ислама к этим проблемам наглядно иллюстрирует его примечательную черту – плюрализм взглядов на важнейшие стороны религиозной и мирской жизни. Это в особой степени характерно для сферы политики, поскольку основные конкретные предписания, призванные ее регулировать, были сформулированы на основе джихада. Напомним, что под ним исламская правовая мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, не урегулированным в Коране и Сунне Пророка Мухаммеда, или толкование внешне взаимоисключающих положений этих источников, которые допускают неодинаковое понимание.

Добавим, что немногочисленные имеющиеся в Коране и Сунне правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились в начальный период становления ислама как религии и государства, его острого соперничества с политическими и идейными противниками. В результате многие из этих норм отражают реалии, оставшиеся в далеком прошлом. Некоторые из них, чаще всего вырванные из исторического контекста своего формирования, в наши дни нередко намеренно используются для оправдания политического экстремизма и терроризма, нетерпимости и жестокости. Анализ как этих постулатов, так и альтернативных выводов исламской правовой мысли, приобретает особую актуальность в связи с тем, что после террористических актов 11 сентября 2001 г. лидеры международной антитеррористической коалиции не упускают случая подчеркнуть, что война ведется против террористов, а

не против ислама и мусульман. На словах отделить ислам от терроризма не трудно, а на деле все обстоит гораздо сложнее.

В публикациях на тему исламского экстремизма, в работах А.А. Игнатенко, достаточно полно проанализированы те исходные мыслительные позиции, которые составляют стержень мировоззрения мусульманских радикалов, в частности, концепции единобожия (таухид), обвинения в неверии (такфир) и джихада. Добавим к ним некоторые другие теоретические конструкции, прямо относящиеся к современному терроризму под исламскими лозунгами, например, «претворение предписанного Аллахом и пресечение запрещенного им», легитимность государственной власти, отношение к немусульманам, понятие шахида. Так, в оправдание терроризма исламские экстремисты обращаются к известным сурам Корана, которые часто называют «айятами меча». В них, в частности, говорится: «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте в крепостях и используйте против них всякую засаду... Сражайтесь с ними. Аллах накажет их вашими десницами, ввергнет их в позор и поддержит вас против них...» (9:5, 14, 73). Сторонники бескомпромиссной борьбы за утверждение ислама любой ценой приводят также высказывание Пророка Мухаммеда, которое якобы открывает путь насилию над неверными: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммед – Его посланник...»

Исламские экстремисты убеждены в своем праве вершить насилие над всеми, кто не подчиняется воле Аллаха, в том числе и над мусульманами, не разделяющими их взгляды. Для обоснования такого права используется, в частности, известная концепция, согласно которой мусульманин обязан всех побуждать следовать тому, что установлено шариатом в качестве обязательного или поощряемого, и предотвращать совершение запрещенного им. Этот принцип закреплен в ряде стихов Корана, один из них, например, гласит: «И образуется из вас община, которая будет призывать к добру, побуждать к соблюдению предписанного и отвращать от совершения запретного» (3:104). Наконец, одно из центральных мест в идейной платформе сторонников терроризма под исламскими лозунгами занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата. В качестве основного аргумента в пользу такой позиции рассматривается положение Корана: «О, вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху,

повинуйтесь Посланнику и вершителям дел из вас» (4:59). Исламские радикалы понимают это требование как категорический отказ подчиняться «неверной» власти. Важно подчеркнуть, что террористы отказываются признавать власть, принадлежащую не только неверным, но и исламским правителям, если последние отклоняются от шариата. Для этого они обращаются, например, к такому изречению Пророка Мухаммеда: «Послушание и повиновение подданных властителю – его право по отношению к ним, если только он не приказывает греховное; если же приказывается греховное, то повиновение ему не является обязанностью». В этом случае любой мусульманин, считают исламские радикалы, вправе остановить правителя «рукой», т.е. с помощью силы. Более того, отошедшего от шариата правителя они приравнивают к неверным. Одним из аргументов в пользу такого отношения к предавшей шариат власти считается фетва выдающегося мусульманского теолога и правоведа Ибн Теймийи (1263–1327), который относил монгольских завоевателей, ранее принявших ислам, но игнорировавших шариат, к неверным. Данная фетва используется исламскими экстремистами для обоснования «законности» терактов против властей в ряде регионов СК.

Теперь остановимся на ключевых аргументах, выдвигаемых идейными оппонентами или даже открытыми противниками мусульманских экстремистов. Наша цель – обратить внимание на те стороны исламского интеллектуального наследия и выводы современной исламской политико-правовой мысли, которые должны быть включены в арсенал средств борьбы с исламским радикализмом. Для этого обратимся к взглядам отдельных исламских деятелей, а также к разработкам авторитетных центров современного исламского правоведения. Анализ традиционной исламской юриспруденции позволяет сделать вывод, что наряду с постулатами, которые сегодня служат экстремистам, заметное место в ней занимают противоположные начала. Современные мусульманские правоведы относят к ним, в частности, умеренность, поиск компромиссов, лояльность властям, постепенность, избегание крайностей и риска, освобождение человека от чрезмерных тягот, исключение вреда. Этим ценностям, большинство из которых не привязано к конкретным историческим ситуациям и носит универсальный характер, в исламской правовой мысли можно найти не менее, а скорее даже более убедительное обоснование, нежели экстремистским взглядам. Поэтому вывод об эндогенном радикализме ислама должен быть обязательно дополнен указанием на присущие исла-

му умеренность, терпимость и способность к позитивному взаимодействию с другими культурами. Одновременно броский тезис «ислам против терроризма» вполне допустимо перефразировать как «ислам против ислама». И это не игра слов, а образное выражение сути проблемы. Речь идет об открытом столкновении не просто конкурирующих, но нередко взаимоисключающих идейных платформ. Необходимо со всей серьезностью относиться к обеим сторонам этого противостояния, ибо нельзя пренебрежительно относиться к традиционному существовавшему и сохраняющемуся сегодня радикальному прочтению исламских постулатов. Не случайно современные мусульманские мыслители умеренного толка уделяют такое пристальное внимание анализу радикальных исламских концепций. Они приходят к выводу, что постулаты, играющие роль идейной базы терроризма под именем ислама, идут вразрез с иной трактовкой шариата, делающей акцент не на слепом следовании его букве, а на постижении его главных целей, сопоставлении урона и пользы, которые может принести практическое претворение конкретных предписаний шариата. Причем авторитетные представители современной исламской мысли делают ставку на опровержение экстремистских взглядов именно исламскими правовыми доводами. Это, прежде всего, касается джихада.

Джихад – крайне многозначное понятие, по-разному трактуемое исламской мыслью. Анализ взглядов мусульманских юристов позволяет выделить узкое и широкое значения термина «джихад». В узком смысле джихад означает разработанные исламской правовой мыслью правила войны и юридические последствия ее окончания. Именно так понимал его традиционный фикх, сводя джихад к правилам подготовки и ведения боевых действий. Устоявшееся в фикхе отношение к джихаду в целом воспроизводится и современной исламской правовой мыслью. Например, Энциклопедия фикха, подготовленная крупнейшими мусульманскими правоведами Кувейта, подробно разъясняет именно указанные нормы. Надо учитывать, что традиционный фикх исходил из возможности ведения войны только против немусульман. Поэтому широко распространенное определение джихада в качестве «священной войны с неверными» не должно удивлять. Вместе с тем традиционный для фикха подход к джихаду не является единственным. Современная исламская мысль, выделяя приоритетные формы джихада с учетом иных положений шариата и его ведущих целей, понимает его в несколько ином ключе, значительно шире. Под джихадом подразумеваются усилия, нацеленные на претворение заповедей

Аллаха самыми разнообразными способами – вплоть до отстаивания истин ислама вооруженным путем. Причем использование силы допустимо лишь в строго определенных случаях, поскольку главное в джихаде – это призыв к следованию путем Аллаха, усилия, направленные на самосовершенствование и построение истинного исламского общества, основанного не только на буквальном следовании положениям шариата, но главным образом – на претворении его ведущих начал. Причем такой проповеднический джихад исключает любое насилие по отношению к немусульманам, о чем прямо говорится в Коране: «Нет принуждения в религии» (2:256); «...веди спор с многобожниками наилучшим способом» (16:125). Таким образом, вопреки убеждениям террористов, джихад отнюдь не сводится к войне.

Другой вопрос, связанный с пониманием джихада, касается позиции исламского правоведения в отношении оснований легитимного использования вооруженной силы: является ли целью военных действий отражение агрессии и защита мусульман или они предназначены, как полагают мусульманские радикальные проповедники, для борьбы с неверием и распространением ислама с помощью оружия? Подход традиционной исламской правовой мысли к данному вопросу не отличался единством. В ней действительно были течения, считавшие борьбу с неверием достаточным оправданием использования вооруженной силы. Этот взгляд разделяют мусульманские террористы. Современная исламская правовая мысль толкует вооруженный джихад в ином духе: авторитетные теологи и юристы подчеркивают, что в приведенных выше «айятах меча» речь идет только о тех арабских язычниках, которые коварно нарушили ранее заключенное с мусульманами мирное соглашение. И лишь по истечении четырех месяцев после этого стало возможным применение против них вооруженной силы. Кроме того, надо иметь в виду, что указанные коранические предписания касаются конкретной ситуации и не могут толковаться расширительно. Однако предписания Корана недвусмысленно говорят о предпочтении мира перед войной: «Если неверующие склонны к миру, то и ты, Мухаммед, склоняйся к миру» (8:61). Таким образом, современный фикх понимает джихад как допущение вооруженного насилия над неверными лишь в случае агрессии с их стороны. На первый взгляд, приведенные положения шариата свидетельствуют о защите жизни лишь мусульман. А как быть с неверными? Мусульманские правоведы ссылаются на изречения пророка и его сподвижников, недвусмысленно закрепляющие га-

рантии права немусульман на жизнь. Вывод: в современном фикхе преобладает точка зрения о недопустимости лишения жизни немусульман только по причине их неверия. Джихад не сводится к войне и не нацелен на вооруженное преследование немусульман. Военные действия как одна из разновидностей джихада легитимны лишь в качестве необходимого средства обороны для отражения агрессии, а не способа покончить с неверием. Кроме того, джихадом в точном смысле могут быть названы только такие действия, которые нацелены на утверждение исламских ценностей и их защиту. Следовательно, акции террористов, претендующих на единственно верное понимание шариата, этим критериям не отвечают, а они – первые нарушители шариата, который даже в ходе законной войны категорически запрещает убивать женщин и детей, а выдвигаемые террористами требования не имеют к этой религии никакого отношения. Напомним высказывание Пророка Мухаммеда: «Сотрудничайте в творении добра и благочестия и не сотрудничайте в грехе и несправедливости» (5:2).

В Коране особо подчеркивается роль знания, что объясняется тем, что собственно религиозные, культовые предписания Корана и Сунны в целом заметно отличаются от положений шариата, касающихся вопросов мирской жизни. Если первые характеризуются полнотой, конкретностью, однозначностью и действительно могут быть усвоены и претворены без посредников, то вторые сводятся преимущественно к общим ориентирам и принципам, осуществление которых в каждой конкретной ситуации требует специальных глубоких знаний. Отметим специфику взгляда умеренного ислама на соотношение божественного откровения и политики. Вопреки распространенному мнению религия и политика в исламе – относительно самостоятельные области. Бездоказательное отстаивание тезиса об их неразрывности – показатель поверхностного знакомства с шариатом, которое отвергает автоматический перенос его религиозно-догматических, этических постулатов на сферу политики, государства, права. Именно поэтому одним из краеугольных понятий шариата выступает иджихад. Критерий приверженности воле Аллаха – не решимость, а усвоение исходных начал и главных целей шариата, умение обращаться с ними. Поэтому защищаемый исламскими идеологами тезис о «верующем разуме» должен быть дополнен концепцией «сознательной веры». Претворение шариата в мирских делах предполагает не только и не столько жесткое и слепое следование когда-то установленным нормам, сколько рациональное осмысление и ре-

шение любых проблем мусульман в духе постепенности, умеренности, необременения человека, исключения крайностей, поиска компромиссов. Ибн Теймийя и Аль-Джавзийя подчеркивали рациональную природу предписаний шариата и не видели противоречия между истиной Аллаха и разумом. Одновременно они особо выделяли нацеленность шариата на удовлетворение потребностей людей. Игнорировать такие черты шариата, как гибкость, способность развиваться и соответствовать каждой эпохе и любым условиям, учет и уважение обычаев и традиций мусульман, значит не понимать смысл предписаний Корана и Сунны Пророка. Ведь, по словам Юсуфа аль-Карадави, они «всегда олицетворяют свет, показывающий верный путь, а отнюдь не оковы, препятствующие движению». По мнению Аль-Джавзийи, ни один муджтахид не вправе выдавать свое мнение за волю Аллаха. У имама Аль-Бухари находим хадис со словами Пророка: «Аллах не удерживает у себя знание, вырывая его из людских сердец, но сохраняет его в руках ученых».

Между тем исламская правовая доктрина исходит из того, что сформулированные путем иджитхада правила, которые по мирским вопросам количественно заметно преобладают над положениями Корана и Сунны, являются результатом человеческого творчества, хотя и определяемого основными целями и принципами шариата. Поэтому следует не звать к отказу от установленных людьми правил, а требовать, чтобы соответствующие государственные органы разрабатывали законы, включающие принципы и нормы шариата, и помогать власти в решении этой задачи. Однако такая позиция не укладывается в рамки исходных постулатов исламского радикализма. При ближайшем рассмотрении выясняется, что взгляды крупнейших мусульманских правоведов по данному вопросу отражают всю глубину шариата и учитывают все отстаиваемые им ценности и приоритеты. Приведем еще одну цитату из хадисов: «Воистину, Аллах добр и любит мягкость в обращении; Он дает в ответ на мягкость то, чего не дает в ответ на насилие». Однако исламские радикалы не задумываются о смысле предписаний шариата и обращаются только к тем, которые отвечают их исходным посылкам. Кроме того, они выбирают то, что подтверждает их видение ислама, например, из трудов Ибн Теймийи, который пользуется особым авторитетом у экстремистов. Наверное, натворив в этом мире столько преступлений, террористы надеются на заступничество за них Аллаха в будущей жизни. Боевики, идущие на самопожертвование, рассчитывают стать шахидами. Однако

погибшего по причине собственного греха ислам ни при каких обстоятельствах не относит к шахидам. Сопоставление аргументов сторонников взвешенного и радикального подходов к толкованию шариата естественно ставит вопрос: если такие разные и даже противоположные позиции в течение веков развивались в исламской мысли и сохраняются сегодня, то не означает ли это, что все они имеют одинаковый статус, равное право на существование? На уровне краеугольных устоев ислама это позволяет сделать концепция единобожия, смысл которой — абсолютное подчинение воле Аллаха. Среди исламских аргументов, используемых для оправдания терроризма, данная концепция занимает особое место. Кажется бы, единобожия наиболее последовательно придерживаются именно террористы, ни на шаг не отклоняясь от многих действительно имеющих в шариате правил, видя свою конечную цель в универсальном претворении шариата не только в религиозной, но и мирской жизни. На деле исламские экстремисты, наоборот, отходят от единобожия, произвольно манипулируя шариатом, рассматривая его как средство, а не как цель. Грамотный подход к шариату не имеет ничего общего с учением и практикой исламских радикалов.

Приведенные выше примеры экстремистского узкого толкования «айятов меча» и отказа мусульманских радикалов учесть смысл и цель конкретных норм Корана и Сунны красноречиво свидетельствуют о том, что они отказываются смотреть на шариат как на целостную систему непротиворечивых божественных велений. За отдельными, взятыми по своему выбору предписаниями шариата они не видят главного — смысла этих правил и упускают ту цель, ради которой они были сформулированы. Претворение шариата в земных делах предполагает не только и не столько жесткое и слепое следование когда-то установленным нормам, сколько осмысление и решение любых проблем мусульман в духе справедливого и разумного удовлетворения их интересов. Аль-Джавзийя подчеркивал рациональную природу шариата и не видел противоречия между истиной Аллаха и разумом. Особо выделяя нацеленность шариата на удовлетворение потребностей людей.

Анализ исходных постулатов исламских экстремистов можно продолжать. Но и приведенных примеров достаточно для вывода: сторонники возвращения к истокам ислама сами с ними не в ладах. Мусульмане действительно не нуждаются в таких посредниках, чтобы понять слова Всевышнего: «Побуждай к добру и отстранись от невежд!» (7:199). С учетом сказанного, можно ли

назвать исламских экстремистов единовобожниками, понимающими и претворяющими шариат во всей его полноте? Конечно, не все согласятся с положительным ответом на этот вопрос. Однако трудно оспорить вывод о том, что прикрывающиеся исламом террористы – не ведущие джихад борцы за чистоту веры, а воюющие с женщинами и детьми убийцы – не защитники исламских ценностей и искоренители неверия, а посягающие на основные цели шариата грешники, не выступающие против несправедливой власти герои, а сеющие хаос и смуту бунтовщики. Поэтому за такие свои преступления и грехи они должны отвечать не только по законами той страны, где они творят зло, или по нормам международного права, но и по шариату. Кстати, концепция пресечения греха в исламе предлагает действенный рецепт борьбы с терроризмом: «рукой» надо решительно останавливать исполнителей терактов, «языком» – настойчиво вести идейный бой с их вдохновителями и наставниками, а «сердцем» отринуть злобу и подспудное желание перенести оценку терроризма на ислам и мусульман в целом. Иначе говоря, шариат должен не стоять на вооружении у террористов, а быть обращен против них самих.

Все сказанное позволяет вернуться к отмеченному выше мнению об эндогенном радикализме ислама. Несомненно, в исламской мысли было и продолжает существовать радикальное направление, толкование постулатов шариата в экстремистском ключе. Но означает ли это, что предписания ислама, нормы и принципы фикха или исходные начала шариата сами по себе имеют такой характер? Как мы убедились, одни и те же исламские постулаты могут трактоваться и действительно интерпретируются в различном, нередко взаимоисключающем смысле. Ведь в обоснование любого понимания указанных предписаний недостаточно просто привести какой-либо аят Корана или хадис. Необходимо учитывать традицию их толкования. Это говорит о том, что словесная форма таких постулатов заранее не предопределяет вкладываемое в них значение. К тому же осмысление каждого из них в отдельности зависит от того, насколько оно учитывает иные положения шариата. Поэтому точнее говорить не о внутренне присущем исламу радикализме, а об утвердившейся в исламской мысли традиции по-разному понимать его предписания. Именно эта особенность исламского интеллектуального наследия позволяет сопоставлять различные подходы к конкретным нормам шариата. Причем альтернативный радикальным позициям взгляд имеет не меньшее, а с учетом реалий современного мира – даже большее

право на существование. По крайней мере, если последовательно придерживаться краеугольной для ислама концепции единобожия и воспринимать шариат как действительно всеобъемлющую и непротиворечивую систему исходных ценностей, принципов и конкретных норм. Из этого и исходит преобладающее направление современной исламской правовой и политической мысли.

Современное исламское правоведение не только противопоставляет свой концептуальный подход взглядам идейных лидеров мусульманских радикалов, но и предельно точно квалифицирует террористическую деятельность с позиций шариата и фикха. Ответственность за терроризм предусмотрена следующими положениями Корана: «Воистину, те, кто воюет против Аллаха и Его Посланника и творит на земле нечестие, будут в воздаяние убиты, или распяты...» (5:33, 34). Упомянутое преступление исламская правовая наука именует «хираба», что принято переводить на русский язык как «разбой» или «грабеж». Это преступление толкуется как пренебрежение государственной властью, посягательство на безопасность, подрыв стабильности социальной и экономической жизни общества, ущемление права личности. Сравнивая приведенные предписания Корана со смыслом понятия террора, мусульманские юристы приходят к выводу, что шариатской оценкой террора и является сформулированная в них норма. Иначе говоря, тому, что на языке политики и права называется терроризмом, в фикхе соответствует термин «хираба». Поэтому терроризм с позиции фикха представляет собой преступление, которое посягает на стабильность и созданный Аллахом жизненный порядок. Убедительным подтверждением такой оценки террора с точки зрения современной исламской правовой науки может послужить знаковое решение, вынесенное в 1988 г. Советом коллегии крупнейших алимов (мусульманских ученых) Саудовской Аравии – официальным и самым авторитетным по вопросам фикха в королевстве учреждением. Этот документ призывает к строгому наказанию террористов, преступления которых в конечном счете ведут к подрыву безопасности. В нем подчеркивается, что все нормы шариата направлены на защиту пяти основных общих ценностей шариата – религии, жизни, чести, разума и имущества. Приводятся и такие слова Аллаха: «Не распространяйте нечестия на земле после того, как на ней установлена была праведность» (7:56). Со ссылкой на положение Корана о «распространении нечестия» за данные преступления предусмотрена смертная казнь. Нельзя не заметить, что в этом определении терроризма акцент сделан на два его клю-

чевых признака, сформулированных исламским правом. Во-первых, он ассоциируется с «распространением нечестия», а во-вторых, посягает на одну из отмеченных основных шариатских ценностей.

Близкой по смыслу позиции в отношении терроризма придерживается и Академия фикха при Лиге исламского мира (ЛИМ). Так, на своей XVI сессии в 2002 г. она приняла так называемую Мекканскую декларацию, в которой подчеркивается, что шариат защищает жизнь и имущество не только мусульман, но и немусульман, в соответствии со словами Пророка Мухаммеда: у немусульманина такие же права, как и у нас, и на нем такие же обязанности, что и на нас. В этом документе терроризм оценивается как агрессия против человека и произвол по отношению к нему. Одновременно дается определение терроризма, под которым понимается агрессия, предпринимаемая отдельными лицами, группами или государствами против человека и посягающая на его религию, жизнь, разум, честь или имущество.

Данное понимание терроризма воспроизводит и решение указанной академии, вынесенное на XVII сессии в 2006 г. Одновременно на XVII сессии в нем говорится, что террористом является как исполнитель террористического акта, так и тот, кто ему содействует, финансирует такую деятельность либо помогает ей в любой форме. Причем такими пособниками могут быть как физическое лицо, так и группа лиц или государство. Особое внимание привлекает тот раздел, в котором отмечаются причины, приводящие к терроризму. К ним в первую очередь отнесены идейный экстремизм и фанатизм, а также незнание норм шариата. В связи с этим подчеркивается ответственность мусульманских ученых, правоведов, проповедников и научных центров за просвещение и идейное противостояние терроризму. Тем самым признается, что в современной исламской мысли есть экстремистское течение. Обращают на себя внимание те решения и документы ЛИМ, в которых решительно осуждаются любые взгляды, которые квалифицируются в качестве отклоняющихся от истинных исламских ценностей.

Надо отметить, что анализ исламского экстремизма, его идейных аспектов и противодействие радикальным концепциям относятся к приоритетным направлениям деятельности таких авторитетных международных мусульманских структур, как Организация Исламская конференция и Лига исламского мира. Это же можно сказать и об иных ведущих центрах исламской правовой мысли. Например, Европейский совет фетв и исследований неоднократно обращался к этой проблеме. Особого внимания заслужи-

вает решение XI сессии указанного совета, прямо посвященное джихаду. В соответствии с ним, общий анализ положений Корана и Сунны Пророка Мухаммеда подтверждает, что основу отношений мусульман с представителями иных вер и культур составляя милосердие, добро, позитивный обмен. Совет настоятельно рекомендовал не поддаваться экстремистской пропаганде, толкающей к кровопролитию и посягательству на собственность. Взамен этого совет призвал к использованию различных форм мирного джихада в соответствии с советом Пророка Мухаммеда: «Самым предпочтительным джихадом является слово истины, обращенное к правителю-тирану».

Иными словами, в решениях ведущих международных центров исламской правовой мысли воспроизводится преобладающий в современном исламском правоведении вывод о легальности вооруженного джихада только для противодействия различным видам насилия и преследования, в том числе и по религиозным мотивам. Современная исламская мысль характеризуется большим разнообразием. В ней нетрудно обнаружить концепции, толкующие шариат в радикальном ключе. Но это не относится к ведущим центрам исламской правовой науки. Их выводы – не оправдание терроризма, а убедительный аргумент против него.

*«Терроризм в современном мире»,
М., 2011 г., с. 411–451.*

К. Азимов,
востоковед (Ташкентский государственный
институт востоковедения)

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ХАОСОМ И СОБЫТИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ

Всякая революция – это конфликт. В недавно случившихся революциях, произошедших в арабских странах, которые называют «финиковыми» или «фисташковыми», можно обнаружить как сходные черты, так и особенные. Но любой исследователь задумается над общими чертами, которые можно обнаружить в прошедших событиях. Более того, эти революции обнаруживают сходство с «цветными революциями» на постсоветском пространстве и странах Восточной Европы. Обращает на себя внимание тот факт, что события в странах Северной Африки начались почти одновременно и, более того, проходили практически по одному сценарию.

В политологии обычно скептически относятся к «теориям заговора», поискам чьей-то «руки», однако события последних двух лет заставляют аналитиков предположить наличие скоординированного плана, реализация которого привела к означенным событиям. Зарубежные СМИ по-разному оценивают случившееся. Некоторые считают, что сходство революционных событий связано с типом режимов в этих странах (авторитарная власть, длительное пребывание у власти одного лидера, масштабы коррупции и т.д.), чего нельзя отрицать. Другие же обращают внимание на то, что степень социальной напряженности, уровень благосостояния и степень развитости экономик этих стран были разными, что не позволяет сделать однозначного вывода о причине возникшего (причем, почти одновременного) взрыва. Например, Тунис, несмотря на высокий уровень коррупции, считали страной благополучной. Эта страна уже длительное время живет за счет поступлений от своих граждан, работающих в Европе, а также за счет денег, которые тратят туристы, отдыхающие на пляжах страны. В Ливии благосостояние зиждилось на нефти, причем эта страна привлекала к себе гастарбайтеров из многих африканских и азиатских стран, что также свидетельствует об относительном благополучии страны. Что касается Египта, то здесь наибольшую опасность видели в деятельности исламистских организаций, однако в произошедших событиях они не играли доминирующей роли.

Те, из аналитиков, кто склонялся к «управляемой модели» конфликта, обращали внимание на развитие коммуникаций, Интернета, Твиттера и т.д., хотя при ближайшем рассмотрении оказалось, что эти средства современной коммуникации не так уж доступны для местного населения. Скорее можно говорить о приеме программ многочисленных европейских телеканалов.

Самосожжение 26-летнего выпускника вуза и одновременно безработного, стало детонатором народного взрыва в Тунисе. Но дальнейшие события продемонстрировали, что без предварительной подготовки, финансовой поддержки мятеж был бы невозможен, ибо законная власть как в Тунисе, так и в других странах обладала средствами подавления мятежей, но оказалась не в силах противостоять натиску толпы. Напомним, что накануне событий Тунис меньше всего был похож на страну, где зреет революционная ситуация: в 2004 г. доход на душу населения в Тунисе в среднем превышал аналогичный показатель не только в странах Ближнего Востока и Северной Африки, но и в странах Восточной Азии. Накануне событий была проведена реформа образования, введено

бесплатное среднее образование для детей до 16 лет. Однако повышение числа образованных тунисцев привело к росту безработицы. Среди тех, кто в 2011 г. вышел на улицы, было много дипломированной молодежи.

Возникает вопрос: а почему в списке «финиковых революций» отсутствуют Алжир, Марокко, соседние африканские страны, в то время как беспорядки охватили Тунис, Ливию, Египет, Бахрейн, Йемен и, позднее, Сирию? В соседних странах не меньше социальных проблем и отнюдь не демократические режимы. Похоже, что успех восстания в одной стране служил сигналом для «революционного подъема» в другой, но и это предположение не дает полного ответа на вопрос, почему события произошли именно в указанных странах. Некоторые аналитики обнаруживают в этих событиях цепную реакцию, но и она возможна только при условии наличия предварительной подготовки, тем более что сценарий событий в каждой стране был практически один. Специалисты обращают также внимание на кажущуюся стихийность революционных процессов. Ведь во всех странах были политические партии, которые проповедовали разные идеологические концепции. Однако во время массовых выступлений никаких лозунгов, характерных для любой революции (о чем свидетельствует история), не было! Ни одна из партий не взяла на себя ответственность за «организацию» протестных движений! И это в странах, которые некогда образовались в результате национально-освободительных движений. Похоже, что протестующая толпа имела своей целью только свержение действующей власти и отнюдь не была объединена идеей социальной справедливости, не имела лидеров, которые бы разработали программу дальнейших действий, т.е. она не была готова решать судьбу своей страны. Естественно, что в этих условиях для режиссеров арабских революций (а мы считаем, что события имели своих сценаристов и режиссеров) открывались возможности для продвижения нужных им кандидатур.

Анализ работы «Теория хаоса и стратегическое мышление», автором которой является американский политолог и дипломат Стивен Манн, позволяет нам высказать предположение о том, как были организованы «финиковые революции». Бывший представитель Президента США по евразийским конфликтам откровенно заявил: «Мы должны стремиться к интенсивным изменениям в обществах, находящихся в конфликте, и должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам». И далее:

«Многие сложные системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, в которой незначительное событие вызывает цепную реакцию, способную затронуть многие элементы системы...»; «Мы должны стремиться к интенсивным, активным изменениям в обществах, находящихся в конфликте. И надо помнить, что говорил Джордж Шульц: ни один исход урегулирования не бывает справедливым для всех. Кроме того, право часто не применяется в сегодняшней реальности, которая основана на конфликте». Высказывания С. Манна свидетельствуют о том, что в Вашингтоне разрабатывают новые методы манипулирования общественными процессами в странах, которые находятся в фокусе внимания Вашингтона: «Я хотел бы высказать одно пожелание: мы должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам – например, при уничтожении иракской военной машины и саддамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор».

В традиционных обществах любая личность глубоко интегрирована в социум, клан, род или племя, что защищает ее от любого внешнего психологического воздействия. Чтобы защититься от негативного влияния или любой формы информационной агрессии, каждый член этого сообщества опирается на ресурсы всего общества в целом и на помощь его членов. Успех возможен только в случае разрушения самой традиционной структуры общества путем организации политического хаоса. Только в таком случае человек лишается опоры, коллективной поддержки и вынужден заботиться лишь о собственном выживании. Создать хаос можно путем политического переворота или мятежа. Ныне для этого есть новые мощные средства, в результате использования которых можно организовать информационно-пропагандистскую кампанию, целью которой является дискредитация традиционных ценностей. В результате может произойти разрушение традиционного уклада, девальвация традиционных ценностей, и, как результат, может возникнуть идеологический вакуум. Именно сюда «запускается» заранее созданная идеологическая концепция, которая, на первый взгляд, несет в себе положительное зерно. На самом деле речь идет о смене системы ценностей, но вырванные из своего

традиционного уклада и потерявшие поддержку своего рода или клана, будут хвататься за любую идеологическую концепцию, гарантирующую выживание. Именно этого добиваются авторы теории управляемого хаоса, ибо с ее помощью возможно манипулирование сознанием индивидов.

Стив Манн определяет эту концепцию как революционную, ибо она может изменить стереотипы стратегического мышления. По его мнению, для достижения успеха нужно создать хаос, т.е. нарушить традиционное социальное устройство. Именно такую картину сегодня можно наблюдать в странах Северной Африки – Тунисе, Ливии, Египте, – ставших жертвами подобных преобразований. Обращает на себя внимание отсутствие революционной идеологии. Однако история свидетельствует, что настоящие революции являются проявлением воли народа, а идеология формируется задолго до начала массовых выступлений. Это обстоятельство заставляет задуматься о несколько нетрадиционном развитии событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, что позволяет предположить наличие некоего внешнего центра управления. Примерно такая же ситуация в свое время имела место во время «цветных революций», в том числе на постсоветском пространстве в странах Центральной Азии, где преобладает мусульманское население.

В традиционных восточных обществах, где сохранился общинный и родовой уклад жизни, интересы отдельной личности обычно не учитываются, в то время как интересы общины находятся в центре внимания. На Востоке человек считает себя состоявшимся, если он реализовал себя в соответствии с интересами общины или рода. Как мы уже отмечали, община дает человеку поддержку и защиту, нередко даже в большей степени, чем это может обеспечить человеку Запада либеральное государство. Следовательно, свобода индивида в восточных обществах понимается совсем не так, как на Западе: свою пользу обществу человек рассматривает через использование ресурсов, которые ему дает членство в данном социуме.

Характерно, что попытки ликвидировать трайбалистское устройство общества обычно терпят провал. Так, после свержения монархии в Ираке (1958) республиканское правительство взяло курс на модернизацию. Уже через год было опубликовано «Коммюнике № 1», в котором речь шла об отвержении трайбализма в Ираке. В 1963 г. партия Баас, пришедшая к власти, не изменила отношения властей к этому вопросу, однако на деле все назначе-

ния на ключевые посты производились с учетом племенной принадлежности. Более того, после войны в Заливе (1991) С. Хусейн, вероятно нуждаясь в поддержке общества, стал заявлять о том, что племенной фактор – сплавляющая сила. В этот период он активно контактировал с вождями племен, поддерживая их финансово. В условиях хаоса после американской агрессии (2003) страна оказалась разделенной на регионы и религиозные сообщества. И вновь племенной фактор стал играть значимую роль, будучи как одной из линий раскола, так и фактором объединения людей, имеющих общие корни. Х. Аль-Мухаммад, из Кентского университета (Великобритания), пишет, что «когда иракец оказывается в ситуации, угрожающей его жизни и имуществу, именно племя, как правило, готово сыграть в его жизни весьма существенную и абсолютно прагматическую роль».

Отсюда и иной смысл понятия справедливости в традиционных восточных обществах, где справедливость должна рассматриваться как благо для всей общины. Во внутренней политике это выражается в стремлении добиться высоких государственных постов для представителей своего клана (хотя Запад демонстрирует массу аналогичных примеров) или племени, т.е. принцип народного представительства здесь сводится к представительству родовому, клановому или общинному. Таким образом, традиционный уклад и принципы и правила поведения, принятые в общинах, пришедших к власти, оказывают свое влияние на всю внутреннюю политику, придавая ей устойчивость к любым внешним воздействиям. При этом европейские идеи о праве каждого члена общества, независимо от его происхождения, участвовать в управлении государством на Востоке не соответствуют принципам традиционного общества, где по-прежнему имеет ценность принадлежность к тому или иному клану. Понятие братства в восточных обществах с преимущественно мусульманским населением опирается на принципы, зафиксированные в Коране и хадисах.

О. Руа из Института политических исследований (Париж) рассматривает последние события в странах Арабского Востока как проявление глубочайшего раскола арабо-мусульманских обществ. Данный раскол присутствует во всех общественных слоях, в том числе и в тех, которые настроены оппозиционно по отношению к правящим режимам: «Конфликт между поколениями имеет место и в оппозиции, выступающей против автократии, и это особенно заметно, например, у египетских “Братьев-мусульман”»: старшее поколение, контролирующее аппарат организации, все

еще придерживается традиционного преклонения перед харизматическим лидером». Рассматривая сложившуюся ситуацию, он делает вывод, что произошедшее на площади ат-Тахрир на самом деле не объединило, а разъединило людей, ибо общество разделилось на тех, кто выступал против экономической монополии элиты, и тех, кто хотел сохранить существующее положение, причем среди последних были не только власть имущие, но и копты, требования которых сводились к исключению всяческой дискриминации их интересов.

Характерно, что некоторые исследователи связывают причины рассматриваемых нами конфликтов с глобальным потеплением, ибо в начале 2011 г. произошел резкий скачок мировых цен на продовольствие, вызванный неблагоприятными погодными условиями в странах – экспортерах продовольствия. С. Джонстоун и Дж. Мазо, сотрудники Международного института стратегических исследований (Лондон), обращают внимание на то, что ввиду засухи Россия – крупнейший поставщик зерна Египту и другим арабским странам – в августе 2010 г. ввела эмбарго на экспорт пшеницы, ржи и ячменя. Согласно данным Международного зернового совета, Египет за второе полугодие 2010 г. получил только 1,6 млн. т российского зерна по сравнению с 2,8 млн. т за тот же период 2009 г., в результате чего цены на продовольствие в Египте во второй половине 2010 – начале 2011. г. возросли на 20%. Однако международные эксперты считают факт повышения цен лишь «отягчающим фактором».

Аланауд аш-Шарех, специальный корреспондент по Ближнему Востоку Международного института стратегических исследований (Лондон), среди причин, вызвавших антиправительственные волнения, выделяет экономическую стагнацию и низкие доходы населения на фоне высокой инфляции. Безработица в регионе составляет в среднем 10%. В Тунисе – 14, в Ливии – 30, в Йемене – 35%. Ситуация усугубляется высоким демографическим ростом. В Египте широко разрекламированная политика «открытого рынка» не смогла остановить падения жизненного уровня населения; никаких реформ, которые смогли бы осуществить реальный экономический рост, проведено не было. В связи с волнениями в Тунисе и Египте власти богатых нефтедобывающих стран Персидского залива увеличили натуральные и денежные субсидии населению, но о каких-либо политических реформах объявлено не было.

Аш-Шарех считает, что «просто свержение существующих режимов без активной новой политики по снижению роста населения и проведения реальных экономических реформ не решит проблем, стоящих перед странами региона. Нынешние субсидии в долгосрочном плане нежизнеспособны. Они могут привести к банкротству государства. Даже в богатых нефтедобывающих странах эти меры рассматриваются как временные, чтобы погасить широкое гражданское недовольство».

Складывается впечатление, что о геостратегических последствиях «арабской весны» внутри арабских стран мало кто задумывался. Однако очевидно, что произошедшие события в разных арабских странах имеют один и тот же почерк. М. Оттавей считает, что исходные позиции везде были одинаковы: преобладание молодежи в демографической структуре населения, делающее весьма трудным делом предоставление им образовательных возможностей и рабочих мест, высокий уровень бедности, авторитарная и коррумпированная власть. Неолиберальные реформы, проведенные в некоторых арабских странах, в свою очередь, обострили ситуацию. Тем не менее различные авторы, как мы уже отмечали ранее, отмечали достаточную стабильность и устойчивость правивших в странах Северной Африки политических режимов.

Оставляя в стороне версию о полной спонтанности и случайности «революций» в Тунисе, Египте и других арабских государствах (которая тоже имеет право на существование), остановимся на предположении, что все случившееся (хотя бы в странах Северной Африки) – управлялось из одного центра. В этом случае сразу возникает несколько ключевых вопросов. Первый: при помощи каких технологий эти «революции» были осуществлены? Второй: кто является заказчиком и дирижером этих событий? История свидетельствует, что договориться с лидерами враждующих государств, чувствующих за собой реальную силу и опирающихся на поддержку армии и основной массы местного населения, довольно трудно. Примером, может служить более чем полувековая израильско-арабская конфронтация. В этой связи управлять специально инициированными политическими конфликтами (в которых их участники являются объектами, а не субъектами) гораздо перспективнее. Сегодня уже стало очевидным, что любые разновидности «цветных революций» – это результат применения технологий информационно-психологического управления международными конфликтами. Именно такие формы этнополитических конфликтов были применены в государствах Северной Африки.

На первый взгляд эти конфликты представляются уникальными. Однако по многим параметрам они обладают большим сходством и в основном развиваются по одним и тем же сценариям, что позволяют предсказывать их дальнейшее развитие. Можно также обнаружить и сформулировать их обобщенные характеристики.

Многие исследователи пытались заниматься типологией конфликтов и обнаруживали, что каждая эпоха добавляет новые виды конфликтов. Если прежние конфликты сводились в основном к пограничным, когда речь шла о спорных территориях, в том числе конфликтам по определению шельфа, совместному водопользованию, разделу нефтяных полей и т.д., то сегодня представления о международных конфликтах нужно пересматривать. Технологии так называемых «финиковых» и «фисташковых революций» обнаруживают определенное сходство с «цветными революциями», произошедшими в Восточной Европе и республиках бывшего СССР. Здесь был использован тот же набор психологических методик и организационных приемов. Акцент везде делался на раскол традиционных восточных обществ, нарушение сплоченности родовых и племенных кланов. Главной задачей стала дезориентация народных масс в политической обстановке с помощью технологий управления массовым сознанием, с тем чтобы погрузить социум в состояние распада и создать атмосферу политического хаоса. Именно на это обращают внимание многие эксперты в странах Северной Африки и Ближнего Востока.

Но кто же стал дирижером этих событий? Кто разрабатывал сценарий? Обращает на себя внимание одновременное обилие антиисламских и антимусульманских высказываний ряда политиков в странах Запада. Причем значительная их часть подается в банальной упаковке через средства массовой информации, что обывателем воспринимается как угроза его существованию. Скандально известный фильм «Невинность мусульман» изначально должен был возмутить мусульман всего мира. Именно этого и добивались его создатели. После этого фильма буквально каждое антиисламское высказывание как бы получало аргументацию в виде протестов мусульман: вот вам подтверждение того, что угроза демократическому миру исходит именно из исламского мира.

Заказчики «финиковых революций» надеются, что в результате этих событий к власти придут люди, которые под натиском доставшихся им проблем будут вынуждены обращаться к Западу за помощью и поддержкой. Очевидно, что новая власть в арабских государствах, будет озабочена собственным международным при-

знанием, а для этого ей, возможно, придется поступиться любыми национальными интересами. Такое руководство будет намного сговорчивее в решении ключевых политических и экономических вопросов. Именно с таким правительством можно будет пересмотреть экономические соглашения и изменить их в лучшую для себя сторону, пообещав незначительные политические авансы. Этот процесс уже начался в Ливии и Тунисе.

Истинные цели «фисташковых революций» в указанных странах лежат, несомненно, глубже, чем просто смена политических режимов и замена, в общем, лояльных, но малоуправляемых (в силу своей бессменности) авторитарных лидеров арабских государств на новых, постоянно зависящих от внешней политической поддержки. Естественно, что на поверхности лежит заинтересованность заказчиков в полезных ископаемых региона, прежде всего нефти. В частности, доказанные запасы нефти Ливии составляют 5,7 млрд. т. Далее идут Нигерия (4,8 млрд. т), Ангола (1,8 млрд. т), Алжир (1,5 млрд. т), Судан (0,9 млрд. т). На долю Западной Африки уже сейчас приходится 15% нефти, импортируемой в США, и этот показатель, по всем прогнозам, в течение ближайших 25 лет достигнет 25%. Нефтяные месторождения найдены также на побережье Анголы, Габона и Нигерии. Выскажем предположение, что случившееся в странах Северной Африки является прелюдией к более масштабным событиям на Черном континенте, и что цель осуществляемого сценария заключается в том, что именно таким образом США пытаются уменьшить энергетическую зависимость от Ближнего Востока.

Возможно, что активизация африканского направления связана с тем, что здесь появился еще один перспективный игрок – Китай. Пекин импортирует из африканских стран примерно треть необходимой нефти. В 2006 г. Ангола, обогнав Саудовскую Аравию, стала основным поставщиком нефти в КНР. В сфере энергетики КНР является крупнейшим партнером таких африканских стран, как Судан, Ангола, Нигерия, Экваториальная Гвинея и Демократическая Республика Конго. КНР проявляет интерес к рудным месторождениям, импортируя цинк, кобальт, медь, уран и бокситы из Замбии, Зимбабве, ЮАР, Габона и Марокко. Обращает также на себя внимание тот факт, что США в темпах экономического развития проигрывают Китаю и все больше становятся зависимыми от его быстрорастущей экономической и политической мощи. В этих условиях для Вашингтона становится чрезвычайно важным любой ценой удержать контроль над крупными запасами

углеводородного сырья, воспрепятствовать его экспорту в Китай и тем самым сдержать его экономический рост.

Что касается Сирии, то здесь ситуация более сложная. Недовольство населения длительным пребыванием у власти семьи Асадов, к тому же представителей шиитского меньшинства, по мнению западных стратегов, необходимо было использовать, тем более что в последнее десятилетие руководство страны стало допускать ошибки, отразившиеся на экономическом положении населения. Кроме того, Сирия – верный союзник России на Ближнем Востоке, а также единственное арабское государство региона, поддерживающее дружеские отношения с Ираном. Иран, в свою очередь, представляет угрозу для Израиля и, следовательно, для США, так как ядерные исследования могут сделать это государство лидером Ближнего и Среднего Востока. Вступление Ирана в «ядерный клуб», по мнению израильских стратегов, может иметь катастрофические последствия для Израиля.

Сценарий, который был предложен для Сирии, – под предлогом смены власти, осуществляемой оппозицией, начать в стране гражданскую войну – явно пробуксовывает. События, начавшиеся в марте 2011 г. с вооруженных выступлений в пограничных городах (Деръа, Идлиб), перекинулись на побережье, где традиционно были сильны происламские (антишиитские) настроения. Однако значительная часть населения (горожане, представители среднего класса и этноконфессиональных меньшинств) дорожат стабильностью и требуют разрешить ситуацию мирными средствами.

Новым актом сирийской драмы стали столкновения между сирийской армией и турецкими войсками. Несмотря на то что сирийское правительство извинилось за случайный обстрел турецкой территории, подобные обстрелы продолжаются. Совершенно очевидно, что Дамаск не заинтересован в разжигании конфликта с соседним государством, тем более в нынешних условиях. Более вероятно, что режиссеры «сирийского хаоса» включили в свой сценарий новый элемент – конфронтацию с Турцией. Надо отметить, что в период правления Б. Асада отношения с северным соседом впервые практически за столетие были нормализованы. Для Анкары возникла возможность через Сирию улучшить отношения с другими арабскими странами. В этот период ряд наблюдателей даже предупреждали турецкое руководство, что оно рискует потерять благорасположение США и Израиля. Однако у Турции были свои планы: ее растущая экономика требовала новых рынков сбыта. Возможно, были и иные соображения: создать союз суннитских

государств с лидерством в нем Турции, что повысило бы авторитет страны, много лет ожидающей, что ее примут в ЕС. Таким образом, Анкара надеялась убедить Европу в том, что именно она является ключевым государством в регионе. Нынешние события возвращают Анкару к более тесным отношениям со странами НАТО, США и всеми теми, кто инспирировал «фисташковые революции».

Очевидно, что в США разработали масштабный план «перегрузки» политической ситуации в регионе, где сосредоточены их энергетические и политические интересы. Наша версия происходящего дает основание предположить, что именно Африка и Ближний и Средний Восток сегодня являются точкой пересечения жизненно важных интересов двух великих держав – США и Китая, которые уже вступили между собой в непримиримую борьбу за доступ к энергоресурсам и политическое влияние в регионе. В этих условиях политика Вашингтона может выражаться в том, чтобы любой ценой удержать контроль над крупными запасами углеводородного сырья, воспрепятствовать его поставке в Китай и Европу и тем самым сдержать их экономический рост.

Один из методов достижения этой цели – использование национальных сепаратистских и экстремистских движений для дестабилизации неподконтрольных регионов – так называемый «управляемый хаос». Применение именно таких технологий и наблюдается сегодня в странах Северной Африки и Ближнего Востока, переживших или продолжающих переживать «финиковые революции». Это основная цель США и причина «революционных» событий в регионе: не исключено, что перед новыми лидерами, пришедшими к власти с помощью технологий «цветных революций» и «управляемого хаоса», будет поставлена задача перекрыть (или существенно сократить) экспорт энергоносителей в Китай.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 240–249.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 4 (250)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 2/III-2013 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 300 экз. Заказ № 41

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

